

Еврейский *Ж У Р Н А Л*

- СКОЛЬКО НАС, ВАС, ИХ
- ГОРЕСТНЫЕ ДУМЫ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА
- БУДЕТ КАК БЫЛО
- ГОСПОДА, НАДЕНЬТЕ ШТАНЫ
- АМЕРИКА ИЗРАИЛЮ ПОДАРИЛА ПАРОХОД
- СЛОВО ИМЕЕТ КОМИССАР
- ПИСЬМА ЛЬВА ШЕСТОВА

1992

JEWISH MAGAZINE

Editors: Eitan Finkelstein and Shimon Markish

Literary Editor: Alexandra Zalkin

Publisher Dubnow House

© Dubnow Hause, 1992

MOSCOW • NEW YORK • TEL AVIV • GENEVE

דער יידישער זשורנאל

Под редакцией Эйтана Финкельштейна и Шимона Маркиша
Литературный редактор Александра Цалкина

© Издательство «Дом Дубнова», 1992

МОСКВА • НЬЮ ЙОРК • ТЕЛЬ АВИВ • ЖЕНЕВА

ISSN 0939-5369

Еврейский *ЖУРНАЛ*

1992

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Кронид Любарский. <i>Размышления не с того края</i>	8
Эйтан Финкельштейн. <i>Слитно или отдельно?</i>	15
Эдвард Норден. <i>Посчитаем евреев</i>	23
Э.Ф. <i>Мы едем, едем, едем...</i>	36
Лев Карсавин. <i>Россия и евреи</i>	38
Аарон Штейнберг. <i>Ответ Л.П.Карсавину</i>	50
Шимон Маркиш. <i>Уйти, чтобы остаться, или уходя уходи?</i>	55
Александр Архангельский. <i>Еврей в церкви</i>	64
Гедеон Рафаэль. <i>Шесть дней и двадцать пять лет</i>	67
Норман Подгорец. <i>Америка-Израиль: тревожные перемены</i>	71
Даниэль Пайпс. <i>Во всяком случае – не враг!</i>	78
Фридрих Горенштейн. <i>Летит себе аэроплан</i>	80
Эдуард Шульман. <i>Дневник, рапорт, стихотворение</i>	89
Генрих Бродер. <i>Профессия – Голокауст</i>	91
Лео фон Дау. <i>Талес для шпиона</i>	95
Лев Шестов. <i>Письма Михаилу Гершензону</i>	97
Письма в редакцию	117

ОТ РЕДАКТОРА

Пустеет еврейская улица. Каждый вечер то из одного окна, то из другого слышен гам очередных проводов. Каждое утро то к одному дому, то к другому подъезжает вереница такси, чтобы отвести на вокзал или в аэропорт очередную партию отъезжантов.

Но не только пустеет – перекрывается шлагбаумами, разрезается на большие куски и маленькие кусочки.

Помнится, совсем недавно говорили мы между собой: этот «украинский», этот – «литвак», а вот тот уж очень картофельные латки любит, значит, «белорус». Могли мы и одесситов поругать, и посмеяться над кишиневцами, и «западнику-рижанину» позавидовать, но и для себя и для других оставались на одно лицо – российскими, а если хотите, советскими евреями. Общий у нас был язык, общее прошлое, общие заботы о настоящем и мечты о будущем. Сегодня понятия «украинское еврейство», «молдавское», «латвийское» становятся юридическими, завтра же дети наши и внуки станут частью разных миров. Дай Бог, не враждебных.

Что ж, не нам жаловаться – ведь это мы, начав в 60-х борьбу за выезд в Израиль, положили начало тому процессу, который ученые мужи называют дезинтеграцией империи, а люди простые – разбеганием по национальным квартирам. Не нам и сожалеть, ибо желание «разбежаться» исходит от миллионов людей, от целых народов, уставших, как и мы, жить в «братской семье», нескончаемо стремиться к «светлому будущему», вечно трястись в трамвае, где «один правит...». Другой вопрос, что разъехаться-то не так просто, иногда невозможно, да и не до конца ясно, станет ли житье врозь выгоднее, удобнее, не затоскуют ли через какое-то время, не захотят ли назад, на «общую кухню» прежние ее обитатели?

Но то вопрос будущего, сегодня же главное – осмыслить новую реальность, понять, какое место уготовила она нам, да и уготовила ли вообще. А это для нас с вами весьма непросто, ибо она, эта теперешняя реальность, все наши прогнозы опрокинула, все предсказания опровергла. Так что, отбросив предвзятость и отказавшись от старых штампов, переосмыслить ее мы должны заново.

Помните, о чем говорили мы лет двадцать, а то и десять назад? Вот если власть ослабевает, если получит русский народ свободу, он первым делом начнет нас, евреев, громить. А кто будет главный погромщик, где прольется больше всего нашей крови? Конечно, украинец, хохол. Конечно же, на Украине. Ошиблись. Каемся. Ни русский человек, ни украинец еврейской крови не жаждут, погрома ни одного не учинили, к еврею относятся спокойно, разве что завидуют, когда тот в свой Израиль уезжает. (А если кто антисемитским кадиллом и размахивает, так это советский интеллигент, который «немножечко писатель, немножечко чекист» и которому, если родину-мать от еврея не защищать, так вроде и нечем больше заняться.) Итак, ошиблись мы, отношение к нам и проблемам нашим оказалось совсем не таким, как казалось. Но какво же оно?

Во-первых – разное. Одно в России, совсем другое – в бывших республиках бывшего же Советского Союза.

Конечно, все они – молодые государства – реальной независимости еще не добились, проблем там хоть отбавляй, разногласия слышна чуть ли не по всем вопросам. Тем удивительнее, что в отношении к местным евреям там всюду установился национальный консенсус, смысл которого в следующем: евреи, живущие в нашей стране, – это наше национальное меньшинство, и в обмен на лояльность нашему государству мы готовы предоставить им все права граждан, а также особое право создать национальную общину, открыть синагогу, школу, театр. Тесные связи с соотечественниками в Израиле и других странах готовы признать как часть особых национальных прав.

Легко заподозрить, что все это говорится и делается из конъюнктурных соображений, пройдет какое-то время, и в Киеве, Минске, Риге и других столицах забудут о былых обещаниях. Однажды в истории именно так и случилось. В двадцатые годы балтийские страны, только что став независимыми, всячески демонстрировали добрую волю по отношению к еврейскому меньшинству. Идея национально-культурной автономии была воплощена там в полном объеме. Но уже к середине тридцатых права евреев стали ущемляться...

Сегодня ситуация иная. Гарантом прав еврейского меньшинства в небольших и сильно отставших странах, образовавшихся на месте СССР, выступает Израиль. И не потому, что это ему органически свойственно, а потому, что сами эти страны чрезвычайно заинтересованы в тесных политических и экономических связях с еврейским государством. Все они, включая среднеазиатские республики, уже установили разнообразные (а 9 из 11 стран – дипломатические) отношения с Израилем.

Итак, перед евреями в бывших советских республиках открылись невиданные возможности. Другой вопрос – кто и как сумеет ими воспользоваться. Увы, реализовать идеи С.М.Дубнова о национально-культурной автономии, вероятнее всего, смогут лишь евреи Украины и, быть может, Беларуси, где их число превышает «критическую массу», необходимую для поддержания полноценной национальной жизни. В остальных же странах местные общины обречены играть роль музеев еврейской истории...

Совсем иначе складывается положение дел в метрополии – России. Там, в который уже раз в ее истории, остро встал вопрос – оставаться ли этой стране империей, перестроиться каким-то образом на демократический, федеральный лад или, махнув рукой на всех и вся, превратиться в национальное русско-православное государство.

Из самиздата, из застольных разговоров знали мы, что думают о нас националисты-почвенники, как видят решение еврейского вопроса демократы-западники. Но сегодня застольная полемика перекочевала на страницы газет и журналов, в залы съездов и конференций, начала обретать конкретные формы, отражаясь в законах Российской Федерации, в практической политике правительства этой страны. Так какое же место готовы (получив реальные возможности влиять на события) предоставить нам противоборствующие стороны?

Либерально-демократическую точку зрения представляет на страницах нашего журнала Кронид Любарский. Он – ветеран правозащитного движения, один из немногих диссидентов, захотевших и сумевших включиться в современную политическую жизнь России. (Благодаря его, в частности, усиления были приняты законы РФ «О реабилитации политических заключенных» и «О гражданстве Российской Федерации».)

Любарский прежде всего озабочен массовым отъездом евреев из России и считает, что «последствия его могут стать поистине трагическими для обеих сторон». Его, как и многих в России, тревожит «ослабление интеллектуального потенциала страны», но он один из немногих, кто понимает, что «допущение массовой эмиграции евреев разрушительно отразится и на нравственном потенциале общества». Говоря о «знаменитой еврейской социальной

отзывчивости, о способности евреев находиться на переднем крае общественных движений, направленных на устранение социальной несправедливости», Любарский более всего скорбит о том, что «уменьшение роли «еврейского начала» в социальной структуре российского общества неизбежно должно привести к снижению его нравственного потенциала».

В отъезде из России Любарский видит трагедию и для самих русских евреев. Израиль, как он считает, не унаследовал высокого интеллектуального уровня и «особых черт еврейского духа», свойственных евреям Диаспоры. Как государство Израиль «решительно ничем не отличается от своих коллег по ООН», а израильское общество, в ряду других, «не составляет исключения ни в лучшую, ни в худшую стороны».

Выводы читатель может сделать сам. Оставаясь в России, еврей получает возможность максимально реализовать свой духовный и интеллектуальный потенциал и как таковой, «как личность» может сыграть важную роль на сцене истории. Эмигрируя же в Израиль, он может – добавим, после многих лет борьбы за выживание – стать всего лишь «гражданином государства, осознающим необходимость охраны интересов государства, не всегда совместимых с правами личности».

Рассуждения К.Любарского, к сожалению, страдают некоторым схематизмом. В какой конкретно роли видит Любарский еврея на сцене русской истории, уверен ли он, что роль эта ему под силу и что на нее не станут претендовать другие «актеры»? Но больше всего настораживает предложение выступить в качестве личности и во имя идеалов. Сегодня мы менее всего хотим повторять ошибки «людей без национальности» – революционеров всех мастей, которые действовали на сцене истории как личности и оставили в ней заметный след. Кровавый, между прочим. Их беда, как мы теперь понимаем, заключалась в том, что действовали они от имени абстрактных «классов» и во имя абстрактных же идеалов. Быть может было бы лучше, если бы личность, желающая выйти на сцену истории, запаслась не справкой о высоком интеллектуальном и духовном потенциале, а мандатом от конкретных людей, и отстаивала, скажем, в парламенте не только идеалы свободы, но и интересы представляемых ею групп? В частности – еврейской общины.

Очень конкретен, очень откровенен другой наш автор – Александр Архангельский. Он – представитель нового поколения, скажем так, церковных интеллектуалов. Путиами прошлого не связан, от штампов его и предвзятостей свободен. Будущую Россию видит государством «национально-демократическим», православной церкви, как можно предположить, отводит центральное место в его возрождении.

«Почему и зачем» уезжают евреи, он не знает, «да и не мое это дело». А вот судьба остающихся его волнует. Но чувствуется, не как таковых, а как группы, трудно вписывающейся в модель той России, какой ее хотели бы видеть он и его единомышленники. Архангельский предлагает остающимся в России евреям либо «стать частью *обособленного* (выделено мной. – Э.Ф.) еврейского мира внутри российского космоса», либо «частью российского космоса, *автономного* от еврейского мира». В существование «пограничного пространства», в возможность быть одновременно и русским и евреем он не верит. Вход же в русский космос возможен – по Архангельскому – только через крещение, причем, принимая его, каждый еврей должен «осознать, что в самый миг крещения он перестает быть евреем». Жестко, но честно.

Что ж, не нами начат русско-еврейский диалог, не мы поставим в нем последнюю точку. Наша цель в том, чтобы он не прерывался, даже когда все мы разбегаемся по национальным квартирам. В конце концов всем нам еще предстоит встретиться. ●

Кронид ЛЮБАРСКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕ С ТОГО КРАЯ

Что касается русских мыслителей, то для того, чтобы ими стать, необходимо обладать русским менталитетом (или, если по-русски, – складом ума). Ни Померанц, ни Гефтер, ни Любарский, ни Парамонов, ни, разумеется, Радзиховский ими быть не могут. Мозги не с того края затесаны.

А.Анучкин-Тимофеев,
«Столица», № 1, 1992

Полагаю, что мозги у меня не затесаны и с другого края, с того, с которого надо начинать рассуждать о еврейских проблемах. Действительно, все традиционные подходы к «еврейскому вопросу» мне попросту чужды. Нет нужды специально оговаривать, что мне кажется диким биологический подход, приписывающий еврейской расе генетически заданное особое (чаще всего вредоносное) место в мировой истории. Но не менее чужд мне, рационалисту, и другой, диаметрально противоположный подход, который можно было бы условно назвать религиозным: в моем понятийном аппарате идея «избранного народа» (будь то еврейский или русский) начисто отсутствует. Поэтому я готов посочувствовать, например, благородному пафосу и целям Леонида Бежина («Независимая газета» от 9.04.92), пространно обосновывающего необходимость «соединения двух избранных народов», но логики наших рассуждений остаются на пересекающихся плоскостях.

Мне особенно трудно рассуждать о «еврейском вопросе», обращаясь к читателю элитного «Еврейского журнала», знающего проблему, можно сказать, профессионально. Мое же знакомство с этим вопросом не превышает уровня, характерного для любого образованного человека. Специально углубленным изучением «еврейского вопроса» я не занимался. Хотя в свое время, в лагере, мне пришлось написать несколько «сионистских» открытых писем, преданных гласности за подписями моих товарищей-евреев, это была, разумеется, лишь стилизация, не более того.

Нижеследующее - всего лишь горестные заметки среднего (надеюсь) русского интеллигента в связи с продолжающимся интенсивным исходом евреев из России - тем, что Семен Липкин в одном из последних интервью назвал «завершением русско-еврейской диаспоры». Я бы предпочел сказать: российско-еврейской.

Хочется надеяться, что Липкин неправ, и многовековая (официально - двухсот-летняя) история российского еврейства далека от завершения. Но факт остается

фактом: выезд евреев из России (и других стран СНГ) после крушения коммунизма и распада Советского Союза не остановился. Конечно, если этот процесс будет продолжаться прежним темпом, то для полного перемещения нынешнего еврейского населения с территории России потребуется лет двадцать - время, за которое уже успеет подрасти новое поколение. Но подобные арифметические выкладки - слабое утешение.

Да для ухода со сцены русского еврейства вовсе нет необходимости, чтобы уехали все евреи. Здесь, как в физике, существует понятие критической массы: если удельный вес какой-то общественной группы падает ниже определенного опасного уровня, ее влияние на жизнь общества прекращается. Так что есть все основания, чтобы серьезно воспринять угрозу прекращения существования еврейской диаспоры в России.

Если это случится, последствия могут стать поистине трагическими для обеих сторон - и для остающихся, и для уезжающих.

На первой стороне вопроса можно подробно не останавливаться. Урон, который нанесет России исчезновение еврейского населения, очевиден. Речь идет не только о банальной утечке мозгов, хотя и это фактор немаловажный. Общеизвестно, что удельный вес евреев среди интеллектуальной элиты общества весьма велик: не случайно именно это обстоятельство неоднократно использовалось черносотенными ревнителями «пропорционального представительства» в науке и культуре как аргумент в пользу открытого восстановления процентной нормы. Ослабление интеллектуального потенциала страны уже стало заметным в результате эмиграции 70-х - 80-х гг. Продолжение этого процесса может привести к тому, что потенциал этот упадет ниже угрожающей отметки.

Помимо этого чисто прагматического опасения нужно высказать еще и следующее: допущение массовой эмиграции евреев разрушительно отразится также и на нравственном потенциале общества. И дело не только в том, что общество, условия в котором таковы, что определенная его часть не видит иной возможности решения своих проблем, кроме как в бегстве, и никто при этом не бьет тревогу, - такое общество, действительно, едва ли заслуживает названия нравственного.

Я здесь веду речь о другом: о знаменитой еврейской социальной отзывчивости, о способности евреев находиться на переднем крае общественных движений, направленных на устранение социальной несправедливости. Я понимаю, что сейчас это качество евреев принято рассматривать скорее как отрицательное - в связи с активным участием евреев в русской революции, трактуемой ныне в известных кругах как колоссальный заговор против русского народа. Позвольте, однако, это популярное возражение в приличной аудитории не рассматривать. Вне зависимости от конечного итога революции, сама она была естественной реакцией на то обстоятельство, что Россия вступала в XX век, оставаясь во многих отношениях еще в XIX, а то и в XVIII веке. Поэтому мы в нашем разговоре просто констатируем в этой связи высокую степень отзывчивости еврейского населения на то, что сейчас назвали бы «нарушениями прав человека». Тезис этот получил исторически недавно еще одно дополнительное подтверждение - в диссидентском движении и значительной роли в нем российского еврейства.

Ясно поэтому, что исчезновение или уменьшение роли «еврейского начала» в социальной структуре российского общества неизбежно должно привести к снижению его нравственного потенциала.

Оба упомянутых качества - повышенная интеллектуальность и повышенная социальная отзывчивость - сближают евреев с другой весомой группой российского общества, а именно с интеллигенцией. Выделенные по разным признакам - по этническому и по социальному, - эти два, говоря математически, множества естественно пересекаются. Тем не менее, речь идет о принципиально разных группах. Сходство их - это то, что в биологии называется конвергентным сходством. Оно определяется сходными же условиями существования. Так млекопитающее дельфин в водной среде приобрело многие внешние черты и функциональные свойства рыб.

В нашем случае конвергентное свойство двух групп вызывается хорошо известным свойством репрессивных обществ изначально рассматривать интеллигенцию как нечто чужеродное и потенциально враждебное. Я здесь не открываю Америки - речь идет о явлении общеизвестном. Каждый легко вспомнит и Геббельса, хватающего за пистолет при слове «культура», и «студентов», разделяющих с «жидами» честь быть «врагами внутренними» в глазах охотнорядцев, и пресловутую «прослойку», которая, как известно, «не мозг нации, а говно» и заслуживает лишь эпитета «гнилая». Подозрительность репрессивных обществ к интеллигенции не исключает, разумеется, прагматического ее использования: «трудовая интеллигенция» существовала наряду с «полезными евреями».

В обобщенном виде упомянутое конвергентное сходство было уже точно сформулировано Мариной Цветаевой: «В сем христианнейшем из миров поэты - жида!».

Цветаевских «поэтов» следует в данном случае рассматривать как типологических представителей интеллигенции вообще.

Разве не проглядывают характерные «жидовские» черты в волошинском портрете интеллигента?

Монархия извергла из себя
 Дворянский цвет при Александре Первом,
 А семя разночинцев при Втором...
 Так шиворот-навыворот текла
 Из рода в род разладица правлений.
 Но ныне рознь таила смысл иной:
 Отвергнутый царями разночинец
 Унес с собой рабочий пыл Петра
 И утаенный пламень революций:
 Книголюбивый новиковский дух,
 Горячку и озноб Виссариона.

От их корней пошел интеллигент.
 Его мы помним слабым и гонимым,
 В измятой шляпе, в сношенном пальто,
 Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
 Страдающей улыбкой и в пенсне,
 Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
 Оттиснутым, как точный негатив
 По профилю самодержавья: шишка,
 Где у того кулак, где штык - дыра,
 На месте утвержденья - отрицанье,

Идеи, чувства - все наоборот,
Все «под углом гражданского протеста»...

Он был с рожденья отдан под надзор,
Посажен в крепость, заперт в Шлиссельбурге,
Судим, ссылаем, вешан и казним,
По каторгам - по Ленам и по Карам...
Почти сто лет он проносил в себе -
В сухой мякине искру Прометея,
Собой вскормил и выносил огонь.

В этих строках точно объяснено давно отмеченное несовпадение понятия российского интеллигента и западного интеллектуала: интеллигент был порождением затянувшейся репрессивности российского общества. Позже других освободившись от рабовладения, позже других приступив к формированию гражданского общества, прерванному к тому же Октябрьской революцией, Россия в немалой степени способствовала «ожидовлению» своих интеллектуалов, превращению их в интеллигенцию.

Судьбы интеллигенции дают нам намек и на происхождение «интеллигентских» черт еврейской диаспоры. Это естественная реакция на гонимость, на маргинальность положения в обществе, на ограниченность возможностей социального проявления, на социальное изгойство. Дело здесь вовсе не только в «социальном дарвинизме», в борьбе за существование (хотя и в этом тоже, в особенности, если говорить о повышенной интеллектуальности). Повседневное столкновение с социальной несправедливостью на собственном опыте вызывает обостренное ощущение любой несправедливости вообще.

Впрочем, может быть и последнее обстоятельство тоже, в сущности, сводится к «дарвиновскому» отбору: я отсылаю читателя к давней блистательной статье в «Новом мире» замечательного генетика Владимира Эфроимсона «Родословная альтруизма», где он убедительно доказывает, что в конечном счете именно альтруизм, а не эгоизм, как можно было бы подумать, способствует выживанию вида.

Однако в начале этих заметок я сказал, что массовый отъезд евреев из России может стать трагичным и для самих отъезжающих. Конечно, я не имел в виду «нормальную» трагедию взрослых людей, рвущих естественные человеческие связи и с трудом пересаживаемых на новую почву - это соображение лежит на поверхности.

Мне кажется, что исход евреев из России в Израиль ведет к утрате самого духа еврейства. В этом смысле я полагаю, что Израиль - государство евреев, но не еврейское государство. Боюсь, что я должен стать на позиции ортодоксальных иудеев, отрицающих Израиль, поскольку он основан не Мессией. Ну, а поскольку Мессия, увы, никогда не придет, да и не приходил, то...

В Израиле «еврейство» (беру это слово в кавычки, дабы подчеркнуть, что речь идет не об этнической совокупности, о духе нации) подверглось самому суровому за всю свою историю испытанию: испытанию нормальностью. Этого испытания оно не выдержало.

Евреи диаспоры в силу своих исторических судеб (воспроизводившихся почти повсеместно) были очевидно отличны своим «еврейством» от народов, среди кото-

рых они жили (и в этом смысле действительно были народом «избранным»). Израиль же как государство не отличается от своих коллег по ООН решительно ничем. Это обычное государство, в меру западное, в силу того, что большинство его населения имеет «западные» корни, но и в меру восточное, в силу своего географического положения. Оно имеет свои плюсы, свои достижения и взлеты, равно как и минусы, провалы и падения. С какой стороны к нему ни подойди - оно не обнаруживает каких-либо типологических черт, которые решительно ставили бы его в особое положение в ряду других стран.

Это ни в коей мере не упрек - что же дурного в том, что ты такой, как все? Это просто констатация факта.

С какой стороны ни подойди, государство Израиль ни в чем не обнаруживает тех особых высоких черт «еврейского духа», о которых мы только что вели речь. Трудно усмотреть в нем особый интеллектуализм общества, не видно особых взлетов ни науки, ни культуры - не хуже, но и не лучше других стран с тем же уровнем экономического развития и количеством населения. Тем самым раз и навсегда был опровергнут «генетический» взгляд на евреев как народ, наделенный от природы особыми качествами. Ведь казалось бы, мощный приток в Израиль тех самых «мозгов», на утечку которых жалуются страны диаспоры, соединенный со «стенами», которые «помогают дома», должен был привести к появлению новых Афин или Флоренции. Ничего похожего не произошло. Так и хочется скаламбурировать: прежде, чем началась утечка мозгов, должно было наступить их разжижение.

Точно так же обстоит дело и с нравственной стороной дела, с только что подробно обсуждавшейся еврейской социальной отзывчивостью. Израиль - это государство, и этим все сказано. У него, как у Англии, нет друзей, а есть лишь интересы. Израильская политика ничем не опровергла известного утверждения, что всякая политика есть дело грязное. Я не собираюсь здесь высказывать некомпетентные суждения об арабо-израильском конфликте и рассуждать на тему о том, кто прав, а кто виноват (будто здесь действительно могут быть абсолютно правые или абсолютно виноватые!). Я хочу сказать лишь очень простую вещь: еврейские политики ведут себя точно таким же образом, каким вели бы себя на их месте и в их ситуации политики голландские, чешские или мексиканские. И ближневосточный конфликт разворачивается вовсе не как новая форма борьбы еврейства и антисемитизма, а как «нормальный» геополитический конфликт.

Сказанное в равной мере относится и к внутренней политике Израйля, в частности, к неудаче попытки построить общество без социалистических и клерикальных обертонов (да и была ли такая попытка сделана?).

Именно в этом смысле я утверждаю, что Израиль - государство евреев, но не еврейское государство. Более того, я уверен, что иначе и быть не может. «Еврейское» государство в конкретных геополитических и временных обстоятельствах было бы попросту нежизнеспособным. Такую роскошь может себе позволить разве что современная Исландия, да и то не во всем.

В израильской ситуации вновь дало себя знать извечное и трудноразрешимое противопоставление приоритетов личности и государства. Еврей диаспоры был личностью, более того - личностью, на собственном опыте осознающей необходимость охраны прав личности. Еврей в Израиле - уже гражданин государства, осознающий необходимость охраны интересов этого государства, не всегда совместимых с правами личности. К сожалению, искус государственностью удается выдержать не всем. Даже многие бывшие известные правозащитники, добившись

своего долго чаемого права репатриироваться на историческую родину, оставляют свои прежние правозащитные принципы по ту сторону таможенного барьера.

И в этом отношении израильское общество не составило исключения ни в лучшую, ни в худшую сторону. Как показали недавние горькие события, для забвения правозащитных принципов не обязательно эмигрировать в Израиль: испытание государственностью можно не выдержать и на месте, неожиданно оказавшись по ту сторону украинской, латышской или грузинской границ.

Подводя итоги сказанному, я думаю, что исчезновение российской еврейской диаспоры было бы трагедией и для самого еврейства. Я вовсе не хочу этим сказать, что для евреев было желательно навсегда остаться Агасферами и отказаться от мечты о создании собственного государства. Я вовсе не намерен вступать в глупый (с моей стороны) спор с сионизмом и махать кулаками после успешно выигранной другою стороною драки. Да и безнравственно было бы раздавать советы, участвуя в еврейской истории как, хотя и заинтересованный, но все же сторонний наблюдатель.

К тому же обе исторические роли еврейского народа - интеллектуального и социального фермента стран диаспоры, с одной стороны, и народа - строителя собственного государства, с другой, - каждая по-своему достойны и исторически важны. Важно лишь осознать, что эти роли - разные и практически одна с другой несовместимые. И каждому еврею диаспоры - хочет он того или нет - нужно выбрать ту роль, в разыгрывании которой он хочет принимать участие.

Здесь мне почему-то захотелось привести небольшой отрывок из поэмы Герцена Копылова, замечательного физика и русско-еврейского самиздатского поэта и публициста, книгу которого мне недавно выпала честь издать. Поэма эта («Четырехмерная поэма») была закончена в самом начале 70-х годов. В 1976 г. Копылов умер. Я мог бы объяснить - почему мне показалась здесь уместной эта цитата, но полагаю, что читателям «Еврейского журнала» этого не требуется.

А мы не трудимся - кантуем.
 Поля не пашем, а квантуем.
 А мы живем не жня, не сея.
 Житье - не жизнь, а разлюли,
 еврей матери Расеи,
 ессеи матери Земли.
 Живем, не сломлены нисколько.
 Поем - да вам не в унисон.
 И ваш порядок, как Николку,
 еще мы в клочья разнесем.
 Смиренью нашему не верьте.
 Готовьте тюрьмы и горлит:
 душа живая в нас бурлит,
 ребром мы вздыбим ваши тверди.
 Не верьте нам! Смиренье - маска.
 она надета неспроста:
 еще дадим мы нищим Маркса,
 а людям - нового Христа.
 Еще не раз громить нас будут
 отец народов и Адольф,

и дружным хором нас осудят
искусствоведы всех родов.

И вам, как скрытым, так и ярым,
еще немалый будет труд:
еще не раз над Бабым Яром
нас всех на пепел изотрут.

Но, оклеветан и изранен,
и стертый до седьмых колен,
опять воздвигнется Израиль,
опять поднимется с колен.
И вновь пойдет, сомненья сея,
или затеет прочь исход -
ессеи матери Расеи,
ее заквас,
ученый скот.

А может, не спросясь заране, -
се человек, не манекен -
уйдет он в знанье, как в изгнанье,
не управляемый никем.

Да, мы семиты на семите,
разгромленные тыщу раз!
А вы подите нас сымите,
уймите нас!
А хрен вам в глаз!!

Было бы бесконечно жаль, если бы еврейская диаспора, в особенности российско-еврейская диаспора, действительно закончилась. Мир много потерял бы от этого в своем многоцветье.

Я понимаю, что после Катастрофы обращаться с такого рода увещеваниями не вполне нравственно. Легко получить в ответ: дешево покупать «многоцветье мира» ценою жизней, притом жизней чужих. Но я уверен: в современной России еврейству катастрофа уже не грозит, реальная угроза антисемитизма мало соотносится с шумной кампанией самодельных газетных листков и гипертрофированным вниманием к «Памяти». Противостоять им можно и нужно на месте, нашими общими усилиями, а не капитулировать путем отъезда.

Да и сама нынешняя «четвертая» волна отъезда, по глубокому моему убеждению, лишь формально апеллирует к антисемитизму. Фактически же это бегство в опасении всеобщего краха общества, который в равной мере захватит «и еллинов и иудеев». Но это - тема отдельного разговора.

СЛИТНО ИЛИ РАЗДЕЛЬНО?

Если наблюдать за распадом советской империи из штаб-квартиры ООН, что на Ист-ривер, или из дипломатических приемных западноевропейских столиц, может показаться, что распад этот идет полным ходом и остановить его уже ничто не может. Таблички с названиями новых стран, непривычные глазу цвета флагов, а слуху – фамилии премьер-министров свидетельствуют о распаде «империи зла» как о факте свершившемся. Что же касается образования Содружества независимых государств (СНГ), то оно представляется, глядя издали, всего лишь временной мерой, необходимой новым лидерам, чтобы справиться с экономическими трудностями в переходный период. На Западе убеждены в нежизнеспособности СНГ, а ежедневно поступающие сообщения о трениях между его членами приносят все новые тому подтверждения.

Внутри же бывшей империи многие граждане, напротив, чувствуют, что все еще живут в единой стране, от которой отрезают куски, в которой меняют вывески и имена руководителей, но в чем-то главном, существенном все остается по-старому. Гигантские – как представляется на Западе – перемены очень многие внутри страны воспринимают прежде всего как изменения правил игры. Между всеми и вся – между властями и населением, между церковью и государством, между бывшими республиками, а ныне – язык не поворачивается сказать – независимыми государствами, между, наконец, страной и миром. Изменение же правил игры, как чувствуют многие, направлено вовсе не на то, чтобы развалить, отбросить, найти альтернативные пути, а для того, чтобы в какой-то новой форме и во главе с какими-то новыми людьми вернуть, восстановить, укрепить...

Расхождения в оценке происходящего изнутри и извне наблюдаются буквально по всем вопросам. Взять, к примеру, июньский указ Ельцина о введении пограничного и таможенного контроля между Россией – с одной стороны, и Украиной, балтийскими странами и Азербайджаном – с другой. На Западе этот указ был воспринят однозначно как еще одно доказательство усиления центробежных сил. Внутри же его не в последнюю очередь восприняли как попытку Ельцина вынудить украинцев, прибалтов и других шагать «в ногу» с Россией. И в том направлении, которое укажет Москва.

Столь противоречивые суждения по вопросам государственного устройства и переустройства свидетельствуют о том, что процесс дезинтеграции бесконечно далек от завершения, что еще не сложилось то основное русло, в котором лежат отношения между народами и государствами, составляющими ядро империи. И это понятно: ведь не выкристаллизовались, не заняли четкой позиции, не набрали причитающегося им веса те силы, которые по существу, а не из конъюнктурных соображений заинтересованы в развале империи. Равно и те, кто заинтересован в ее сохранении, все еще сомневаются, маневрируют и явно не готовы перейти в решительное наступление. Так что набор сценариев, по которым могут развиваться события, чрезвычайно велик и исключить какой-либо из них все еще нельзя. Можно лишь попытаться «убрать шум», отсеять бесконечное нагромождение слов и, не обращая внимания на маски, которые примеряют на себя «новые люди», попробовать понять, что произошло, что происходит и что может произойти с огромной империей, которая еще вчера называлась «Советский Союз».

2.

Идею отказа от внешней империи Михаил Горбачев, по всей видимости, вынашивал давно, но, укрепившись у власти, стал проводить ее в жизнь решительно и последовательно. Не помогало ни упрямство Хонеккера, ни маневры чехословацких и болгарских руководителей – Горбачев был непреклонен и не только отказался поддержать «заслуженных товарищей», но даже содействовал приходу к власти в странах-сателлитах тех лидеров, которые стремились к независимости от Москвы. Совсем иначе – непоследовательно, нерешительно – вел себя Горбачев во время апрельской (1989) бойни в Тбилиси, январской (1991) в Вильнюсе, во время трагических событий в Армении, Азербайджане, Латвии... Его поведение было непонятно восторженным почитателям «освободителя Европы», желавшим во что бы то ни стало видеть в нем принципиального борца за права народов. «Непоследовательность» же кремлевского лидера объяснялась чрезвычайно просто: «освобождение» Восточной Европы, отказ от внешней империи нужны были ему для того, чтобы попытаться сохранить то, что еще можно было, как он думал, сохранить, – внутреннюю империю, Советский Союз.

Подобная тактика вполне укладывалась в рамки ленинской теории власти, ибо сам Ленин, не колеблясь, «уступил» в свое время лучшие куски Российской империи, рассчитывая укрепиться в ее оставшейся разрушенной части, восстановить ее, а там посмотрим... Смелый шаг Горбачева лишь требовал личного мужества и реформистских амбиций, чем отнюдь не блистали его соперники в брежневском Политбюро. Так что доверив власть самому молодому из них, «коммунистические старейшины» не ошиблись в том, что касалось его целей, но ошиблись в другом. Горбачев, не в пример всем своим предшественникам, не пошел до конца, не решился пролить столько крови, сколько необходимо было для достижения поставленных целей. Конечно, Горбачев пытался демонстрировать силу. И Тбилиси, и Вильнюс, и Степанакерт – все это происходило с его ведома и согласия. Но в конце концов он отступал. То, в чем обвиняли его товарищи по партии, в конце концов и обеспечило ему место в истории – он стал первым советским лидером, подчинившимся воле народов.

Но просто ли человеколюбием руководствовался Михаил Сергеевич?

Отнюдь. В политическом плане ему было легко отступать, ведь он отдавал власть не альтернативным, оппозиционным силам, а лишь передавал эстафетную палочку в руки игрока своей же команды, личного соперника, но и соратника по «революции вторых секретарей», в руки Бориса Ельцина.

Разногласия между Горбачевым и Ельциным заключались в том, где – в политике, идеологии и экономике – лежат границы, которые еще можно удержать. В то время, когда Горбачев воевал с Литвой, Ельцин демонстративно обменивался рукопожатиями с Ландсбергисом и заявлял о признании независимой Литвы. Горбачев, не уставая, говорил о демократизации партийной жизни, о необходимости тех или иных реформ экономики, Ельцин же отказался от партбилета, демонстративно показался в церкви, заявил, что является сторонником свободного рынка. Противоборство этих столь схожих людей кончилось поражением Горбачева, потому что он не сумел удержать завещанные ему рубежи, в том числе и государственные.

Добившись своего, Ельцин отнюдь не поспешил занять четкие позиций по многим ключевым вопросам. Так, будучи в оппозиции, он явно заигрывал с православной церковью, но став президентом России, не решился немедленно заменить марксово учение православным. Что касается экономических реформ, то здесь Ельцин предоставляет возможность действовать профессионалам, рассчитывая поддержать то направление, на котором им удастся добиться лучших результатов.

Но в одном вопросе позиция Ельцина вполне определилась – рубежи империи должны совпадать с границами Российской Советской Федеративной Социалистической Республики! Не спросив согласия народов России, а то и вопреки их воле (Татария, Якутия, Башкирия), Верховный Совет издал указ о переименовании РСФСР в Российскую Федерацию и в одностороннем порядке заявил ее наследницей главных атрибутов советской империи – армии, ядерной кнопки, военно-промышленного комплекса, дипломатических служб и т.д. Он даже не попытался закамуфлировать тот факт, что Российская Федерация – преемница советской империи, а отнюдь не новое государство, образовавшееся на ее развалинах. Он открыл карты: его цель – отказаться от Большой империи, чтобы сохранить Малую.

Итак, рубежи, к которым советская империя вместе со своими старыми институтами и «новыми» лидерами, готова отступить, ясны. Неясно, однако, как при этом изменится баланс сил в традиционном российском треугольнике «власти–демократы–западники–националисты». Неясно, как поведут себя новые силы, вызванные к жизни перестройкой, зарождающейся рыночной экономикой, какую позицию займут крупные промышленные концерны-кооперативы, банки, предприниматели-миллионеры? (При этом не имеет значения, вышли ли они из недр старых структур, субсидировались ли из касс КПСС, пользовались ли тайными счетами КГБ или добивались всего своими силами.) На чьей стороне окажется мелкий собственник, владелец участка земли, магазина, гаража? Заинтересован ли он будет в дальнейшей дезинтеграции или, напротив, потребует обуздать центробежные тенденции? Наконец, как поведут себя бывшие советские республики? Не случится ли, что, придя к власти на волне антисоветских и антирусских настроений, лидеры Руха, Саюдиса, Бирлика и других националистических движений вдруг обнаружат, что реальные интересы диктуют им вновь повернуться лицом к Москве?

3.

Казалось бы, все ясно – центробежные силы в бывшем Советском Союзе питаются национализмом многочисленных народов, насильно удерживаемых в составе империи десятилетиями, а то и столетиями. Ничего нового здесь нет, ведь под напором национализма развалились в нашем веке все великие империи, начиная с Австро-Венгерской и кончая Британской. Различие, тем не менее, есть. В основе национализма, развалившего империи прошлого, лежал сложный комплекс этнических и религиозных конфликтов, расовых предрассудков, территориальных споров, политических амбиций различных, чаще всего привилегированных, групп – все то, что теперь принято называть национальной идеей. В жертву национальной идее националисты прошлого не только приносили политическую стабильность и относительное благополучие, которое гарантировали им страны-метрополии, но и готовы были сражаться, проливать кровь, лишь бы утвердить свой флаг, свой язык и своего Бога. И не имело значения при этом, будут ли они, став независимыми, жить хуже или лучше, чем в составе больших империй.

Массовые националистические движения в бывшем Советском Союзе менее всего питаются национальной идеей. Конечно, грузин и татарин, белорус и башкир, не говоря уж о балтийцах, западных украинцах, молдаванах, помнят о своем происхождении, о своих традициях, о своем Боге. Еще лучше они помнят о том, сколько бед принесли им московские «освободители», сколько страданий и унижений выпало на их долю за годы пребывания в империи и в «братской семье народов». Но при всем том не следует забывать, что советская империя, наследница Российской – империя очень старая, русификация, а затем советизация проводилась здесь либо веками, либо весьма «форсированными» темпами. Так что понятие «советский человек» – отнюдь не

идеологическое клише, а самая что ни на есть реальность. Эту реальность создал общий язык, общая система образования, общее хозяйство, общие законы и навыки социальной жизни. (Любопытно, что иностранцы чаще всего не могут отличить в среде эмигрантов из СССР русских от евреев, литовцев от украинцев и т.д. Всех их считают и называют «русскими». Да и сами эмигранты-украинцы, литовцы, латыши, выросшие в советское время, легче находят общий язык не со своими соотечественниками, выросшими, к примеру, в США, а с советскими же эмигрантами других национальностей.)

Так вот, этот советский человек любой национальности никогда бы не встал под знамена националистов, если бы не убедился, что выпестованная его система обанкротилась, экономика страны пришла в полный упадок, а репрессивный аппарат уже не справляется со своими обязанностями. Национализм по-советски – это отнюдь не стремление любой ценой воплотить в жизнь национальную идею, любой ценой утвердить свой флаг и своего Бога. Это прежде всего попытка спрыгнуть с тонущего корабля империи и попытаться на собственном национальном судне добраться до берега. Вопрос заключается в том, сумеют ли эти национальные корабли и кораблики в одиночку добраться до берегов? И будут ли это берега Западной Европы и Северной Америки или, скажем, Пакистана и, хуже того, Африки? И не случится ли, что имперский корабль все же удержится на плаву, его турбины вновь заработают и начнут перемалывать тех, кто не сумел вовремя уйти на недосягаемое расстояние?

В этой ситуации ясно одно – победит не тот, кто громче других выкрикивает националистические лозунги, и не тот, кто попытается силой вернуть беглецов на корабль империи, а тот, кто сумеет как можно быстрее доставить своих пассажиров к *благополучным* берегам.

4.

Стремление одних стран к тесному сотрудничеству, к образованию союзов и сообществ, равно как и нежелание других связывать свою судьбу с какими бы то ни было блоками, сами по себе не являются ни гарантиями успеха, ни помехами ему. Живущая «сама по себе» Швейцария, нейтральная Австрия, «нелюдимая» долгие годы Япония – это ли не эталоны процветания! Но и европейская шестерка, объединившись в Европейское экономическое сообщество, добилась очень многого. Успехи ЕС, в котором уже состоят двенадцать стран, способствовали тому, что тенденция к региональному сотрудничеству сегодня доминирует в мировой политике. Футурологи предсказывают, что в следующем столетии мир будет поделен на три региональных сверхблока – Западная Европа, Северная Америка и Дальний Восток-Тихий океан. Всего этого может и не случиться, а тенденция к образованию региональных блоков на новом витке истории, возможно, сменится безблоковым международным сотрудничеством.

Но какая бы из этих тенденций не одержала верх, один факт останется неизменным – имперский путь изжил себя, ему нет места в современном мире, так как он не ведет народы к стабильности и процветанию. В самой его сути заложены принцип неравенства, диктат силы, а следовательно, и нескончаемое противоборство. Увы, варо из таких понятий прошлого, как «единство», «могущество», «великое наследие предков» и т.п., все еще в ходу не только в Азии и Африке, но и на востоке Европы, в частности, на просторах бывшего Советского Союза.

И действительно, не успев вырваться из объятий Кремля, новые (новые ли?) руководители чуть ли не всех бывших союзных республик заговорили со своими собственными национальными меньшинствами тем же языком, каким с ними еще вчера разговаривали из Москвы, – языком диктата. Азербайджанцы с армянами, грузины с абхазцами, осетинами, месхами, литовцы с

поляками, молдаване с гагаузами, и все они вместе, включая среднеазиатов и балтийцев, с местными русскими. Имперские амбиции «малых» уже привели к кровопролитию на Кавказе и в Молдавии, а там, где страсти еще не вырвались наружу, они – эти амбиции – бомба замедленного действия, готовая взорваться в любой момент и разрушить само здание государственной независимости бывших союзных республик.

Впрочем, ситуация на периферии империи небезнадежна. Малые есть малые, и бывшие советские республики не смогут и не захотят – в силу особенностей своего национализма – жить сами по себе. Все они, за исключением, может быть, тех среднеазиатских республик, которые окажутся втянутыми в орбиту тегеранских фундаменталистов, остро нуждаются и еще очень долго будут нуждаться в политической поддержке и экономической помощи Запада. Ну а тот, кто захочет получить эту помощь или, тем паче, «стать частью Европы», вынужден будет вести себя цивилизованным образом.

Увы, все это лишь в незначительной степени коснется «старшего брата» – Российской Федерации.

Советский Союз всегда был великой державой в том, главным образом, смысле, что нес миру великую опасность – угрозу мировой войны. Конечно, Малая империя войной сегодня не угрожает, но опасность, от нее исходящая, даже увеличилась. Достаточно вспомнить, что катастрофа в Чернобыле случилась, когда в стране еще царил закон и порядок, чтобы представить себе, что может произойти в условиях политической неразберихи, развала экономики, обострения многочисленных кризисов и конфликтов! А между тем на вооружении армии и флота, дезорганизованных и в значительной мере предоставленных самим себе, все еще находятся тысячи единиц ядерных зарядов, от сверхмощных термоядерных бомб до небольших артиллерийских снарядов. Сколько ядерных зарядов находится в производстве, сколько радиоактивных материалов хранится на складах, в каком состоянии поддерживаются хранилища радиоактивных отходов? Что, наконец, происходит на атомных электростанциях?

Наверное самое страшное сегодня даже не то, что все это по-прежнему скрывается от собственных граждан и от мировой общественности, а то, что вопросы эти, похоже, уже некому задавать. Или скоро станет некому. Как тут не придти в ужас! Особенно европейцам. Особенно при мысли, что ситуация может ухудшиться, а то и вовсе выйти из-под контроля. Но угроза новой атомной катастрофы – лишь часть опасности. Существует еще и проблема массового наплыва беженцев, разрушения среды обитания и многое другое.

Конечно, на Западе закрыли глаза на факт откровенной узурпации Российской Федерацией имперского наследия СССР в первую голову потому, что и там привыкли жить в двуполярном мире. И для западных политиков оказалось трудным делом перестроиться и начать диалог не только с Москвой, но и с Киевом, Минском, Алма-Атой. И все же именно страх (быть может, искусственно подогреваемый) перед воцарением хаоса на территории огромной страны – ядерной сверхдержавы заставляет западный мир оказывать политическую поддержку и огромную экономическую помощь «русской» Москве без оглядки на то, что происходит *внутри* Малой империи. Парадокс заключается в том, что, пытаясь помочь преодолеть последствия тоталитарного режима, его имперских устремлений, Запад в конечном счете помогает сохранить этот режим и узаконить его имперские притязания.

Переименовывая свою страну, российские реформаторы убрали из прежнего названия слова «советская» и «социалистическая», оставив слово «федеративная». Но это было всего лишь попыткой закамуфлировать то обстоятельство, что в действительности их страна в наибольшей степени советская и социалистическая, а в наименьшей, точнее ни в какой, – федеративная. Именно в РФ в более-менее неприкосновенном виде сохранились самые главные и самые страшные институты империи – единое централизованное руководство (опять из Кремля, а даже не из Белого дома!), гигантская, несмотря

на все сокращения, армия, переживающий трудности, но все же бесперебойно функционирующий военно-промышленный комплекс. Правда, повисла в воздухе проблема «общенациональной» идеологии. Но и здесь дела обстоят не худо – социально-психологический климат в РФ, особенно в ее бездонной глубинке, ничуть не изменился. Достаточно новым лидерам остановить свой выбор на каком-то очередном «ИЗМ-е», как знамена соответствующего цвета вывешиваются на еще не заржавевших флагштоках.

Что же касается институтов федерации – местных парламентов и правительств, региональных или национальных политических партий, социальных и культурных учреждений, – то об этом сегодня в кремлевских коридорах говорят неохотно. «Центр» не спешит ни инициировать, ни поощрять развитие в стране демократического федерализма. Морща нос от разговоров на эту тему, новые люди в Кремле делают вид, будто вопроса о переустройстве РФ вообще не существует. Под шумок же они весьма умело выкручивают руки татарам, якутам, чеченцам, всем тем, кто хотел бы выйти из-под контроля Москвы.

5.

Часто можно слышать, что колы скоро верхние эшелоны власти в «новой» России заполнили все те же брежневские партаппаратчики, то и ожидать серьезных реформ, перемен по существу крайне наивно. Однако было бы упрощением считать, будто проведению реформ препятствуют одни лишь ретрограды, дорвавшиеся до власти. Твердолобых, тех, кто хотел бы вернуться к прошлому, не так уж много. Большинство же «новых людей» понимает необходимость перемен. Беда в том, что все они, даже самые искренние сторонники реформ, не могут отказать от догм и представлений, которые впитали с молоком матери, не могут действовать и думать иначе, чем всю предшествующую жизнь. Конечно, они легко перешли на новую терминологию, но словами «капитализм», «свободный рынок» они всего лишь пытаются подменить старые, избитые понятия – «коммунизм», «плановая экономика» и т.д. Для них это по-прежнему символы, заклинания, с помощью которых они надеются открыть потайную дверь в светлое будущее. Понимание же конкретных механизмов демократии и рыночной экономики, а особенно практические шаги в этом направлении, даются «новым людям со старой закваской» чрезвычайно тяжело.

Недавно мне довелось беседовать с одним из таких «новых» людей. Он долго убеждал меня в преимуществах рыночных отношений, а в заключение пожаловался на фирму IBM, которая «нас эксплуатирует, платит нам за ту же работу в два, а то и три раза меньше, чем платила бы у себя в Америке». Конечно, этот доктор наук вполне мог бы решить задачу о том, кто выигрывает от получения заказа от фирмы IBM, и мешало ему не отсутствие образования или интеллекта, а психологический барьер, неспособность преодолеть штамп «капиталист – мало платит – эксплуататор».

Ну, а как же понять вчерашнему секретарю горкома или заместителю министра, что наладить взаимопонимание и координацию между нациями, регионами, между всеми и вся в условиях демократии и рынка можно, не укрепляя прямые связи, не усиливая контроль, а ослабляя роль Центра, развязывая руки тем, кто делает дело. Как понять реформаторам, искренне стремящимся дать народу свободу и благосостояние, что они ничего не могут и ничего не должны давать, – они лишь не должны мешать людям быть свободными и добиваться успеха.

Но, быть может, самая большая беда, что всего этого не понимают рядовые советские люди, которые, конечно же, не лучше и не хуже всех прочих людей на свете, но которым и в голову не приходит, что власти не могут дать им свободу, что успеха невозможно добиться, надеясь на начальство или изо дня в

день твердя слова-заклинания. Да и откуда бы им это знать, ведь все это было неведомо и их отцам, и дедам, и прадедам! Тем более не знает советский человек, как это можно жить без указаний, без понуканий, без проторенных дорожек. И вот здесь-то круг замыкается, образуя психологическое пространство, в котором советский тоталитарный, имперский режим все еще чувствует себя вольготно, в пределы которого он отступил, полагая, что еще придет его время...

Цело, однако, не только в психологическом климате, который со временем мог бы и измениться. Вопрос – как изменить реальность, которая его создала и поддерживала веками?

Предположим, в традиционном российском споре между западниками и почвенниками власти примут сторону западников. (Не потому, что к этому их вынудит организованный демократическое движение, а под давлением граждан, которые давно мечтают жить по западным стандартам.) В этом случае Россию нужно будет перестраивать на федеративный лад. Но как, по каким стандартам? Западным?

Совсем иначе, нежели Россия, сконструированы западные федерации. Стабильности, благополучию Швейцарии, Германии и других федераций на Западе способствуют либо вековые традиции и особый психологический климат, либо однородность населения – этническая, религиозная, языковая, – у кого какая. Но в основе основ лежит «физическое равновесие» их составляющих и географическая компактность этих федераций как государств. И немецкие земли, и швейцарские кантоны – величины соизмеримые, и образуют они единое экономическое пространство, сотрудничество внутри которого выгодно, удобно им всем.

Как – при наличии доброй воли и самых лучших намерений – добиться взаимовыгодного сотрудничества, к примеру, Архангельской области и Приморского края? Как добиться политического баланса между русскими (более 100 миллионов человек), татарами (около пяти миллионов) и якутами (300 тысяч)? А ведь народов и народностей в этой стране не счесть, как не счесть в ней географических и экономических регионов.

Ясно, что преобразовать межконтинентальную Российскую империю в федерацию западного образца не позволит разнокалиберность и разномасштабность ее составляющих, огромные расстояния, которыми разделены многочисленные ее народы и регионы. Более того, если отбросить державные интересы, то пребывание части из них под крышей одного государства, пусть самой что ни на есть демократической федерации, представляется полным абсурдом.

Коль скоро жить под одной крышей обременительно, не лучше ли в таком случае разбежаться по национальным квартирам? Если так, то первое слово за русскими. Прислушаемся к советам почвенников и попробуем представить, как возродить Русь исконную, славянскую, православную. Прежде всего мы обнаружим, что не знаем, где же лежат границы этой страны, где найти чисто русские города, чисто русские просторы? Не на Волге же! Да и где они сами, эти чисто русские православные люди? Конечно, мы знаем имена выдающихся пророков и рядовых идеологов русской идеи, не сомневаемся, что есть у нее сторонники и последователи, но где тот народ, который во имя ее будет не то что кровь – пот проливать? Где те люди, что готовы страдать, переносить лишения, лишь бы воплотить в жизнь писательскую мечту?

В мае довелось побывать мне в городе Екатеринбурге. Заглянул я и на место, где некогда стоял дом Ипатьева, а теперь установлен крест в память о расстрелянном здесь последнем российском императоре. Картина мне представилась удручающая. Посреди холмистого пустыря, меж мусора и хлама, торчал (именно торчал) железный крест, неопрятно выкрашенный белой краской. Вкругом кипела жизнь двухмиллионного города, куда-то мчались троллейбусы, куда-то спешили люди, а на пустыре болтались мальчишки, явно сбежавшие с уроков, да пробирались куда-то подвыпившие мужички.

Ладно, думаю, распорядился Ельцин снести Ипатьевский особнячок по соображениям политическим. Преемник его из политических же соображений приказал крест на этом месте поставить, но где же те люди, национальные и религиозные чувства которых оскорбил бы вид креста на помойке? Почему не нашлось среди миллионов русскочувствующих и православно верующих десятка человек, которые собрались бы в выходной день, прибрали бы святое для них место, выложили бы его каменной плиткой, посадили бы здесь цветы? Сделали бы, короче, то же самое, что делают они на могилах родных и близких. Но, видимо, не очень-то близок им царь-батюшка, видимо, не оскорбляет их вид креста, воткнутого посреди пустыря, словно телеграфный столб!

Скажут, частные примеры ничего не доказывают. Пусть так, но кто мог бы помешать русскому народу, если хоть сколько-нибудь значительная его часть прониклась русской идеей? Не мы же, в конце концов, жидо-масоны! Объяснение одно – русская идея мертва. К сожалению, мертва. Ибо отвратителен русский (как и любой другой) шовинизм, но и Иван, не помнящий родства, убог и опасен. А пока он о своих могилах не вспомнит, он и другие с легкостью топтать будет.

Человеку на Западе трудно понять, почему западники и почвенники спорят в России столь ожесточенно, почему вопрос там всегда стоит «или – или»? Ведь и на Западе проблема национализма не снята с повестки дня. Взять, к примеру, Францию. Французская идея, безусловно, жива, но не ею одной живет гражданин Франции. Он и европеец, и человек мира, и в массе своей не даст одурачить себя ни националистам, ни слишком ретивым еврократам.

Быть может и в России настало время сменить ожесточенное «или – или» на компромиссное «и – и»? Может быть на базе исторического компромисса почвенников с западниками удастся найти выход из заколдованного круга имперского сознания и победить, наконец, последнего на континенте имперского монстра?

Эдвард Норден (Нью-Йорк)

ПОСЧИТАЕМ ЕВРЕЕВ

Сколько евреев живет на нашей планете? Сколько их будет в следующем поколении? Где они живут? Где они будут жить и где будут жить их дети и дети их детей в 2021 году? И какие перемены произойдут с еврейским населением планеты за это время?

Поиск ответов на эти вопросы - занятие не для слабоверных.

Первым делом следует задать вопрос: а кого же собственно считать евреем? Вопрос непростой. Сейчас, спустя два века после Великой французской революции и более ста лет после начала массовой эмиграции евреев в Соединенные Штаты, спустя 75 лет после большевистской революции и 44 года после возрождения еврейского государства, дать точное определение слову «еврей» крайне затруднительно. Готовый ответ, правда, имеется у ортодоксальных раввинов: еврей - тот, кто рожден от матери-еврейки, либо перешел в иудаизм согласно установлениям Галахи, либо рожден от матери, обратившейся в иудейскую веру опять-таки по законам Галахи. Но, опираясь на эти критерии, подсчитать численность евреев практически невозможно. В течение нескольких поколений слишком много заключалось смешанных браков, в которых рождено было множество детей, и ныне решать вопрос - еврей ли тот или иной из них - пришлось бы индивидуально в каждом отдельном случае. У демографов же, в отличие от раввинов, нет ни времени, ни возможности копаться в родословных.

Значит ли это, что дело демографов безнадежно? Отнюдь. Вообще говоря, существует множество разного рода определений, которыми можно руководствоваться при подсчетах. В 1946 году Жан-Поль Сартр писал, что еврей - это тот, кого такovým считают окружающие; он, по-видимому, никогда не встречал людей, которые бы сами считали себя евреями, невзирая на то, что о них думают окружающие. Как бы то ни было, Серджо Делла Пергола, демограф из Еврейского Университета в Иерусалиме, подсчитывая количество евреев среди своих соотечественников-израильтян, в неявном виде использует критерий Сартра. Получается это у него как бы само собой, ведь каждому израильтянину выдается удостоверение личности, где в графе «национальность» должно значиться его вероисповедание. Теоретически, сотрудник Министерства внутренних дел, заполняющий удостоверение, вправе внести в эту графу все то, о чем попросит его гражданин. На деле же свобода выбора как чиновника, так и гражданина, ограничена соображениями историческими, идеологическими и чисто практическими. Если из общего числа жителей Израиля мы вычтем всех тех, кто значится в удостоверениях мусульманами, христианами, дру-

зами, бахаями и буддистами, то придется согласиться с Делла Перголой: сегодня в еврейском государстве насчитывается 4 миллиона евреев.

В действительности, как мы еще увидим, дело обстоит сложнее. Но сложности эти - ничто в сравнении с теми, которые неизбежны при подсчете числа евреев в Диаспоре; здесь мы имеем дело с рассеянием, зачастую по огромным территориям, мобильностью и изменчивостью. Единственно годный и достаточно точный критерий для Диаспоры состоит в том, чтобы, отказавшись от идеи Сартра, выяснить, сколько людей в хорошо составленной выборке готовы - пусть с оговорками - назвать самих себя евреями (иудеями), принять их утверждения на веру и провести экстраполяцию.

На вопрос о своем вероисповедании Вуди Аллен отвечает: «Иудей - но с оговорками». Именно в соответствии с «оговорками» Делла Пергола делит евреев Диаспоры на три группы, причем его классификация призвана отразить изменившийся статус евреев в разных странах мира: ведь если когда-то принадлежность к еврейству была печатью судьбы, то в наше время это - вопрос выбора, причем нигде сие не проявляется столь явно, как в Америке. Одно из следствий произошедших изменений состоит в том, что демографам приходится оперировать большим количеством новых категорий. Некоторые из них позволяют лучше проникнуть в суть происходящих процессов, другие же сформулированы с прицелом на будущее, быть может в надежде повлиять на ход истории.

Первая группа в классификации Делла Перголы - так называемое «ядро». Сюда входят люди, которые в ответ на прямой вопрос столь же прямо называют себя евреями - независимо от того, следуют ли они многим, некоторым или вовсе никаким из заповедей Торы, и независимо от того, кем они являются с точки зрения раввина-традиционалиста. Следующая, большая по объему группа - «евреи в широком смысле слова»; помимо ядра, она включает людей, рожденных от одного или двух родителей-евреев, но отказывающихся называть самих себя евреями. Наконец, еще большая группа - «дополненная популяция»; она включает ядро, евреев в широком смысле слова, а также всех неевреев из любой семьи, в состав которой входит хоть один представитель первой или второй групп. Руководствуясь соображениями простоты, практичности, а также, вероятно, идеологическими, Делла Пергола в своих недавних подсчетах численности евреев во всем мире ограничивается лишь ядром.

По его оценкам, ядро Диаспоры на сегодняшний день насчитывает 8,8 миллионов человек. Эту цифру он получил, просуммировав данные по всем странам, где, по сообщениям правительств, еврейских организаций или просто очевидцев, имеются евреи. А есть они по-прежнему везде, в том числе в самых неожиданных местах. Так, сообщается, что пять евреев проживают в Китайской Народной Республике, 4000 - в Сирии, 4000 - в Польше. В Испании, откуда все евреи, не сожженные заживо и не обращенные в христианство, были изгнаны без малого 500 лет назад, их насчитывается сейчас 12 тысяч. Евреи снова появились в Германии, где их ядро уже составляет 40 тысяч человек. Во Франции, еврейская община которой занимает по численности четвертое место в мире, их насчитывается 530 тысяч.

Данные по Диаспоре разнятся степенью достоверности. Так, информацию из США Делла Пергола характеризует как «относительно надежную»; его подсчеты по этой стране основаны на результатах Общенационального исследования еврей-

ского населения (ОИЕН) - дорогостоящего и широкомасштабного проекта, в подготовке которого он сам принимал участие. В противоположность американским, данные многих других стран (например, Венесуэлы или Венгрии) являются «предположительными». Цифры по Франции и Германии снабжены пометой, указывающей, что их точность относительна. Довольно достоверные цифры собраны по Австралии и Канаде. Это единственные две страны, где численность еврейского населения в последние годы растет, преимущественно за счет иммиграции из Израиля, СССР и ЮАР.* Канада теперь занимает пятое место в мировой «табели о рангах», сменив на этой позиции Великобританию, где численность еврейского населения быстро сокращается за счет низкой рождаемости и большого числа смешанных браков.

Прежде чем суммировать показатели по всем странам, израильский демограф постарался привести их к общему знаменателю, базируясь на своем понимании «ядра», независимо от того, какие критерии использовались при первоначальном сборе данных. Таким образом, за исключением американской статистики, все его цифры суть не более, чем оценки, пусть трезвые и тщательно произведенные, но никак не претендующие на абсолютную точность. В итоге, сложив численность израильских евреев и ядра диаспоры, Делла Пергола получает 12,8 млн. - цифру, быть может, приблизительную, но весьма недалекую от истины, ибо Венесуэла и Венгрия, Канада и Австралия, Франция и Великобритания, да и вообще все страны Диаспоры, за исключением США и бывшего СССР, погоды не делают. В глобальном масштабе они представляют собой лишь увлекательные, порой - довольно грустные, интермедии: 85% евреев мира живут в США, Израиле и СССР. Таким образом, на долю США и СССР приходится 75% евреев Диаспоры.

Правда, возможно, что в СССР евреев больше, чем думают некоторые. Может быть, цифра 12,8 млн. занижена примерно на миллион. Именно столько «неучтенных» евреев, по мнению Делла Перголы, могут со временем обнаружиться в странах, возникших на территории бывшего СССР. Но даже если истинное число равно 13,8 млн., это все равно означает, что спустя полвека после Освенцима евреи так и не восполнили своих потерь. Исходя из цифры 12,8 млн., легко подсчитать, что евреи составляют менее четверти процента населения Земли. Вне всякого сомнения, доля евреев в народонаселении мира никогда не была столь мала с тех пор, как начался учет демографических данных, а возможно даже с тех пор, как потомки Авраама отправились в Египет.

Какая бы из двух цифр - 12,8 млн. или 13,8 млн. - ни была верна, евреи на сегодняшний день представляют собой лишь часть былой популяции.** В этом, вероятно, нет ничего нового: на протяжении четырех тысяч лет истории евреев их численность несколько раз резко падала, чтобы потом вновь возрасти. Новым, однако, является другое. Если верить Делла Перголе, снижение общей численности нации сопровождается и снижением численности ее ядра. Ранние симптомы этого процес-

* Численность еврейского населения растет также в Германии (Ред.).

** В 1939 г. еврейское население мира насчитывало 16 724 000 человек. Краткая еврейская энциклопедия, т.2, 1982 г. Иерусалим. (Ред.).

са были замечены рядом демографов и социологов еще в начале XX века и заставили многих из них сделать выводы в духе сионизма, но никто тогда и предположить не мог, что кто-то попытается истребить всех и всяческих евреев. По мнению Делла Перголы, процесс сокращения численности ядра нации ускоряется. Его выводы выглядят убедительно, особенно если рассматривать демостатистические данные во времени и пространстве.

ИЗРАИЛЬ

При выведении так называемого суммарного коэффициента рождаемости той или иной группы населения, демографы подсчитывают среднее количество детей, рождаемых женщинами этой группы на протяжении жизни. Так называемый «уровень замещения» (УЗ), необходимый для того, чтобы численность группы не начала снижаться в следующем поколении, также исчисляется количеством детей, приходящихся на одну женщину. Для групп с нормальной возрастной структурой, то есть при преобладании младших возрастов над средними, а средних - над старшими, УЗ равен 2,1. По имеющимся данным, на одну еврейку Диаспоры приходится в среднем 1,4 ребенка, на одну израильтянку - 2,7.

Показатель по Израилю в целом представляет из себя усредненный показатель по нескольким весьма разным группам, из которых состоит еврейское население Израиля. Далекие от религии женщины европейского происхождения (ашкенази) рожают меньше детей, чем афро-азиатские (сефарды). Женщины из ортодоксальных и ультра-ортодоксальных семей еще больше; для последних трех групп показатели равны приблизительно 3, 4 и 6, соответственно.

Неудивительно, что общий коэффициент рождаемости в Израиле выше, чем в Диаспоре: вплоть до последней волны массовой эмиграции советских евреев, сефарды, ортодоксы и ультра-ортодоксы вместе взятые составляли безусловное большинство в Израиле - в то время как нигде в Диаспоре ничего подобного не существует. Мужчины и женщины, строго следующие духу и букве библейских предписаний, или те, кто находится под влиянием мусульманской культуры, с лихвой компенсируют низкую рождаемость тех, кто, освободившись от ярма Закона, мыслит и действует подобно современным европейцам и американцам. «Их и на один-то раз не всегда хватает», - ехидно говорят сефарды о своих далеких от религии согражданах-ашкенази.

Однако даже нерелигиозные ашкенази Израиля достаточно плодovиты по сравнению со своими соплеменниками в Диаспоре. Израильские женщины, ведущие свой род из Варшавы или Киева, в большинстве своем - дипломированные и высокооплачиваемые специалисты - рожают в среднем 2,3 ребенка. В Израиле успешно работающая женщина - будь то врач, судья, профессиональная феминистка или член Кнессета - с большой вероятностью окажется матерью двоих или даже троих детей. В Америке же женщина, занимающая подобное положение в обществе, чаще всего либо вовсе бездетна, либо имеет одного ребенка. От шикарных пригородов Тель-Авива до грязных городков, где царит безработица, от кибуццов до узких улочек иерусалимского квартала Меа Шеарим, где живут крайние ортодоксы, то ли от невежества, то ли вполне осознанно, израильтянки действуют так, словно будущее их небольшой страны и рассеянного по миру народа зависит от их плодovитости.

Но, похоже, старания их напрасны, ибо на протяжении всех сорока с лишним лет существования Израиля рождаемость здесь неуклонно снижается. А это порождает геополитическую проблему, т.к. уровень воспроизводства палестинских арабов в 2-3 раза выше, чем соответствующий показатель для еврейского населения страны. И «демографическая бомба» с часовым механизмом заложена не только на Западном берегу и в секторе Газы, но и в самом Израиле, где живет немало арабов - израильских граждан. Конечно, в наши дни арабские женщины Израиля уже не производят на свет по восемь-десять детей, да и женщины Палестины за годы оккупации в какой-то мере отошли от традиционного образа жизни. И тем не менее: коэффициент рождаемости у арабов, проживающих между средиземноморским побережьем и рекой Иордан, по-прежнему вдвое выше, чем у евреев. Чтобы нагляднее представить себе картину происходящего, достаточно сравнить пирамиды возрастной структуры населения израильских евреев и арабов. Понятно, что основания этих пирамид (младшие возраста) отражают будущее соответствующих популяций. Так вот, если основание пирамиды израильских евреев выглядит достаточно внушительно по сравнению с евреями Диаспоры, оно совершенно теряется, когда речь идет о палестинцах, более половины которых составляют лица моложе 15 лет. Так что у Исмаила еще есть шанс отыгаться, и не где-нибудь на поле брани, а в самом шатре своего единоутробного брата.

Правда, благодаря иммиграции советских евреев это может произойти несколько позже, чем думалось прежде. Введя в компьютер новые параметры, Делла Пергола утверждает, что приезд каждых новых ста тысяч иммигрантов из СССР отодвигает наступление численного паритета между евреями и арабами в регионе от морского побережья до Иордана всего на один год! Если в общей сложности из СССР прибудет полмиллиона человек, евреи перестанут быть большинством в 2020 году; если миллион - в 2025; если полтора миллиона - в 2030. Все это - при условии, что новоприбывшие не покинут Израиль, что тот сохранит контроль над Иудеей, Самарией и Газой, что палестинцы не будут эмигрировать и, наконец, что соотношение уровней воспроизводства обеих популяций останется неизменным. Все эти прогнозы получили должное освещение в еврейской прессе, но, несмотря на это, израильтяне по-прежнему верят, что иммиграция из бывшего СССР то ли окончательно разрешила еврейско-палестинскую демографическую проблему, то ли, по крайней мере, отдалила критический момент. Короче, в списке проблем, от которых болит голова у рядового израильтянина, эта-прочно заняла место в самом конце. Что-нибудь наверняка произойдет - то ли палестинцы всем скопом пустятся в эмиграцию, то ли нахлынут толпы евреев из Америки, то ли ишак сдохнет, то ли шах преставится. А пока что Израиль проводит политику, направленную на то, чтобы приток советских евреев продолжался.

И он продолжается. Ежедневно сотни людей прибывают в страну на основании Закона о возвращении. Сам этот закон - демографический феномен, достойный внимания. Немного найдется в мире законов, столь гуманных и одновременно столь конструктивных, как Закон о возвращении. Согласно ему, всякий, кто рожден от матери-еврейки или обращен в иудаизм (каким бы то ни было раввином), имеет право на въезд в Израиль и получение гражданства этой страны. Антисемиты, ведомые слепой ненавистью, и палестинцы, с их обманутыми ожиданиями, считают сие проявлением расизма в действии. Да и некоторые добропорядочные за-

падные либералы, находившиеся под впечатлением отмененной недавно резолюции ООН о «сионизме как форме расизма», относятся к такой оценке всерьез. Но это не так! Никто не может сменить расу (что бы под расой ни понимать), но всякий может стать иудеем; следовательно, Закон о возвращении - не расистский закон. Он необычен, это правда, ну да ведь и евреи всегда были необычным народом!

Одна из самых необычных - и достойных восхищения - особенностей этого Закона состоит в том, что в число «избранных» он допускает не только урожденных и новообращенных евреев. Супруги, дети и внуки евреев имеют точно такие же права въезда и гражданства, как и сами эти евреи. Таким образом, под действие Закона о возвращении, разработанного в 1950 г., подпадает даже более обширная группа, нежели «дополненная популяция» Делла Перголы, и более обширная, нежели та, что подпадала под статьи нюрнбергских законов. (В нацистской Германии «арийцы» - супруги и родители евреев - могли спасти себе жизнь, оформив развод и отказавшись от своих детей-полукровок.) Среди недавних примеров щедрости Закона - оплаченный въезд в страну советских и эфиопских евреев. И поскольку Закон о возвращении сформулирован так широко, им пользуются многие люди, которые, будь у них возможность перебраться в более богатый и менее опасный уголок Земли, скорее всего ей бы воспользовались и были бы навсегда потеряны для еврейства. Вместо этого они отправляются в Израиль и вновь становятся евреями. К ним можно добавить также их супругов, вовсе не имеющих еврейской крови; по разным оценкам, эта категория неевреев, а с ними и их дети, тоже не являющиеся евреями согласно Галахе, составляют до 30% * новоприбывших из СССР. Так или иначе, эти люди, прибыв в Израиль, становятся не только израильянами, но и - юридически и фактически - евреями.

Конечно, у крайних ортодоксов все это вызывает открытое неудовольствие. Активно ввязавшись в политическую жизнь страны и получив несколько министерских портфелей, они должны теперь проводить в жизнь сугубо секулярный закон, по которому равный доступ в страну получают и настоящие евреи, и почти евреи, и вовсе не евреи: нация разбавляется, еврейский дух слабеет. Если бы речь шла о единичных случаях, министерство внутренних дел могло бы отказаться регистрировать новоприбывших как евреев. (Кстати сказать, на выдаваемых ныне удостоверениях личности красуется штамп, совершенно немыслимый в любой другой стране: «МВД не несет ответственности за информацию, содержащуюся в настоящем документе».) Но таких случаев были и будут десятки тысяч, и действовать придется без оглядки на Галаху, а то и вопреки ей. Будут еще судебные иски и скандалы, будут скорые, «не по форме» обращения, но раввинам, хочешь не хочешь, придется уступать напору. Уже и сейчас среди новоиспеченных израильян иудеями записаны многие из тех, кто никогда не числил себя евреем прежде и не стал бы иудеем ни в какой другой стране.

Суть в том, что израильянам, живущим в стране еврейских символов и - пока что - еврейского большинства и имеющим в своем распоряжении органы государ-

---

* По другим источникам процент неевреев, прибывающих в Израиль из СССР, достигает 40%. (Ред.)

ственной власти, доступны простые административные решения проблемы ассимиляции, действенные предупредительные меры, недоступные их братьям и сестрам в других странах. Если ты живешь в Израиле и не являешься христианином, мусульманином, буддистом, другом или бахаем и при этом не желаешь числиться иудеем, - ты можешь спорить до посинения, писать петиции в неподкупный Верховный Суд, требуя, чтобы в соответствующей графе твоего удостоверения значилось «нерелигиозный еврей» или «ханаанеянин», «агностик» или «атеист», никто и ничто тебе не поможет. Тебя запишут иудеем, будут считать иудеем и призовут в армию как иудея. Это - не юридические мелочи. Здесь находят отражение два совершенно различных, направленных в противоположные стороны исторических процесса. Диаспора растворяет, отторгает периферию от ядра, и периферийные группы теряют связь с еврейством, вероятно - навсегда. В Израиле, напротив, связь эта крепнет, периферия вливается в ядро. В этом - одна из причин того, что со времени Декларации Бальфура доля «евреев в Сионе» в мировом еврействе ежегодно растет - с 0,085% в 1917 г. до 31% в 1991 г. (что на 2,5% больше, чем в предыдущем). Завтра она несомненно будет еще выше. Порой график круто забирает вверх - как в ходе нынешней мощной волны иммиграции, порой подъем еле заметен. Но вот уже более 70 лет процесс этот идет беспрепятственно, и пока ничто не могло ни приостановить его, ни, тем паче, повернуть вспять.

США

Если в Израиле основные демографические факторы сегодня суть иммиграция и высокий коэффициент рождаемости, то в Америке это - смешанные браки и коэффициент рождаемости ниже УЗ. Смешанные браки, впрочем, случаются и в Израиле; дело лишь в том, что количество их сравнительно невелико. За исключением арабов, в Израиле не так уж много неевреев, да и не существует института гражданского брака. А поскольку Галаха запрещает смешанные браки, нееврей, желающий вступить в брак с евреем, должен либо обратиться в иудейскую веру, либо выехать из страны для заключения брака. Результат - в смешанные браки вступает менее одного процента израильских евреев - ничтожный с демографической точки зрения показатель.

За пределами Израиля ситуация в корне иная. Как писал родившийся в Германии демограф и социолог Артур Руппин (ум. в 1943 г.), «смешанные браки, роль скоро они заключаются в больших масштабах, знаменуют собой конец иудаизма». Под этим он подразумевал начало конца еврейства как обособленной группы в той или иной стране, в том или ином регионе. Руппин - и не он один - рассматривал смешанные браки как самый верный показатель и самый мощный двигатель механизма ассимиляции. Если на протяжении какого-то периода дети от смешанных браков будут, в свою очередь, вступать в смешанные браки, в конце концов настоящих евреев не останется вовсе. Руппин был одним из идеологов классического сионизма и писал в то время, когда и смешанные браки, и антисемитизм были на подъеме. В Центральной Европе, как хорошо известно каждому, кто знаком с Прагой Кафки, Венной Малера или Берлином Эйнштейна, количество смешанных браков резко возросло к началу XX века. Руппин, дабы документально подтвердить свои

идеи, приводит некоторые цифры: в 1932 г. в Будапеште на каждые сто евреев, вступающих в брак, в смешанные браки вступало 18,8 человека; в 1933 г. в Гамбурге этот показатель был равен 33, а в Триесте при Муссолини (1927) ни много ни мало – 56. Цифры по Триесту подтверждали мысль Руппина о том, что неизбежно должно произойти с любой малочисленной еврейской общиной, которая на протяжении нескольких поколений живет в доброжелательном окружении. Триест, – говорил Руппин, – будущее Диаспоры. Он также полагал, что Соединенные Штаты, где жило больше евреев, чем где бы то ни было, и где доля смешанных браков составляла в 30-е годы ничтожные 3%, не являются исключением. Выведенный им закон об ассимиляции он считал универсальным.

Спустя 47 лет после смерти Руппина показатель ассимиляции по США все ближе подходит к тогдашнему по Триесту, и нет никаких оснований полагать, что он не будет расти дальше. По данным ОИЕН, в 1985–90 гг. смешанные браки составили чуть более половины всех браков, в которые вступали евреи. Когда в июне 1991 г. данные эти были обнародованы, американские евреи встретили их кто с ужасом, кто смиренно, а кто и безразлично. Вот уже на протяжении целого поколения все они были свидетелями того, как их дети и внуки вступают в смешанные браки. Одни пытались что-то предпринять, другие считали попытки подобного рода ненужными или бесполезными, но всех их не мог не удивить выявленный ОИЕН размах явления.

Вообще, демографические страхи для евреев Америки начались без малого 30 лет назад, и почти с того же момента от ряда аналитиков и еврейских лидеров можно было услышать, что большое количество смешанных браков – не трагедия. Еще в 1963 г. Мильтон Гиммельфарб предложил стратегию, которая впоследствии получила название «стратегии растущего охвата». В статье, опубликованной в журнале «Commentary», он писал, что «наиболее разумный путь, какой только могут избрать евреи, если они хотят сохранить чувство собственного достоинства и, одновременно, внести свой вклад в дело выживания нации, состоит в том, чтобы попытаться обратить супругов-неевреев в иудаизм». Более того, продолжал Гиммельфарб, «если раввины проявят инициативу, обращение позволит не только восполнить численный урон, наносимый смешанными браками, но и приведет к увеличению числа евреев». На протяжении следующего поколения, уже после того, как сам Гиммельфарб отказался от своей идеи, она стала программой оптимистично настроенных еврейских общественных деятелей и интеллектуалов. Если достаточно большое количество неевреев будет чувствовать, что еврейские общины, к которым принадлежат их супруги, готовы принять и их в свое лоно, если их удастся склонить к обращению, если, наконец, хотя бы половина детей, рожденных от смешанных браков, будут воспитываться в еврейском духе, – тогда потери будут уравновешиваться, и смешанные браки обернутся демографической победой.

Главным же «пессимистом» в то время выступил Элайху Бергман, который в нашумевшей статье в журнале «Midstream» (1977) предсказал, что за счет все возрастающего числа смешанных браков численность американских евреев в 2076 г. (год 300-летия Америки) составит «не более 944 тысяч, а при определенных условиях – 10 240 человек». «Если нынешняя тенденция не будет остановлена или обращена вспять, – предупреждал Бергман, – американское еврейство

уже в первой половине XXI века перестанет существовать как сколько-нибудь значимая общность, и вина за это будет лежать на самих евреях».

В то время Бергмана осудили как паникера и никудышного демографа. Неверны, дескать, не только его выкладки, но и вообще, беспокоясь исключительно о количественных показателях, он будто бы встает на ложный путь. Конечно, говорили оппоненты, американское еврейство меняется, но никогда моральный дух, как групповой, так и индивидуальный, не был так высок, а влияние в обществе – так велико. Свидетельства этому можно найти всюду. Чуть ли не во всех университетах читаются курсы по голокаусту и иудаике; президент и сенаторы прислушиваются к мнению общины, прежде чем предпринять что-либо в отношении советских евреев или Израиля; дискриминация канула в Лету, и многие юные американские евреи серьезно и с достоинством занимаются поисками корней, пестуют в себе еврейское самосознание. Даже если кто-то и теряет связь с еврейством из-за смешанного брака или еще по какой-нибудь причине, то таких явное меньшинство, и они не дают повода говорить о демографическом кризисе. Кроме того, утверждали оптимисты, Америка вообще не похожа на другие страны, так что и американское еврейство переживет ту доброжелательность, которой окружает его сия благословенная страна.

Однако данные опросов и результаты исследований, проведенных в ряде городов в восьмидесятые годы, поставили под сомнение прогнозы оптимистов. Стало ясно, что значительно менее половины детей, рожденных в смешанных браках, получали еврейское воспитание; что женщины, откладываявшие обзаведение семьей ради карьеры, спохватившись, не производили на свет двойняшек или тройняшек, необходимых для достижения уровня замещения. Но все эти исследования охватывали лишь небольшие группы населения, а покуда не были собраны данные по стране в целом, оптимисты могли утверждать, что ничто еще не доказано. Все – и оптимисты, и пессимисты – ждали результатов исследования, проводимого в масштабе всей страны. И результаты эти вполне однозначно подтвердили опасения пессимистов.

На первом этапе общенационального проекта ОИЕН, реализованного в 1990 г., 126 000 американцев были опрошены по телефону об их вероисповедании. На втором этапе были выявлены те семьи, в состав которых входит хотя бы один еврей (иудей). Наконец, на третьем этапе оставшиеся 2 441 человек – опять же по телефону – отвечали на длинный список вопросов. Материал, полученный таким путем, после упорядочения, анализа и экстраполирования дал, по словам Барри Космина и Джеффри Шекнера, руководителей двух исследовательских коллективов, «фотографический портрет» американских евреев и тех, кто живет с ними. Космин и Шекнер говорят, что они получили мгновенный снимок «динамической популяции», «в которой отдельные индивиды и целые семьи постоянно перемещаются из одной категории в другую». Категории эти, заметим, специально были разработаны демографами для еврейской популяции Америки, и если в исследовании Делла Перголы (для евреев всего мира) фигурировали три группы, и подсчет производился лишь для одной из них, то для адекватного описания американского еврейства в наши дни потребовалось выделить как минимум дюжину групп и всем им необходимо было уделить равное внимание.

Итак, результаты. Прежде всего, 4,2 млн. человек прямо заявили, что родились в еврейских семьях и считают себя иудеями «по вероисповеданию». Прибавим к ним 185 тысяч «иудеев по выбору», то есть людей, обращенных в иудейскую веру, либо не прошедших обращения, но заявляющих, что исповедуют иудаизм. Далее, перепись обнаружила 1,1 млн. «евреев по рождению, не принадлежащих ни к какой религии», то есть людей типа Вуди Аллена. Взятые вместе, эти три группы общей численностью в 5,5 млн. составляют ядро американского еврейства, основное поле деятельности разнообразных еврейских обществ и организаций.

Следом за ядром идет периферия – «евреи в широком смысле слова», согласно классификации Делла Перголы. Это люди, родившиеся в семьях, где один или оба родителя были евреями, но сами себя евреями уже не считающие. Характеризуя три выделенные в этом множестве группы, руководители ОИЕН говорят, что эти люди «проделали быстрый путь к ассимиляции». За последние 20 лет численность периферии стремительно росла и достигла 1,3 млн. человек. Сюда входят 210 тысяч тех, кто воспитывался в еврейских семьях, но впоследствии перешел в другую веру; 415 тысяч – в основном, взрослых – рожденных в смешанных браках и принадлежащих к неиудейской вере. Если не учитывать новообращенных иудеев, мы получим, что 6,65 млн. американцев – ядро и периферия – родились в семьях, где хотя бы один из родителей был евреем.

Наконец, есть неевреи, живущие в одной семье с евреями ядерной или периферийной групп. В 1970 г. их было 430 тысяч, сейчас – 1,35 млн. Сложив все эти цифры, подведем итог: в общей сложности, еврейская популяция США насчитывает 8,2 млн. человек. Другой вопрос – что значат все эти цифры. «Моментальный снимок», на получение которого Федерация Еврейских Филантропических Организаций не пожалела 400 тысяч долларов, подробен до чрезвычайности. Таблицы, графики, диаграммы представлены в изобилии, материалы анализируются и сопоставляются под всеми мыслимыми углами зрения. Так, можно узнать небезынтересный факт: в трех группах, составляющих ядро американского еврейства, насчитывается 250 тысяч человек, родившихся в СССР и Израиле. Почти все они, заметим, иммигрировали после 70-го года; так что если бы не этот приток, то численность ядра популяции собственно американских евреев и впрямь начала бы падать.

Из полученных в ходе исследования данных можно также сделать выводы о том, в каком направлении и с какой скоростью протекают разнообразные демографические процессы. Особенно красноречивы упоминавшиеся уже «пирамиды». Диаграмма возрастной структуры для ядра популяции напоминает пузатую бочку, покоящуюся на тонкой подставке. Такая конструкция свидетельствует прежде всего о старении популяции. Действительно, 17% еврейского населения Америки составляют люди пенсионного возраста, 19% – дети до 15 лет (соответствующие показатели для всего белого населения США – 14% и 21%). Из диаграмм легко также видеть, что представители старшего поколения в массе своей являются верующими евреями, в то время как их дети и внуки – те из них, кто не перешел из ядерной группы в периферийную, – тяготеют к Вуди Аллену. При этом «коренные» американские евреи с меньшей вероятно-

стью попадают в группу «иудеев по вероисповеданию», нежели те, чьи бабушки и дедушки родились за пределами США. Резонно спросить, а что же тут нового? Новыми, и на сей раз неоспоримыми, являются данные о смешанных браках, число которых растет бешеными темпами: среди браков, заключенных до 65 г., смешанные составляли 10%; за период с 65 по 74 гг. – 25%; с 74 по 84 гг. – 42%; начиная с 85 г., – более половины. В действительности число их еще выше, так как неучтенными оказываются «прежние браки лиц, ныне состоящих в браке повторно». Одновременно, несмотря на «стратегию растущего охвата», доля неевреев, принимающих в смешанном браке иудаизм, постоянно снижается: 20% для пар, вступивших в брак до 65 г., 18% для 65–74 гг., 15% для 74–84 гг. и 10% для тех, кто заключал браки после 85 года.

А что же дети от смешанных браков? Данные ОИЕН свидетельствуют, что «лишь 28% таких детей получают еврейское воспитание». Картина идентична обнаруженной Руппиным в Пруссии в 1909 г. «Около 41%, – читаем мы далее, – воспитываются в иной вере», и 31 не получают религиозного воспитания. А поскольку «смешанная семья представляет собой наиболее быстро растущий тип семьи,... нынешние тенденции означают, что в следующем поколении численность ядра еврейской популяции будет и далее сокращаться».

Данные ОИЕН свидетельствуют и о многом другом. Выяснилось, в частности, что представители периферийных групп испытывают меньше симпатий к Израилю, придают меньшее значение еврейскому самосознанию, имеют меньше друзей-евреев, меньше жертвуют еврейским благотворительным организациям, реже принадлежат к той или иной синагоге. Все это неудивительно. Но лучше ли обстоит дело в ядерных группах? Менее половины представителей этих групп связаны с какой-либо синагогой; менее 20% вносят пожертвования в еврейские фонды. Что же произойдет, если численность ядра будет (что весьма вероятно) сокращаться и дальше? Достаточно ли будет собранных различными фондами средств, чтобы финансировать эмиграцию в Израиль и насущные нужды американских евреев – содержание школ и домов престарелых? Достаточно ли будет голосов у избирателей-евреев, чтобы с ними продолжали считаться в Белом доме и на Капитолийском холме? И вообще, сколько будет евреев, которым небезразлично будущее еврейства и которые могут что-то ради него сделать?

Заниматься пророчествами – вещь рискованная. А уж пытаться предсказать, что ждет еврейский народ, – и вовсе гиблое дело. Конечно, может статься, что число смешанных браков в США перестанет расти, а то и пойдет на убыль. Может статься, что все большее число детей, рожденных в таких браках, будут получать столь строгое иудейское воспитание, что не захотят сами вступать в смешанные браки или же будут настаивать на том, чтобы их будущие супруги принимали иудаизм. Может статься, что множество еврейских женщин Диаспоры, вне зависимости от их религиозности, вдруг решат, что растить детей – важнее, чем делать карьеру, или что воспитание детей в еврейском духе станет для мужчин и женщин Диаспоры задачей номер один. Может статься, что Америка широко откроет двери для еврейских иммигрантов. Может статься, что какой-нибудь исключительно популярный президент США решит обратиться в иудаизм, и миллионы американцев последуют его примеру. Все это может произойти – но вряд ли произойдет.

Глубинные процессы, происходящие сегодня в еврейском мире, делают наиболее вероятным следующее развитие событий: где-то в начале следующего столетия – впервые за очень долгое время – большинство евреев будет сконцентрировано в Сионе, а не рассеяно в Диаспоре. Когда именно настанет этот день, зависит от многих факторов и прежде всего от объема эмиграции из бывшего СССР в Израиль. Но даже если поток этот завтра же остановится, все равно в течение XXI века количество евреев, проживающих в Израиле, превысит число евреев, живущих за его пределами. И причины будут те же, по которым на израильской территории число палестинцев превысит число евреев: более высокий коэффициент рождаемости и пирамидальная возрастная структура – залог тому.

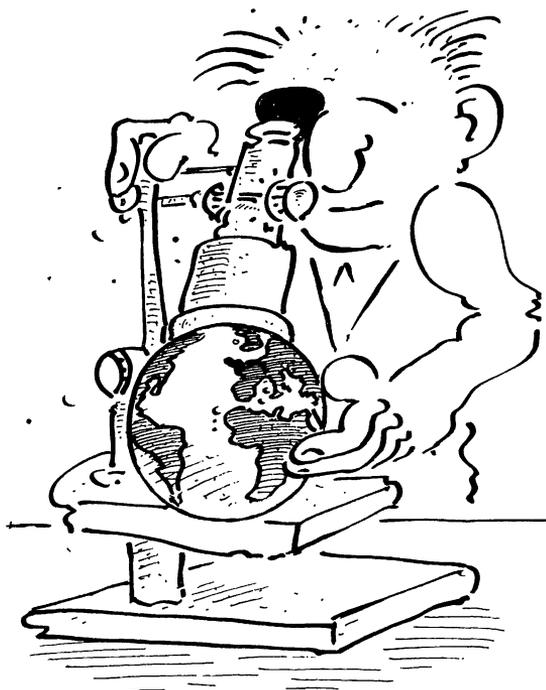
Получится, что Руппин и Делла Пергола были правы. Вряд ли, однако, их бы это обрадовало. Только самые примитивные сионисты, бездумно отрицающие Диаспору, помышляли когда-либо о ее исчезновении. Более трезвые адепты сионизма всегда стремились искать решение, от которого выиграет еврейство в целом. В свете многовековой истории еврейского народа, большую часть времени жившего и выжившего, не имея своего государства, вряд ли разумно делать ставку на одну карту. Вряд ли евреи выиграют от того, что Диаспора исчезнет или окажется деморализованной, или в ней останутся одни лишь верующие иудеи, преимущественно ортодоксы. Диаспора и Сион никогда не обойдутся друг без друга. И Диаспора и Сион нуждаются в защите и опеке. Ирония же состоит в том, что доброжелательное окружение Диаспоры представляет собой куда большую опасность для ее существования, чем ненависть хорошо вооруженного врага – для существования Израиля.

Американское еврейство сегодня можно уподобить кусочку сахара, плавающего в теплой ванне огромных размеров. По мере того как сахар растворяется, вода становится чуть слаще. И если условия будут оставаться столь же комфортными, то еврейство либо растворится вовсе, либо от него останется ядро, состоящее из ревностных ортодоксов.

Но будет ли вода всегда оставаться пленительно теплой? Классический сионизм, не делающий исключения для Америки, говорит: «Нет», рано или поздно придет реакция в виде антисемитизма. Поводом могут послужить тяжелые времена вообще, поражение в войне или что-то еще. В результате, процесс растворения будет приостановлен, ассимилированные и полуассимилированные евреи потянутся обратно к ядерной группе, а то и вовсе в Израиль. Такое развитие событий стало бы серьезным испытанием для народа, которому, впрочем, к испытаниям не привыкать; но представить себе, что катастрофа произойдет в Америке... Даже самый примитивный сионист не станет всерьез утверждать, что верит в этот сценарий. Даже он в глубине души уверен, что Америка – особенная страна, воды которой всегда останутся теплыми.

К 2021 году Диаспора, вероятно, оскудеет еще на миллион душ. А вокруг ее поредевшего ядра, словно круги на воде, будут жить миллионы американцев, имевших в роду евреев. И ядро этой поредевшей, все более ортодоксальной Диаспоры, и огромная, все менее четко очерченная периферия, будут сконцентрированы в США, на родине миллионов Барри Голдуотеров и Каспаров Вайнбергов обоюбого пола.

Итак, путь еврейского народа по-прежнему извилист; ветер беспрестанно меняет направление, и парусник меняет галсы, движется к гавани, скрытой где-то за горизонтом. Всякое может случиться. В результате огромного количества смешанных браков, в США (как раньше в СССР) продолжает формироваться огромный отряд потенциальных евреев – в то самое время, когда многие «урожденные» евреи предпочитают порывать со своими корнями. Возможно, этот парадокс не будет решающим, но он может сыграть свою роль. Разумеется, с течением времени даже и великое множество бывших евреев может раствориться без следа, как это случилось с испанскими «конверсос». Но – и тут мы подошли к последнему парадоксу – численность сама по себе не гарантирует народу процветания и способности приспособливаться к меняющимся условиям. И если евреев станет меньше, это не обязательно будет означать, что еврейский народ, вступая в пятое тысячелетие своей истории, станет слабее, малодушнее, утратит свои таланты или перестанет играть особую роль в мире.

Ищу еврея...

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ...

Согласно различным оценкам, в странах СНГ (бывшего Советского Союза) проживает от 2,5 до 3,5 миллионов человек, * которые либо формально (по документам) числятся евреями, либо не числятся таковыми, но фактически ими являются, либо при необходимости могут доказать ту или иную степень причастности к еврейству. В потоке еврейских эмигрантов, выезжающих теперь уже из стран Содружества независимых государств, представлены все три группы, если угодно, еврейского населения.

Куда же направляются наши эмигранты, где они в конце концов оседают, как складывается их судьба?

Израиль

Число жителей Израиля, прибывших в эту страну из Советского Союза с 1948 года, то есть с момента провозглашения еврейского государства, составляет 512 644 человека. Среди выходцев из разных стран «русские» занимают первое место, опережая «румын», «марокканцев», «поляков», «иракцев» и «иранцев».

С сентября 1989 г., с момента начала новой волны массовой эмиграции, из СССР/СНГ в Израиль выехало 338 287 человек. Среди иммигрантов из СССР лица от 0 до 18 лет составляют 25,7%, от 19 до 65 лет - 60,4%, свыше 65 лет - 13,9%.

От 25% до 40% советских иммигрантов, согласно Галахе, не являются евреями.

3% советских иммигрантов считают себя верующими иудеями.

30 000 советских иммигрантов совершили (в Израиле) обряд обрезания.

34% советских иммигрантов - люди с высшим образованием.

11,3% - инженеры.

2% - ученые и научные работники.

1,2% - экономисты.

10 000 советских иммигрантов - музыканты, актеры, художники, журналисты, писатели.

8 200 иммигрантов из СССР - врачи (из них 1 500 получили право работать по специальности).

46% иммигрантов из СССР поселились в центре страны (Большой Тель Авив).

12% - в Иерусалиме.

10% - в городах развития.

1,1% - на оккупированных территориях.

Наибольшее число советских иммигрантов проживает в Хайфе - 38 000 человек.

60 000 детей иммигрантов из СССР посещает израильские школы.

* Все данные на 1 января 1992 года.

На бирже труда зарегистрировано 125 000 выходцев из СССР.

45 000 советских иммигрантов нашли работу (временную или постоянную).

29% советских иммигрантов заявили, что предпочитают остаться в Израиле.

30%-хотят переехать в другие страны Запада.

5% - хотят вернуться в СНГ.

52% советских иммигрантов советуют своим родственникам оставаться в СНГ.

(По данным министерства абсорбции и министерства финансов Израиля, Еврейского Агентства и исследовательского института Tatzpit).

Соединенные Штаты Америки

С 1988 г. в США в качестве еврейских иммигрантов из СССР/СНГ въехало 110 000 человек.

В 1991 г. в страну легально иммигрировали 53 000 советских евреев.

В январе 1992 г. из СНГ в США иммигрировали 4 300 евреев.

С 1971 по 1988 г. в США непосредственно из СССР или через Израиль прибыло от 200 000 до 250 000 бывших советских евреев.

Германия

Германия занимает третье место по числу еврейских иммигрантов, переселяющихся сюда из СССР/СНГ. Установить, сколько бывших советских евреев проживает ныне в Германии, весьма сложно, так как неизвестное их число стало немецкими гражданами после присоединения к Федеративной Германии ГДР. Кроме того, до 1992 г. (в разных землях по-разному) власти Германии разрешили остаться в стране на постоянное жительство тысячам советских туристов, если те могли доказать свое еврейское происхождение. Считается, тем не менее, что в настоящее время в стране проживает от 15 000 до 20 000 бывших советских евреев. После принятия Бундестагом закона, легализующего еврейскую иммиграцию (октябрь 1991 г.), в немецкие консульства в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве было подано 25 000 заявлений (январь 1992 г.) на переселение в Германию.

Южная Африка

Подробная информация о бывших советских евреях в этой стране отсутствует. Считается, что несколько тысяч человек обосновались в ЮАР в 70 - 80-ые годы, перебравшись сюда из Израиля. Известно также, что с началом массовой эмиграции из СССР/СНГ многие советские евреи пытаются разными путями попасть в эту страну.

По сообщению полиции ЮАР, в 1991 г. в страну нелегально прибыли из Израиля 3 800 бывших граждан СССР. Полицейское управление предупредило незваных гостей, что если они не легализуют свое пребывание в стране или не покинут ее в течение двух месяцев, им грозит штраф в размере 8 000 рэндов или два года тюремного заключения.

Лев КАРСАВИН

РОССИЯ И ЕВРЕИ*

I

Довольно затруднительно упомянуть в заглавии о евреях и не встретиться с обвинением в антисемитизме, притом - сразу с двух сторон: со стороны евреев и со стороны русских. В самом деле, среди разорвавших или надорвавших свою связь с еврейством как религиозно-культурным целым евреев, среди евреев, ассимилирующихся и ассимилируемых, мы наталкиваемся на чрезвычайно обостренное и болезненное *чувство стыда за свое еврейское происхождение*. Конечно, они сами будут это решительно отвергать, но факта опровергнуть нельзя, хотя бы и не все хотели его видеть. Мне стыдно за стыдящихся своего еврейства евреев, как должно быть стыдно за них и всякому хорошему еврею: но тут ничего не поделаешь. По-человечески надо войти в их положение, т.е. в положение стыдящихся своего еврейского происхождения.

Они *ассимилируются, хотя и не до конца*, т.е. не сливаясь всецело с окружающей их национальной культурой и не становясь ее органическими клетками. Они оставляют и даже отвергают свою прежнюю еврейскую культуру ради культуры «общечеловеческой». Само собой разумеется, что есть евреи ассимилированные и вполне, т.е. *переродившиеся* из евреев во французов, немцев, русских всецело и до конца. Таких евреев нельзя уже и называть евреями, хотя бы они и носили еврейские фамилии и отличались еврейскими чертами своей внешности, и не о них я сейчас говорю. В применении к ним не может и *не должно* быть никакого «еврейского вопроса». Но этот тип сравнительно редок, и существование его связано с большими трудностями. Мы же говорим о другом *типе* (именно о *типе*, а не о евреях-индивидуумах и не о какой-то совокупности их, ибо индивидуум всегда выражает тип «более или менее», может выражать в себе, разнообразно сливая их, разные типы, и тип не может быть отождествляем с определенной внешней группой), о типе не до конца ассимилирующегося еврея *ассимилирующегося, не ассимилированного*, о типе «еврея на перепутье».

Ассимилирующийся еврей должен более или менее отчетливо сознавать, что есть некоторое внутреннее противоречие в замене религиозно-национальной культуры еврейства какой-нибудь ограниченно-национальной культурой, которая чаще всего не обладает свойственной еврейству идеей универсализма, особой предызб-

---

* Печатается с сокращениями по тексту: «Версты», № 3, 1928 г. Париж.

ранности, первенствующего положения среди народов мира, миссианства и мессианства. Он может обмануться и принять внешний размах и силу, империализм или капитализм, данной национальной культуры за ее универсальное значение. Но по существу он остается чуждым всему частному и национально-ограниченному и отрицает все национальное именно как ограниченное и частное. Перестать быть евреем для того, чтобы стать французом, немцем или русским, значит для него променять, подобно Исаву, первородство на чечевичную похлебку. И как сочетать отказ от исключительного значения еврейского народа с признанием того, что пришел Мессия, который должен прийти прежде всего для народа еврейского? Преодолеть родное еврейство и стать националистом в среде другого народа, отвергнуть еврейского Мессию и признать Мессию пришедшего для других... да, это ужаснейшая, не находящая своего катарсиса (разрешения) трагедия. Уж лучше о ней не думать, лучше чем-нибудь ее заглушить! Она и действительно заглушается, если еврейство променяется на «общечеловеческую» культуру и еврейская религия — на религию универсальную. К несчастью, понятия «общечеловеческого» и «универсального» в этом случае являются понятиями мнимыми и даже *не соответствующими* универсализму исконного, подлинного еврейства.

Вот почему ассимилирующийся и отрывающийся от своего народа еврей неизбежно становится *абстрактным космополитом*. Он не находит себе места ни в одном народе и остается в пространстве между нациями, *интернационалист*. Он исповедует не национальные идеалы, которые кажутся ему ограниченными и частными, но идеалы «общечеловеческие», которые вне своих национальных индивидуаций *абстрактны, безжизненны и вредоносны*. В политике он склоняется к идеям отвлеченного равенства и отвлеченной свободы, т.е. делается демократом, к тому же, по отсутствию связи с конкретной и потому всегда национальной действительностью и по свойству своего ума, *радикальным демократом*. В сфере проблем политико-социальных он превращается в социалиста, к тому же в наиболее бесстрашного по своей последовательности и наиболее систематического, т.е. в «*научного*» социалиста и в коммуниста. Только этим путем может он сохранить *остатки своего* национального еврейского универсализма и *своей* национальной универсалистической религии, хотя и не без существенного искажения того и другой. Нет ни малейших оснований понимать мою мысль так, будто ассимилирующийся еврей всегда и везде до конца осуществляет внутреннюю диалектику своей природы, будто он, например, обязательно делается явным и сознательным врагом всего национального. Он может допускать и признавать национальное, даже ревновать лаврам лорда Биконсфильда. Но, если он последователен, он приемлет национальное как нечто вторичное, несущественное, как некоторую, может быть, и неизбежную, но не безусловно ценную акциденцию. Во всяком случае, он склонен понимать национальное в отрыве от религии, подставляя на ее место расу или секуляризованную культуру, государственность или что-нибудь подобное. Важно, что общечеловеческая культура преподносится ему не как симфоническое единство частных и национальных культур. Ведь такое единство по необходимости иерархично, и первое место в нем для всякого данного момента (да и вообще) должно принадлежать какой-нибудь одной национальной культуре. А легко ли еврею отречься от веры в вечное первенство культуры еврейской? Недаром же даже разорвавшие с еврейским народом евреи с особенным вниманием относятся к успехам именно ев-

реев, говорят, часто не без высокомерия, об одаренности еврейского народа, создают репутацию ученым, литераторам, художникам из евреев. В России приходилось за годы революции встречаться с такими фактами, что еврей-христианин, резко враждебный всякой революции и всякому социализму, не мог скрыть своего удовольствия при виде талантов и успехов еврея Троцкого. Говорю не в осуждение, тем более, что и сам считаю Троцкого человеком талантливым, а в объяснение, и не считаю нужным скрывать добросовестно и беспристрастно наблюдаемые мною факты.

Итак, ассимилирующийся еврей по существу своему интернационалистичен и абстрактен. В этом последняя связь его с еврейством, *которое само-то не интернационалистично и не абстрактно*. Порвав эту связь, он теряет свою специфичность и растворяется в мире чуждой ему культуры, иногда - становится ее живой клеточкой. Именно чужеродностью ассимилирующегося еврея всякой органической и потому национальной культуре объясняется тот факт, что в ней евреям принадлежат лишь вторые и третьи места. Ни в философии (за исключением, *может быть*, Спинозы), ни в науке, ни в искусстве евреям руководящей роли не принадлежало. Это не свидетельство против одаренности еврейского народа, ибо из него выходили древние пророки, в его среде появилась Библия и его гений отразился в Каббале. Но еврей, как и человек всякой другой культуры, может создавать великое и оригинальное *только в сфере своей же культуры, а никак не в отрыве от нее*.

Интернационализм и абстрактность существенно противоречат духу всякой живой органической культуры. Они возможны, как страшные призраки, только на почве ее разложения. Они должны наталкиваться на сопротивление со стороны здоровых ее элементов тем более решительное, чем здоровее культура. (Прошу читателя не передергивать и не приписывать мне призывов к погромам). Да ведь и сами ассимилирующиеся евреи должны быть после всего сказанного нами поняты как продукты *разлагающейся периферии еврейской культуры*. (Говорю не «еврейской культуры», а «ее периферии», ибо саму еврейскую культуру считаю живой и органической и умею ценить ее не менее, чем ценят ее ассимилирующиеся). Вот эта-то вечная взаимная борьба, иногда глухая, иногда явная, между здоровыми элементами культуры и ассимилирующимися евреями и объясняет, почему такие евреи чувствуют себя всегда обиженными, угнетенными, почему они всегда насторожены и болезненно чувствительны, почему волнуются только услышав слово «еврей». Нелегко вечно оставаться на вторых местах и еще чувствовать объективную, но часто конкретно неуловимую враждебность к себе со стороны «акциденций» общечеловеческой культуры. Тут и революционером сделаешься. А еврей ассимилирующийся и без того по самой природе своей - *революционер*. Ибо он - враг органической национальной культуры, которая ему мешает и его теснит, и естественный союзник разлагающих ее «революционных» процессов. Ибо он еще сохранил в себе пламенный, устремленный к последнему и абсолютному, ни перед чем не останавливающийся религиозный порыв еврейского народа, закованную в алмазные цепи тончайшей силлогистики расплавленную стихию. Принято объяснять революционность рассматриваемого типа евреев внешними условиями: гонениями, ограничениями, погромами и т.д. Но все это лишь следствия и внешние доказательства указываемого нами основного факта.

Начав с объяснения, почему заглавие нашей статьи подозрительно для многих евреев, мы не объяснили еще, почему оно подозрительно и для многих русских. Почему и им употребление слова «еврей» часто кажется признаком «антисемитизма»? Почему и их оно, во всяком случае, настораживает?

Русский человек живет под ужасным гнетом впечатлений от активного, грубого и чревного антисемитизма, который нашел себе достаточно отвратительное выражение и в погромах, и в «кровавом навете», и в атмосфере мероприятий, и в самих мероприятиях старого русского правительства. Правда, волна антисемитизма началась не в центре России, а в сфере, либо входившей в пределы католической Польши, либо католически-польскими влияниями обусловленной. Но это - плохое утешение, тем более что любители сошлутся на черту оседлости. Как бы то ни было, русский человек стеснен в свободе суждения, ибо он не в силах отделаться - и хорошо, что не в силах! - от чувства жгучего стыда за многое в нашем недавнем прошлом. Вместе с тем он более или менее смутно сознает, иногда даже в самом себе, враждебность его национальной русской стихии к еврею-космополиту. Он сознает далее второстепенное положение еврея (еврея-космополита) в развитии русской культуры, положение его как «русского второго разряда». Чувство справедливости возмущается в нем тем с большей силой, чем меньше он осмысляет факт. Это чувство делает его незащитным перед «еврейским общественным мнением» и неспособным правильно поставить и разрешить еврейский вопрос или, вернее, еврейские вопросы.

II

Проведем прежде всего некоторые различия, выше уже намеченные. Мы различаем: 1) религиозно-национальное и религиозно-культурное еврейство, *еврейский народ*, который составляет одно и единое культурно-религиозное целое, несмотря на то, что рассеян и разделен по разным культурам и народам и в пределах каждой или каждого из них образует или может образовывать частное и специфическое целое, и 2) *периферию еврейства*, которая, отрываясь от своего народа, своей религии и культуры, денационализируется и ассимилируется; а среди этой периферии - а) евреев, совершенно ассимилированных той либо иной национальной культурой и ставших живыми и органическими *ее* индивидуациями, и б) евреев, интернационалистов по существу и революционеров по природе.

Вот об этом последнем типе евреев (2 б) мы до сих пор и говорили. *В отношениях к нему один из источников современного антисемитизма*, но признание того, что он существует, описание отличительных его черт и попытка раскрыть его внутреннюю диалектику, даже оценка его с точки зрения религиозных и культурных ценностей являются не антисемитизмом, а научно-философскими познавательными процессами.

Тип ассимилирующегося еврея определяется идеологией абстрактного космополитизма или *интернационализма, индивидуалистическими тенденциями* в сфере политических и социальных проблем (демократизмом, социализмом, коммунизмом), *активностью*, направленной на абстрактные и предельные идеалы и не знающей границ, т.е. *утопизмом и революционностью*, а потому нигилистической

разрушительностью. Все эти черты, характерные, и даже часто в указанном сочетании характерные не только для еврея, у еврея *специфически окрашены и индивидуализированы его «прошлым»* - его происхождением и *«промежуточностью»*. Ибо он уже не еврей, но еще и не «не-еврей», а некое промежуточное существо, «культурная амфибия», почему его одинаково обижает и то, когда его называют евреем, и то, когда его евреем не считают. В религиозности своей (а он всегда явно и сознательно религиозен) ассимилирующийся еврей *универсалистичен*, сродствуя католицизму, и *материалистичен*, в материализм искажая конкретность еврейской религии. Этот тип является врагом всякой национальной органической культуры (в том числе и еврейской). Ему чужда и непонятна идея соборности, раскрываемая Православием, но укорененная в религиозном сознании еврейства («Израиль», Kahal), и ее-то он и искажает в идею абстрактного универсализма. Этот тип не опасен для здоровой культуры и в здоровой культуре не действителен. Но лишь только культура начинает заболеть или разлагаться, как он быстро просачивается в образующиеся трещины, сливается с продуктами ее распада и ферментами ее разложения, ускоряет темп процесса, специфически его окрашивает и становится уже реальной опасностью.

В XVIII веке европейская культура вступила в период индивидуалистического распада. Это сказалось, между прочим, в расцвете рационалистически-демократических идей (немного позже - капитализма) и утопического, сначала даже явно религиозного, социализма. Здесь именно и проявилась активность рассматриваемого нами типа. Отрываясь от еврейства, ассимилирующиеся евреи стали широкими волнами вливаться в европейскую культуру. Они сливались с европейским капиталистическим миром, его радикализуя, и, с другой стороны, с европейскими демократическими, а еще более - социалистическими течениями. Не они их вызывали к жизни, но они, в полном соответствии с тенденциями этих течений, способствовали тому, что эти течения становились все более радикальными, революционными, абстрактными и материалистическими (ибо это одно и то же, абстрактность и материализм). Так новая фаза европейского социализма связалась с еврейскими именами и еврейскими чертами. Он утратил прежнюю расплывчатость и прекраснодушие, сделавшись сложной, талмудически разрабатываемой системой и незаконно монополизировав эпитет «научного» и став боевой и революционной доктриной, превратился в интернациональное движение и универсалистическую абстрактную религию. Произошел *осмос продуктов распада двух культур*: европейской и еврейской. Какова тут доля вредного влияния со стороны каждого из элементов, сказать, разумеется, очень трудно и даже совсем невозможно без тщательных специальных изысканий. Но для них условия до сих пор крайне неблагоприятны, так как господствуют страсти и пристрастия: у одних - стремление во всем обвинить евреев, у других - стремление их совершенно обелить. Мы ограничиваемся констатированием общего факта, напоминая, что наша задача не в лечении нервных больных.

Вполне понятно, что ассимилирующиеся евреи сыграли свою роль, хотя отнюдь не основоположную, и во вредном для русской культуры процессе чрезмерной европеизации. К тому же и европеизм XIX в. не свободен, как мы видели, от влияния этих евреев. Коммунизм - только зрелый плод марксизма, освоенный и переработанный исконно русской стихией большевизма. Интернационализм и материализм русской коммунистической революции, ее мировой размах, ее революционный па-

фос слишком созвучны и соприсродны основным тенденциям денационализированных евреев, чтобы не сделаться для них центрами притяжения, призывными огнями, о которые и суждено им было обжечь себе крылья. Конечно, необходимо покончить с глупою сказкою (или с новым «кровавым наветом» - все меняет свои формы, даже клевета), будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское государство. — Историософия, достойная атамана Краснова, и, кажется, позаимствованная им у Дюма-отца, который тоже обвинял в устройстве французской революции графа Калиостро! — Но денационализированные евреи участвовали в русской революции и участвовали в ней в силу самой природы их. Они стали отходить от нее (в лице оппозиции в обоих ее флангах) лишь теперь, вместе с переходом ее к национальной фазе.

И для Европы и для России суть дела, разумеется, не в каком-то фантастическом еврейском заговоре и не в факте участия евреев, а в *самых процессах разложения*, охвативших европейскую культуру и европеизованную русскую государственность. Евреи оказались лишь попутчиками, сошедшими со своего перепутья. Они влились в процесс. Может быть, они даже обострили его и ускорили его темп, но, во всяком случае, значение их безмерно преувеличено. Не будь процессов разложения, они ничего бы не могли сделать. И несчастье России совсем не в денационализированном еврействе, а в тех условиях, благодаря которым и оно могло оказаться действенным. Потому так и страшны поднимающиеся в России волны нового антисемитизма, что не столько действительно вредные, сколько говорливые и суетливые попутчики революции могут оказаться искупительной жертвой. И не только они. Разыгравшаяся стихия, поглотив их, обрушится и на еврейский народ, уже ни в чем не повинный, так же отрицающий отпавших от него, как и мы их отрицаем. И по нашему твердому убеждению, волны антисемитизма опасны не только для евреев. Они являются грозным испытанием для самого русского народа. Им надо противопоставить не только религиозно-нравственную и правовую идею, но и трезвый национальный интерес, ибо и преступление народа безнаказанным не остается.

Здесь, впрочем, мы заняты не этой практической проблемой, а вопросом более общим, хотя с ней теснейшим образом и связанным. Мы стоим на почве органического понимания культуры, признаем только реальные и конкретные культуры, а общечеловеческую понимаем как реально-конкретное и соборное единство (многоединство) частных. Поэтому денационализующееся и ассимилирующееся еврейство - наш вечный враг, с которым *мы должны* бороться так же, как оно борется с нашими национально-культурными ценностями. Это - борьба *неустрашимая и необходимая*.

III

Считая религиозно-культурный еврейский народ нашим естественным союзником в борьбе с его денационализующейся и ассимилирующей, разлагающей периферией, я в то же самое время *не признаю возможным резкое их разграничение*. Грань проходит не между социально-культурными группами и даже не между отдельными людьми, хотя среди них и встречаются довольно яркие представители

того либо иного типа, но - внутри всякого индивидуума. Разлагающееся еврейство не только «накожная болезнь» еврейского народа, но в известной мере и его внутренняя болезнь, в здоровом, но внешне не определенном ядре им преодолеваемая. И если я признаю *существенным* признаком еврейского народа его *религиозность*, а наибольшую полноту ее усматриваю в том, что называется еврейской религией в самом точном и строгом смысле слова, я не склонен и здесь проводить слишком грань. Еврей, скептически и даже отрицательно относящийся к вере отцов, еврей, забывший ритуализм и весь быт еврейского народа, еврей, сознательно ни во что не верующий, все же может быть по существу своему религиозным. Часто он извратит свою еврейскую религию в плоскую религию человечества, если в не менее плоскую религию разума. С годами и в нем может заговорить еврейская душа, и окольными путями он направится к вере отцов, подойдет к ней и только не всегда ее узнает. А это значит, что и прежде не совсем угасал в его душе огонь веры, что он всегда был, хотя бы и сам того не сознавая, религиозным евреем. Да и еврейскую периферию можно понять, только поняв извращаемую ею, но еще не угасшую в ней религиозность.

Мы говорим о единстве, целостности, органичности и своеобразии еврейской культуры, именно ею определяя еврейский народ. Но как раз еврейская культура - и в этом величайшее ее достоинство и значение - *насквозь религиозна, от религии не отделима*. Значит, и она, культура, не исчезает вполне вместе с движением еврея от центра еврейства к его периферии, каким бы извращениям она ни подвергалась. Да это и само по себе ясно для всякого внимательного наблюдателя, много очевиднее, чем религиозность всякого еврея. «Солидарность» евреев, которая сохраняется, несмотря на тягчайшие испытания и которая устыжает или возмущает другие народы, является живым свидетельством в пользу единства еврейской культуры, и единства религиозного. Ведь надо же, наконец, понять, что это не простое единство единоплеменников, а единство детей Авраамовых, кровное единство народа, избранного Богом, носящего на теле своем знамение вечного завета с Богом. Это Богом освященное и скрепленное кровное единство. Оно сильнее, чем всякое натуральное единство, и оно переживается евреем глубже, чем переживает единство сего «рода христианского» современный христианин, об этом единстве ныне почти забывший.

Так мы принципиально отказываемся от проведения *каких-либо резких разграничительных линий* и не считаем таковыми ни соблюдение закона, ни религиозность, ни паспорт. Но отсюда отнюдь не вытекает отказ от различений, от определения разных типов и от их оценки. Я различаю *периферию* и *ядро* еврейского народа и говорю об этом ядре как о самом «*еврейском народе*» в его наибольшей эмпирической раскрытости и здоровьи. В недостаточном различении между ним и его периферией и коренится, на мой взгляд, одно из самых опасных зол всякого антисемитизма, вовсе, конечно, его не оправдывающее.

Еврейский народ - наш естественный «союзник» в борьбе с его «периферией». И, действительно, *преодолевая, выправляя и всасывая* ее в себя во имя собственного своего религиозно-культурного идеала, еврейский народ избавляет нашу культуру от вечно предстоящей ей потенциальной опасности. С другой стороны, и мы, путем нашего саморазвития, не допуская того, чтобы эта периферия актуализировалась,

помогаем еврейскому народу в его борьбе, а всемерно содействуя его органическому и нормальному саморазвитию, уничтожаем эту опасность в самом ее корне.

Однако еврейский народ не только наш союзник, но и наш противник. Еврейство и христианство противостоят друг другу, как притягающие на единственную истинность своего учения, хотя христианство и упоает на то, что все народы (в том числе и евреи) обратятся к Христу, а еврейский народ, отрицая явление Мессии, верит лишь в победу еврейства как в первенствующее его положение среди других *все же спасающих людей* религий и чуждается прозелитизма. Еврейский народ противостоит христианским народам более, чем любая из иных религий. Еврейство связано с христианством одним Мессией, который к евреям пришел и которого они отвергают. Мы признаем Иисуса Христа, Мессию и Богочеловека, который по-человечески кровно связан с еврейским народом и который прежде всего пришел к чадам дома Израилева и который нас сделал новым Израилем, Израилем духовным (Гал.3,26-29; 6, 15 сл.; Рим. 2,28 сл.). Как же Израиль по плоти отделен от Израиля по духу? Неужели же два Израиля? Нет: *или мы, христиане, - избранный народ Божий, Израиль, или - евреи.* Этот факт в современном европейском сознании затемнен тем, что западное христианство отпало от Православия и распалось на ряд исповеданий и сект. Таким образом ослабело сознание единой истинной веры, «единого рода христианского», и – вместе с ростом неверия, религий человечества и разных теософий и вместе с усиленным взаимообщением разных религий – христианство стало восприниматься как одна из них. Наступила эпоха релятивизма, внешне устранявшего, но не преодолевшего антисемитические тенденции, которые были ослаблены и тем, что ослабели органические силы культуры, а симптомы ее упадка принимались за ее идеалы. * Тем не менее *соперничество существует и должно прежде всего быть осознанным.*

Существенно по-иному должно, на мой взгляд, обстоять дело в России-Евразии. – Православие *глубоко национально*, но и возвышается над ограниченностью всякой отдельной национальности, будучи самим и *единственным вселенским христианством.* Православная Церковь *есть соборное единство всех православных национальных церквей*, среди которых есть и первенствующая, упоаем – русская. Поэтому Православию одинаково чужды и западный интернационализм и западный (католический) прозелитизм. Оно не стремится к тому, чтобы римское католичество или германское протестанство вошли в одну из уже существующих православных церквей, но к тому, чтобы, отмечая только свои заблуждения, они восстали как римская и германская православные церкви в соборном единстве Церкви Православной, являя многообразную лепоту Тела Христова. Но, с другой стороны, Православие и не предоставляет, подобно еврейству, иные веры и иные исповедания их собственной участи; активно, хотя путем любви, а не путем при-

* Мы считаем «антисемитизм» одним из самых отрицательных явлений. Но возьмем его как симптоматический факт. Тогда окажется, что ослабление его в современной Европе – признак не совершенствования, а упадка европейской культуры. Его наличие в России, наоборот, свидетельствует о здоровье русской культуры. Там же, где есть здоровье, есть возможность действительно преодолеть антисемитизм, а не просто о нем забыть. Вот примечание, очень благодарное для клеветников.

нуждения, оно стремится к тому, чтоб и они, *оставаясь собой, из себя самих свободно* стали православными.

Так и в отношении к народу еврейскому. Он - исконный и вечный враг Православия. Но нам сказано: «любите врагов наших», и у нас нет и не должно быть другого средства борьбы с ним, кроме любви. А любовь не внутреннее чувство, не бездеятельное прекраснодушие, а во вне проявляющаяся действенная сила. Признак истинной любви в том, что она активна и плодоносна, в том, что она бескорыстно стремится к благу любимого. В чем же благо еврейского народа, как не в обращении его ко Христу? Православие и стремится к тому, чтобы *еврейский народ обратился в Православие, но свободно и себя сохраняя*. Идеалом Православия должен быть, по моему разумению, *еврейский народ как православная еврейская церковь*, дабы отдельные, разрозненно ныне обращающиеся к Христу евреи в Православной Церкви нашли, наконец, и эмпирически свой еврейский народ, от коего ради Христа они оторвались. Последняя цель не в обращении отдельных евреев, отнюдь не в том, чтобы свести такими обращениями на нет еврейский народ, но - в обращении самого ветхого Израиля. «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом» (Мф. 8,11), и из камней может Бог создать чад Авраамовых, но - «Я послан, сказал Иисус, только к погибшим овцам дома Израилева» (М. 15,24); учеников же Своих Он наставлял: «идите, наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10,6). Полагаем, что завет Христа и к нам относится и что «ожесточение произошло в Израиле отчасти» до времени (Рим. 11,25), и, по слову апостола (Рим. 11,26), надеемся, что *«весь Израиль спасется»*, т.е. станет народом - особой церковью Божьей, церковью ап.Иакова, венчающего Православие. Знаем, что «все во Христа крестившиеся во Христа облеклись» и что в Церкви «нет ни иудея, ни язычника.., ибо все... - одно во Христе Иисусе» (Гал., 3,27 с.). Но значит ли это, что в ней нищают и эллин и иудей? Что у эллина отнимается его эллинство, а у иудея его иудейство? Нет, не значит, ибо эллинство и иудейство теряют в Церкви *только* свою ограниченность: они *не уничтожаются, но преобразуются*.

Думаю, что должна быть церковь еврейская, так же как есть церкви русская, греческая, болгарская, сербская, румынская и как должна быть германская и должна снова быть римская, все - одна соборная и вселенская, Православная Церковь. Мы не имеем религиозного права забывать о евреях и прикрывать свое нерадение лицемерными обвинениями. Ибо, если отцы их Христа распинали, так мы не в меньшей степени и теперь Его распинаем. Однако обращение еврейского народа ко Христу может быть лишь его *свободным* обращением, ибо иначе оно не обращение, а принуждение, равно разлагающее и того, кто принуждает, и того, кто сдается на принуждение. Здесь с нашей стороны не может быть ни малейшего насилия, но - *только* любовь, которая «долготерпит, милосердствует.., не превозносится, не гордится.., не ищет своего.., всему верит, на все надеется, все переносит» (I Кор. 13, 4). Так и соперничество преобразуется любовью в твердую и долготерпеливую веру во спасение еврейского народа, без чего и мир не преобразится. Ибо, с религиозной точки зрения, судьбы мира связаны с обращением еврейства ко Христу.

Нельзя, мне кажется, считать исторической случайностью давнюю, даже исконную связь русского народа с еврейским. Она началась с хазар (ср. легенду о крещении св.Владимира), усилилась вместе с расширением русского государства и поставила «еврейский вопрос» во всей его широте. Правда, сожительство русских с

евреями было исключительно для евреев тяжким. *Онтологическое соперничество*, неизбежное и должное, *выродилось в грубый антисемитизм и еврейские погромы*. Но, во всяком случае, антисемитизм не был характерным явлением для русской интеллигенции и для русского, по крайней мере - для великорусского, народа. Его преимущественная территория - юго-запад России, где, правда, сосредоточилась и главная масса евреев. И не следует смешивать с антисемитизмом дурную привычку русского человека позубоскалить над евреем или поругать «жидов». Конечно, есть в отношении русского к еврею оттенок некоторого превосходства, может быть даже пренебрежения; но ведь и какой-нибудь местечковый еврей на своем языке (так называемом жаргоне) говорит об умершем христианине «окодел», ведь хороший религиозный еврей тоже смотрит на христианина несколько свысока, в сознании своего превосходства. Таким образом за взаимностью обид дело может быть прекращено. С обеих сторон все это вполне понятно, естественно и даже неизбежно, ибо православный и еврей - соперники, оба убежденные в единственном значении и превосходстве своей веры и своей культуры.

Выдвигая близость еврейской религиозности к Русскому Православию, я вовсе не хочу смягчать принципиальное их различие и застилать их трагическое столкновение успокоительной идилической картинкой. Религиозный еврей (даже - что тоже маловероятно - если он признает Троичность Бога) не может признать воплощение Бога во Христе Иисусе, как в единичном человеке. Сама мысль об этом представляется еврею кощунственной. Для него недопустима та благодатная, но и страшная близость человека к Богу, которую исповедует Православие как основу знания, жизни и бытия. Бог для еврея трансцендентен, соединен с человеком только «заветом»; и даже имя Божие не может быть произнесено. Еврейская религия провозглашает абсолютное разделение человека и Бога и должна быть определена как «абсолютный дуализм» (конечно, не в смысле двух богов, а в смысле признания как бы одинакового и самостоятельного существования *двоих*: Бога и человека). Но такой дуализм с неодолимой необходимостью должен приводить к отрицанию всякого знания о Боге и даже знания о том, есть ли вообще Бог и не существует ли *только* человек со своими *человеческими* представлениями и догадками о Боге. Неизбежными следствиями этого дуализма должны быть атеизм и религия человечества или самообожение человека, грех Адама. И поистине трагична судьба религиозного еврея, прирожденного Богоборца. Он должен неумолимо разрушать всякие представления о Боге, всякое Богознание, дабы человеческим не осквернить Божьего, дабы не допустить Боговоплощения. Но, чтобы остаться верующим, он должен героическим и предельным напряжением всего своего существа утверждать бытие Божие, т.е. вечно восстанавливать вечно им же самим разрываемую связь с Богом. Говорят о скептическом, все разлагающем духе ассимилирующегося еврейства. Но все это - лишь слабый отблеск внутренней трагедии религиозной еврейской души. Не всегда она была такой, но отвержение Иисуса Христа такой ее сделало, ибо ее состояние и есть само отрицание Богочеловека. И потому не евреям, а нам раскрывается ныне истинный смысл псалмов и библейских пророков.

Конечно, еврейская религия - самый сильный и страшный враг христианства, несравнимый с язычеством, единственный сильный враг. Ибо еврейство потрясает самое веру пламенным порывом самой веры; ибо только оно посвящает на само основание веры - на Христа Богочеловека. Но именно весь ужас религиозной трагедии ев-

рейства и открывает бездны Богочеловеческой любви. Вот почему наша последняя цель и наше драгоценнейшее упование - в обращении еврейского народа ко Христу, в восстановлении православной еврейской церкви как самого и всего еврейского народа. Наш религиозный долг - в том, чтобы направить на осуществление этой цели все наши усилия.

Только православный народ может разрешить проблему еврейства, ибо только в связи с ним может ее разрешить сам еврейский народ. А с точки зрения трезвой, практичной политики самый подход к проблеме в указанном нами смысле оказывается чрезвычайно выгодным и для культуры еврейской и для культуры русской. Ведь рядом с нашим подходом возможны или отрицание религиозного смысла еврейской проблемы, или отказ от всяких попыток ее разрешить, или, наконец, религиозная вражда к еврейскому народу. От религиозно-культурного расцвета еврейства никаких опасностей мы не ждем и сознанию им своего первородства противопоставляем наше православное самосознание.

Религиозно-культурный расцвет еврейского народа прежде всего даст ему силы для национальной концентрации. Это неизбежно приведет к тому, что периферия его перестанет отставать от ядра, как апельсиновая корка, и срастется с ядром, втянется в него, вступит с ним в органическое взаимообщение или - уже в окончательно отъединенной части своей - нацело сольется с окружающей культурой. Прекратится или до крайности замедлится и ослабеет процесс ее образования. И так, сама собою исчезнет та потенциальная опасность, которую представляют для нашей культуры ассимилирующиеся евреи и которая иначе, по самой природе своей, непреодолима, ибо потенциальна и неуловима.

Подозреваем, что недобросовестные критики назовут нашу точку зрения «идеологией черты оседлости» или «идеологией средневекового гетто». Хотя мы думаем, что гетто и черта оседлости сыграли в сохранении религиозно-национальной самобытности еврейского народа роль положительную, ни о чем подобном мы, конечно, ни минуты не думаем. Мы полагаем, что русскому еврейству должна быть обеспечена *полная свобода религиозно-культурного, скажу - даже политического самоопределения, самосохранения и саморазвития среди других народов Евразии, и притом обеспечена самым ясным и точным образом.* И это уже его дело, хочет ли он сохранять или видоизменять формы своего культурного бытия, которые, мне кажется, благодаря ненормальным условиям развития, нуждаются во многих изменениях. Еврейский народ должен стать равноправным членом евразийской федерации. Это отнюдь не требует создания для него особой территории, которой у него нет и к созданию которой он не склонен. Пересаживание евреев на землю столь же не соответствует духу современного еврейства, сколь не соответствует ему, по нашему мнению, современный еврейский сионизм, хотя он нас как русских пока и в предвидимое ближайшее время никак не касается. Проблема сионизма стала бы и русской проблемой лишь в том случае, если бы в Палестине создался живой и органический центр всего рассеянного по миру еврейства. Тогда бы нам нужна была свободная, а не находящаяся под чьим-либо протекторатом Палестина. Еврейский народ един не единством и целостностью своей территории, а своим исключительным религиозно-культурным единством, своим «Законом», и внешне его определяющим.

Но тут нас ожидает другое возражение. Подобное решение вопроса, скажут нам, угрожает притоком еврейства из других культур и стран в Россию и созданием в России новой Палестины. И как можно говорить о включении русского еврейства в

сферу Евразии, раз оно - только часть рассеянного по миру единого еврейского народа? Ответим. Приток еврейства в Россию страшен лишь тем, кто считает еврейский народ уповательно подлежащим истреблению врагом рода человеческого и кто не знаком с историей и не знает ничего о положительной культурной роли, которую еврейский народ уже сыграл в экономическом, социальном и духовном развитии мира. С другой же стороны, я сомневаюсь в том, что наше решение еврейского вопроса действительно поведет к усиленному притоку евреев в Россию.

Еврейский народ - единое и органическое целое. Но всякое органическое целое не однородно, а расчленено на соборно объединяющиеся частные целые. Так членится и еврейский народ, однако - и в этом его своеобразии и его смысл в истории человечества - сообразно внутреннему сродству между частными его организмами и соответствующими культурами. Есть еврейство, природно родственное миру романской культуры, и есть еврейство, так же родственное миру культуры германской или миру культуры евразийско-русской. Таким образом и получается, что русское еврейство, будучи индивидуацией еврейства, является также индивидуацией культуры евразийской. Эмпирически здесь установимо лишь некоторое «соответствие», некоторая двуприродность русского еврейства. Теоретически это может быть объяснено двояко: или русское еврейство есть еврейство, перерождающееся в народ евразийской культуры, или оно является индивидуацией в *еврействе* той религиозно-культурной общечеловеческой потенции, которая в христианской культуре индивидуируется как единство евразийских народов. Я склоняюсь ко второму объяснению, ярче выражающему значение и религиозный смысл еврейства в общечеловеческом развитии и распространяемому мной, конечно, и на другие индивидуации еврейской культуры. Оно, кроме того, позволяет резко подчеркнуть связь русских евреев со всем еврейским народом, т.е. охранить от всяких теоретических и практических посягательств само существо еврейской религиозной идеи. Практические затруднения, разумеется, будут, но не большие, а меньшие, чем при господствующих пониманиях еврейской проблемы; и лишь мономанам, поддельвающим «протоколы сионских мудрецов» или верующим в их существование, эти затруднения покажутся непреодолимыми.

Развиваемая нами точка зрения встретит, конечно, упреки в утопизме. Но мы уже давно привыкли к нападкам и непониманию со стороны наивных и даже научно отсталых идеологов единой общечеловеческой культуры и секуляризации. В том мы и видим свою заслугу, что решаем еврейский вопрос по существу и на почве религиозной. Что же касается обвинений в утопизме, так мы ответим на это вопросами. Ведет ли наш «утопизм» к каким-нибудь абстрактным или конкретно неосуществимым мерам? Не оказывается ли он, наоборот, очень реальным и практичным в своих выводах? Исходя из истин Православия, мы нигде не искажаем действительности и не подчиняем ее никаким отвлеченным схемам. Нелегко, конечно, на деле преодолеть накопленные веками недоразумения и предрассудки. Но можно и должно настойчиво стремиться к их преодолению. Наш путь верен. Его интуитивно наметил и показал его конкретное значение Лесков в своем замечательном рассказе о митрополите Филарете (Владычный суд). Еврей, чтобы освободить своего единственного сына от рекрутчины, нанял на последние деньги заместителя ему, другого еврея. А тот, забрав плату, заявил о своем намерении креститься, чем аннулировал весь договор. По закону помочь старику-еврею было невозможно. Но владыка Филарет решил дело быстро и просто, признав обманщика «недостойным св.крещения». И что же? Через некоторое время крестился сам старик-еврей.

Аарон ШТЕЙНБЕРГ

ОТВЕТ Л.П.КАРСАВИНУ*

Дорогой Лев Платонович,

...Вопрос об отношении России к еврейству Вы ставите - и в этом, думается, самая большая заслуга Вашей статьи - как вопрос религиозный, я бы сказал, как вопрос веротерпимости. Мне как еврею такая постановка вопроса кажется не только наиболее плодотворной, но и наиболее естественной. Так называемая «национальная нетерпимость» по отношению к евреям и по моему глубокому убеждению в последнем счете есть лишь измельчавшая, выродившаяся, загнанная внутрь форма нетерпимости религиозной; вот почему и преодоление ее возможно лишь на почве напряженно действенной терпимости к иной, чужой вере при полном осознании ее иноприродности и ее неистребимой самобытности. Такой чуждой по существу своему верой является для Вас вера еврейского народа, и именно поэтому Вы стараетесь как русский и христианин найти на путях любовного всепонимания наилучший, религиозно-оправданный способ устройства евреев в России. Посильное содействие еврейской самобытности для чаемого соединения с Израилем в лоне православной и вселенской церковью - вот то последнее и завершающее решение, которое подсказывает Вам все Ваши решения, частичные и даже злободневные.

Об этих частичных и на злобы дня откликающихся решениях разрешите мне сказать после. Отмечу сейчас лишь то, что и в них я усматриваю все то же Ваше основное стремление руководиться всецело началом веротерпимости. Чем иным объяснить последовательно проводимое Вами разграничение между ядром и шелухой - *sit venia verbo* - Израиля? Разделяющий меч или, как говорили еще недавно, хирургический нож анализа есть в Ваших руках лишь средство спасти, обезопасить ядро, хотя бы и ценой отказа от «корки». (Так и в отношениях частных мы иногда резко осуждаем отдельные поступки, чтобы с тем большей силой утвердить неразрывное существо человека). Однако в том, как Вы оперируете логическим орудием дистинкции, сказывается, думается мне, некий недочет в самом определении конечной цели русско-еврейских отношений, некая схематичность Вашего изначального синтеза. Начну поэтому с того, чем Вы кончаете.

Правильно ли поступил тот священнослужитель, который в рассказе Лескова окрестил старика-еврея? Думаю, что нет. Старик, попытавшийся сохранить своему сыну свободу путем покупки свободы другого человека, был, мне кажется, еще менее «достоин» крещения, нежели зло подшутивший над его отцовскими чувствами обманщик. Да и ко Христу ли он обратился? Вернее, что всего лишь - к христианам. Вы, впрочем, и сами против таких партикулярных решений еврейского вопроса и,

---

* Печатается с сокращениями по тексту: «Версты», № 3, 1928 г., Париж.

во всяком случае, против того, чтобы обращаясь ко Христу евреи отворачивались от еврейства. Да и как бы иначе? Ведь, следуя апостолу Павлу, и Вы всецело уповаете на неминуемое спасение «всего» Израиля; это упование есть движущая сила всей Вашей деятельной, практической веротерпимости: в этой точке для Вас смыкается весь круг связанных с еврейством исторических и эсхатологических вопросов. Но именно этот пункт и является, как Вы знаете, основным пунктом нашего с Вами расхождения. Как мог бы я говорить о частных, не сказав ничего о главном?

Скажу прямо: я не только не верю в обращение Израиля, но считаю, что и верующий в это обращение христианин обнаруживает тем самым лишь некоторую неполноту собственной веры в Бога. Простите, Лев Платонович, что выражаю мою мысль столь резко. Но я действительно не могу иначе помыслить обращение Израиля ко Христу как отпадение от Отца, как измену Ему - как же может христианин пожелать такой измены, такого вероломства? Слышали ли Вы когда-нибудь, чтобы не поколебавшийся и непоколебимый в своей вере еврей перешел в христианство? (Я говорю о «нашем» времени, т.е. о том, которое и с христианской точки зрения лежит «между» пришествиями). Для того, чтобы обратиться ко Христу, еврей, следовательно, должен прежде всего потерять веру в Бога; для того, чтобы весь Израиль спасся, весь Израиль должен погибнуть. Остается, как будто, еще одна только последняя возможность: «Христос», к которому обратится Израиль, будет еврейством узан как тот чаемый им от века «Помазанник», чье имя по-еврейски Мессия. Но разве в те времена второго для Вас, единственного для нас Пришествия еще будет место для разных вер, для многих церквей, для «еврейского вопроса»? Поистине: «Не будут больше поучать друг друга: познайте Господа, ибо все будут знать Меня, от мала до велика», говорит Господь, «ибо прощу им грех их и прегрешений их не буду помянуть больше» (Иер. 31, 33).

Как же быть христианину, осознавшему, что для евреев путь к купели ведет неизбежно через смертный грех, как быть ему, если он в то же время одушевлен «многоотерпящей» любовью к Израилю и стремлением во что бы то ни стало ужиться и устроиться с ним здесь и сейчас, и при том непременно на почве религии? Такой христианин с внутренней необходимостью придет к утверждению, что сама еврейская религия повинна в парадоксальности его положения, что в ней самой кроется порок противоречивости: напряженнейшее стремление к истинному Богу живых и вместе с тем - абсолютное отрицание. Это тот взгляд на сущность еврейства, который Вы, Лев Платонович, защищаете, взгляд, который я считаю совершенно ошибочным.

Диалектику христианской и Вашей личной веротерпимости по отношению к еврейству Вы превращаете во внутреннюю диалектику еврейского Богооткровения. Я понимаю всю трудность Вашего положения и должен ли я повторять, что глубоко чту каждый из мотивов, приводящих Вас в это положение? Но факт остается: еврею легче относиться любовно к христианину, чем христианину к еврею. (Откуда не следует, что это всегда так бывает). Еврейство знает за христианством только эмпирические грехи и заблуждения. Христиане же вынуждены народ, обрученный Богу и одержимый Богом, винить в Богоубийстве и Богоотступничестве. Уже одно отрицание Богочеловечества, думаете Вы, неизбежно влечет за собой «дуализм», т.е. извержение Бога из мира, разрыв между человеком и его Творцом; для еврей-

ства - говорите Вы - «недопусти... : благодатная, но страшная близость человека к Богу, которую исповедует Православие как основу знания, жизни и бытия», и вслед за бесконечной цепью римско-католических миссионеров Вы прибавляете, что «для еврейской души стали непонятными ее же Псалмы и ее же Пророки»... Нет, Лев Платонович, простите, тут Вы на ложном пути. Ваша «любовь к врагу» заходит слишком далеко: Вы покусаетесь отобрать у еврейства заодно Бога и Библию. Второе так же невозможно, как и первое. В главе о лжепророках Израиля Иеремия говорит: «Разве Я Бог лишь вблизи, говорит Господь, а вдали не Бог? Разве может человек укрыться так, чтобы Я его не увидел, говорит Господь: ведь небо и земля преисполнены Мною, говорит Господь» (Иер. 23, 23-24). Объясните же нам, Лев Платонович, если и впрямь наши Пророки нам уже непонятны больше, о какой тут близости идет речь и о какой полноте? Мы, евреи, всегда думали: о благодатной и о страшной, о той, которая есть «основа знания, жизни и бытия». Нет, дорогой Лев Платонович, мы не атеисты, не безбожники, и Библию многие наши школьники и теперь еще знают наизусть и свято берегут в своем сердце. Если христианство может мириться с еврейством только на основе таких экспроприаций, давайте лучше по старинке...

Только этими внутренними трудностями, присущими самой проблеме христианской веротерпимости по отношению к еврейству, я могу объяснить то обстоятельство, что при Вашем, с моей точки зрения несомненно предвзятом и недостаточно обоснованном взгляде на еврейство как на религию, Вы можете так высоко ценить еврейство как культуру. Ведь культура еврейская сплошь религиозна и, значит, целиком проникнута тем «пламенным порывом своей веры», тем «дуализмом», который по Вашим словам делает ее «самым сильным и страшным врагом христианства». И тем не менее Вы хотите сохранить еврейский народ и, следовательно, его культуру как особую «православную еврейскую церковь»? Это мне непонятно. А с другой стороны, чем могла бы отличаться эта еврейская церковь в России от русской православной церкви, если бы все русские евреи стали православными? Не языком ли богослужения? Очевидно тем, что православный русский еврей все же остался бы тем исконным и неизменным в культуре своей евреем, тем «богоборцем», каким сделал его избравший и отметивший его ветхий деньми Бог. Так Ваша вера приводит Вас, насколько мне кажется, сразу к двум исключаящим одна другую возможностям. Или Вы будете оспаривать, что еврейская культура и еврейская религия - тождество? Это Вам было бы тем труднее, что Вы и в отпавших от «ядра» евреях видите проявление, хотя и в искаженном виде, все той же религиозной стихии еврейства. Но на этом пункте я хотел бы остановиться подробнее.

Я уже вскользь упомянул, что в Вашем анализе мне видна изнанка Вашего синтеза. Теперь я могу пояснить, что я хотел этим выразить. Истинная веротерпимость, как и терпимость вообще, думается мне, покоится на абсолютном утверждении и приятии бытия инородной для меня субстанции, а потому и ее акциденций, поскольку в них действительно само субстанциальное ядро. Вашим приятием ядра еврейской культуры и сердцевины еврейского народа Вы сами даете прекрасный пример такой всеобъемлющей и, я бы сказал, чисто русской свободы мироощущения; но Ваше отвержение еврейской религии заставляет Вас, как бы задним числом, уничтожить все положительные результаты предшествующего анализа: само ядро оказывается вредоносным, и вдруг уясняется, почему и скорлупа еврейского народа

для Вас тем более отбросы, чем больше в ней проступает ее былая сращенность с ядром. Так, ядро должно неизбежно последовать туда же, куда выбрасывается шелуха. Другими словами, во всем Вашем отношении к еврейству - некая неустраняемая двойственность, проистекающая, насколько я могу догадываться, из Вашего убеждения в неустраняемости антииудаистического настроения в христианстве. Иначе Вы бы и в «периферии» еврейства не могли видеть насквозь отрицательное явление современной культуры. По отношению к отдельным «ассимилированным» евреям Вы, правда, готовы идти на уступки, но Вы беспощадны к еврейской ассимиляции в целом. Если бы Вы были верующим и национально настроенным евреем, а не православным, это было бы гораздо понятнее. Каждый из нас мог бы, кажется, составить обстоятельнейший обвинительный акт против наших отщепенцев, тем более, что и сами обвинители, по всей вероятности, попали бы при этом на скамью подсудимых. Но я бы, например, не мог не отметить попутно и целого ряда отчасти уравнивающих вину обстоятельств. Все, в чем я узнал бы действие подлинно религиозного духа еврейства, я счел бы нужным привести в защиту тех, которые этот дух на словах отвергают, а делами свидетельствуют. Вы же поступаете как раз наоборот. Европеизированное еврейство, чтобы остановиться лишь на одной подробности, явно причастно к развитию современного рабочего движения: говорит ли это против него? Думаю, наоборот: не против, а в его пользу, потому что мечта о справедливом устроении общественной жизни есть исконная идея еврейской культуры, и если отпавший от еврейского ядра еврей действительно всецело одушевлен идеей служения трудовому народу, он не так уже плох, а иногда даже и очень хорош. Вообще, еврейская ассимиляция и ее отношение к твердому, неразлагающемуся ядру еврейства плохо укладывается в аналогию: ядро - скорлупа. Я бы предпочел говорить в этой связи о радиоактивной субстанции еврейства, об излучаемой им энергии, о его вечном разложении, как неотъемлемой стороне его неразложимой сущности. Еврейская ассимиляция так же стара, как и национально организованное бытие еврейства. Разрешите Вам напомнить, что апостол Павел для нас, причисляющих себя как-никак к ядру, есть типичный представитель ассимилированного еврейства. Мы привыкли думать, что все крупные явления еврейской истории не могут быть окончательно лишены смысла; значит и ассимиляция для чего-то нужна. В этом же плане, плане вселенской судьбы, рисуется нам и тот изгиб нашего исторического пути, который привел нас в Россию.

Я сравнительно долго говорил о моих неизбежных с Вами разногласиях, Лев Платонович; позвольте же мне теперь, хотя бы вкратце, высказаться и по тем пунктам, в которых я с Вами совершенно согласен.

Да, русское еврейство представляет собой некое органическое единство, хотя и принадлежит одновременно к двум разным объемлющим его целым: к всенародной общине израильской и к России. У русских евреев есть задачи по отношению к всемирному еврейству и есть задачи по отношению к России. Исторические судьбы складываются, однако, насколько нам доступно судить об этом, так благоприятно, что двойственность наших задач не породит для нас, русских евреев, никаких внутренних конфликтов, потому что, служа России, мы сумеем служить тем самым и нашему еврейскому призванию. Наше призвание указано нам нашими Пророками, и путь, указанный России ее провидцами и вождями, ведет в том же направлении. Россия держит курс на немеркнущий свет с Востока: нам по пути.

Не будем спорить о том, русские ли русские евреи или евреи. Я думаю, Лев Платонович, что тот еврей, который возражал против того, чтобы его называли русским, возражал не «по деликатности» вовсе, но и не «по национальной гордости», а исключительно потому, что желал быть правдивым. *Мы в России и среди русских, конечно же, не русские, но вне России и даже среди заграничных евреев мы ощущаем, как много в нас русского, насколько свободны мы от всяких общественных предрассудков, от прикованности к материальным благам мира сего, насколько ближе к истинным источникам религиозной жизни, к последним глубинам человеческого сердца, и благодарны за все это судьбе, приведшей нас в Россию и давшей нам возможность узнать и полюбить русский народ.* Ведь мы, поистине, единственные азиаты в Европе, но наши европейские братья боятся признаться в этом своим заносчивым полуостровитянам, а между тем, как легко нам быть самими собой в России!

Отсюда вовсе не следует, что нам в России вообще легко. Я не говорю о нынешнем тяжелом миге и даже не о прошлых веках: я говорю о будущем. Надо, чтобы русские, те, о которых нет сомнения, русские ли они или не русские, прониклись сознанием, что еврейство не «враг», а союзник. Это для очень многих трудно, весьма трудно. Вы, Лев Платонович, знаете это не хуже меня. Недаром Вы в Вашей статье обращаетесь как бы в полоборота к тем, для которых мы в организме России заноза. Вот почему я и позволяю себе смотреть на Вашу статью, как на первый шаг по долгому и тернистому пути.

Искренно преданный Вам

Берлин, 1927

Шимон МАРКИШ (Женева)

УЙТИ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ, ИЛИ УХОДЯ УХОДИ?

*Еврей без Бога как-то немислим;
еврея без Бога и представить нельзя*

Ф.М.Достоевский,
«Дневник писателя за 1877»,
март, Глава вторая, I.

1.

Давний диалог Льва Карсавина и Аарона Штейнберга в «Верстах» представляется мне самым значительным из всего, что когда-либо было сказано о русско-еврейских отношениях - по глубине и серьезности мысли, по откровенности ее и бесстрашию. Не стану комментировать его, полагаю, что ни самые тексты, ни сегодняшний их читатель в этом не имеют нужды, отмечу только два важных, на мой взгляд, попутных соображения.

Во-первых, принципиальная, сущностная несовместимость иудаизма, т.е. еврейского религиозного сознания и чувствования, и христианства. При всей терпимости Карсавина, при всем восхищении Штейнберга этой терпимостью, очевидно, что еврей-христианин - нонсенс, химера, что здесь невозможно иначе, как по-евангельскому: «Да будет слово ваше: «да,да», «нет,нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Мтф, 5:37). А стало быть, возможности модного ныне христианско-еврейского диалога как попытки примирения и гармоничного, любовного даже сосуществования двух религий беспощадно ограничены, чтобы не сказать резко. Недавно я говорил об этом публично и услышал в ответ: верующие легче поймут друг друга, чем неверующие. Мне же видится, что, напротив, глубоко верующие, как веровали - каждый в свое - Карсавин и Штейнберг, должны болезненно и напряженно чувствовать непримиримость своих вер, и гармония, если и возможна (а я, по собственному жизненному опыту, скорее оптимист), то на ином фундаменте.

И во-вторых, в противоположность убеждению обоих собеседников и широко известным словам Достоевского, вынесенным мною в эпиграф, принадлежность к еврейскому народу определяется сегодня большинством из нас самих, евреев, не через религию, не через исполнение (или неисполнение) заповедей-мицвот. Не стану обращаться к статистике: каждый из нас, где бы мы ни жили, в Израиле, во Франции или в Соединенных Штатах, не говоря уже о России, знает прекрасно: наше еврейство - не религия, органически, т.е. бездумно унаследованная от отцов и дедов, но сознательный выбор еврейской судьбы, воплотившейся в еврейской цивилизации. Цивилизация шире культуры, но про нее, как и про еврейскую культуру, можно сказать, что она «сплошь религиозна» (Штейнберг), однако же - лишь по

истокам своим, по глубинам, зачастую, а пожалуй, и по преимуществу, уже не ощущаемым живо и непосредственно на поверхности жизни. Но тогда, опять-таки, можно и должно сказать, что еврейская цивилизация сплошь религиозна в той же мере и в том же смысле, что христианская. В прилагательном «религиозно-культурный», столь часто повторяемом обоими участниками диалога, составляющие его части должны сегодня поменяться местами.

Но в таком случае почему основная, хребтовая, позвоночная проблема диалога - «спасение Израиля» крещальной водой или неизменная приверженность его 613-ти заповедям - так волнует меня, агностика? Казалось бы, не все ли мне равно, во что (или в кого) верует Рабинович, если сам я, увы, дара веры лишен начисто? Да к тому же мой русско-еврейский брат Рабинович не vykрестился - не из чего ему было vykрещиваться, он от полного безверия, а всего чаще и бездуховности, пришел к вере (или, по крайней мере, так ему кажется), к жизни духа и в духе; так чего же мне огорчаться? И еще к тому же: случалось, и не раз, слышать, что российский еврей, выдирающийся благодаря крещению из духовной пустыни, в которой плутает весь бывший советский народ, впервые узнает нечто о своем происхождении, о Библии и пророках, о величии и миссии Израиля и т.п. Разве это хуже мрака невежества и одичания? Доводы, вроде бы, все верные, но душа (или, скажем, чувства) агностика их не принимает. Выкрест! - кричит душа, - мешумад! изменник! дезертир! И прежде всего, в тех случаях, когда обращаются в православие не на «доисторической родине», в России, а уехав оттуда «по еврейской визе», реже - в Израиль, чаще - в США или в Германию, или во Францию. Разум толково и убедительно разъясняет: да это в них ностальгия работает, евреи поневоле, по пятому пункту дома, они стали пламенными русскими на чужбине (ср. в ответе Штейнберга, в конце), русский православный священник ведет их в первую голову не ко Христу, а домой, в Россию, к единственному легко доступному ощущению «принадлежности», без которого невыносимо тяжело многим, а эмигранту в особенности. Разум толкует свое, а душа кричит свое: изменники! мешумады! обманщики! Впрочем, к чему лукавить? Собирательный, анонимный Рабинович, спасающий собственную душу, - одно; конкретный неофит, неутомимо пекущийся о спасении чужих душ, одержимый апостольским рвением и пылом, - совсем иное. И уж он-то совсем не анонимен, напротив, как правило, он жаждет известности; и это по его речам и писаниям составляет представление об анонимном, скорее всего - неточное или даже впрямую искаженное. Этих «активистов» я считаю реальной угрозой, реальным врагом. Что они «уводят заблудших овец», «соблазняют малых сих» и «нищих духом» - это бы еще полбеда, главная беда в том, что, вроде бы уходя, они остаются: вмешиваются в наши дела и даже вещают от нашего имени, хотя слишком часто доходят в своих «братских увещаниях» до прямого антисемитизма. В нынешних обстоятельствах это они суть «разлагающаяся периферия», вредоносная «шелуха» еврейства, угрожающая его «ядру», если воспользоваться терминами из диалога Карсавин-Штейнберг.

Вот почему я смею предложить читателю вариант статьи «об уходящих», напечатанной примерно два года назад в Риге. Смею также надеяться, что она, пусть и в самой скромной степени, дополняет сегодня диалог шестидесятипятилетней давности.

2.

Венгерский поэт Миклош Радноти был одним из гигантов поэзии XX века и одной из самых трагических в ней фигур. Он погиб осенью 1944, сорока четырех лет от роду, в так называемых «рабочих батальонах», которыми заменялась воинская повинность для евреев и ненадежных элементов и которые часто становились передвижными лагерями смерти.

Много лет спустя, в конце 70-х, появились мемуары друга Радноти, поэта Иштвана Ваша, где, среди прочего, шла речь об отношении Радноти к своему происхождению: «Если я пытаюсь вспомнить, на какие общие ... темы мы говорили, я вспоминаю только одно - еврейский вопрос. Моя точка зрения, в самых общих чертах, была такова, что если ты родился евреем, у тебя есть две возможности: либо ты говоришь «я еврей», либо «я не хочу быть евреем» (сам я выбрал вторую возможность), но сказать «я не еврей» абсолютно невозможно. А Миклош как раз это и говорил: пусть Гитлер делает, что ему угодно, пусть весь мир перевернется вверх ногами - я все равно не еврей. Миклош был прав - во всяком случае, в том, что касалось его лично: свою правоту он доказал смертью мученика. Хотя и верно, что его убили как еврея, но умер он не евреем: его последние стихи написаны и не евреем, и не бывшим евреем, который хочет освободиться от своего еврейства... Он был единственным среди моих друзей, кому я сообщил о своем крещении... Он принял это известие равнодушно и без всяких подозрений. Он считал это естественным: раз я говорю, что не хочу быть евреем, значит, мне нужно это подтвердить. А я находил естественным его равнодушие: раз он стоит на этой нелепой точке зрения, что он не еврей, зачем ему переходить в католичество? И у меня тоже не было никаких подозрений».

Рассказ Иштвана Ваша поразил меня, и я не раз приводил его как пример исключительного душевного здоровья: здоровый, уверенный в себе и в своем неоспоримом праве выбирать свободно, уходит спокойно, без скандала, не хлопая дверьми. Случай Радноти - предельный; в предельности своей, в полной нечувствительности к внешним обстоятельствам и пренебрежении ими, он граничит с патологией. На противоположной границе стоит предельная неуверенность в себе, ненасытно требующая все новых подтверждений и нередко доходящая до истерического антисемитизма. Или - в новейшие времена - до безумного ожесточения против Израиля и сионизма.

Еще десятилетие спустя вышел «Дневник» самого Радноти. В записи, помеченной 17 мая 1942, приводится ответ поэта на письмо, в котором приятель, литератор и тоже еврей родом (но еврей «сознательный»), требовал, чтобы Радноти высказался «на еврейскую тему» откровенно и до конца.

И Радноти высказался.

«От своего еврейства я никогда не отрекался, я и поныне принадлежу к еврейской религии» (ниже объясню, почему), но я не чувствую себя евреем, еврейского религиозного воспитания не получил, эта религия мне не нужна; расу, кровь и почву, вибрирующую в нервах древнюю печаль считаю чепухой, а не факторами, определяющими мой «интеллектуальный и духовный склад» и мой «поэтический мир». И что касается общества, я знаю только евреев поневоле, «из-под палки». Та-

ков мой личный опыт. Может быть, на самом деле оно и не так, но так я ощущаю, и жить во лжи я не мог бы. Мое еврейство - это «житейская трудность», потому что в еврея меня превратили обстоятельства, законы, мир. Трудность, навязанная извне. В остальном же я венгерский поэт, ... и мне все равно, какого мнения об этом смеющиеся друг друга премьер-министры. Они могут отвергать меня или принимать - моя «нация» на моей книжной полке не вопит: «Вон отсюда, пархатый жид!», родные края и пейзажи распахнуты передо мною, куст не вцепляется своими колючками в меня больше, чем в другого, дерево не приподымается на цыпочки, чтобы мне было не дотянуться до его плода. Если бы мне пришлось испытать что-нибудь подобное, я бы убил себя, потому что жить по-иному, чем я живу, я не могу, ни верить по-иному, ни думать. Так ощущаю я и сегодня, в 1942, после трех месяцев в рабочих батальонах и двух недель в штрафном лагере, ... вытесненный из литературы, где суетятся торгаши, не стоящие моего мизинца, (...) и я прекрасно знаю, что ждет меня в ближайшие дни, месяцы и годы. А если меня убьют? И это не изменит ничего в моем ощущении...

Я не чувствую себя евреем. Почему же, тем не менее, я остаюсь евреем по вероисповеданию? С еврейской религией у меня ничего общего нет, в формирующую дух силу расы и т.п. я, если и верю, то чуть-чуть, а скорее вообще не верю. Трудно объяснить и станет еще труднее, когда я добавлю: если есть у меня вообще какая-то связь с религией, то - с католицизмом. [Радноти рассказывает, как в студенческие годы его чуть было не выгнали из университета за кощунство: он сравнил себя в одном стихотворении с Христом; при этом отягчающим вину обстоятельством послужила его принадлежность к «другой вере» - Ш.М.] Тогда я решил принять христианство, чтобы не жить под этикеткой «другой веры», потому что для меня это не «другая» вера, поэзия Нового Завета в такой же мере моя, как и Ветхого, и в Иисуса я «верю», не могу подобрать лучшего слова... Но потом быть евреем становилось все тяжелее, «перемена религии» могла бы принести мне какие-то преимущества; я все больше любил своего опекуна, а для него это было бы очень жестоким ударом, и т.д. Словом, остался я евреем и по вероисповеданию. Но для моей поэзии это не имеет ровно никакого значения.»

Через год, в апреле 1943, Радноти обратился к своему бывшему учителю по университету в Сегеде с просьбой быть его крестным отцом. «...С восемнадцати лет я чувствую и сознаю себя католиком... Сегодня уже никто не может подумать, будто крещение - это какая-то темная комбинация или попытка к бегству: ведь никаких ощутимых выгод оно не дает...», - писал он. (И правда, не давало: с вновь окрещенными власти обходились точно так же, как с правовернейшими хасидами; год спустя, с началом депортаций, и тех и других наравне отправляли в Освенцим). 2 мая 1943, за полтора года до смерти, Миклош Радноти стал христианином. Его крестил Шандор Шик, самый знаменитый в свое время католический поэт Венгрии, монах-пиарист и - сам выкрест.

3.

Пример Радноти наводит на размышления в различных аспектах, как исторических, так и вполне злободневных.

Вместе с немецким еврейством евреи Венгрии были первыми, вступившими на путь Просвещения (Хаскала), а затем - гражданской и политической эмансипации.

К началу нынешнего века они ушли по этому пути очень далеко - почти достигли цели, которую было превращение в венгров Моисеева Закона, не отличающихся от «коренного населения» ничем, кроме религии. Теперь-то мы знаем, что Хаскала оказалась палкою о двух концах, что ассимиляция, которой она потребовала от евреев, означала по сути дела аннигиляцию и что «коренное население» отнюдь не было готово к «слиянию» даже и на таких условиях. Но поколение Радноти этого знать не могло, по крайней мере - в детстве и юности. Оно выросло и складывалось духовно в полном отчуждении от еврейства и в твердом сознании своей безраздельной причастности ко всему венгерскому. В том числе - и к христианству в его венгерском национальном варианте, т.е. преимущественно к католицизму. Речь идет, понятно, не о поколении в целом, но о горожанах (интеллигенции, в первую очередь, крупной и средней буржуазии), да и то не обо всех поголовно. За всем тем ассимилировавшихся, совершенно овенгерившихся было достаточно много, чтобы Радноти и подобные ему не чувствовали себя одиночками, исключениями. До 1920 общественная атмосфера этому в целом благоприятствовала, да и перемена ее мало что изменила в самоощущении уходивших и ушедших. Как ни странно, но даже Шоа (Катастрофа) переломным моментом не стала. Венгрия потеряла примерно половину своего еврейского населения, в основном это были евреи из сельских местностей и небольших поселений в провинции, то есть ассимилированные в наименьшей мере. Из уцелевших тоже примерно половина эмигрировала в первые послевоенные годы; немалая доля их бежала не только и не столько от невыносимых воспоминаний, сколько в надежде и решимости найти национальное существование в Палестине (Израиле). Иными словами, национально ориентированная часть венгерского еврейства исчезла - была истреблена или покинула страну. Оставшиеся считали себя венграми на все 100% - примерно как Радноти, хотя и не с теми же мотивировками, не с теми же составными частями своей национально-культурной принадлежности. В начале 70-х я познакомился в Будапеште с поэтом Бела Вихар (вклад его в венгерскую поэзию более чем скромен, но не об этом здесь речь). Он говорил приблизительно следующее: до войны я был то венгерским поэтом, то еврейским, пишущим по-венгерски; после войны я сделал свой выбор окончательно и не раскаиваюсь в нем, тем более что и законы народной республики запрещают даже осведомляться о религии или расе любого гражданина... Снова могло казаться, что цели ассимиляции/аннигиляции почти достигнуты, и это было не только мое впечатление - поверхностное и скоропалительное впечатление чужака. От Шандора Шайбера, раввина и профессора, руководителя Будапештской раввинской семинарии, крупнейшего в 60 - 70-е годы еврейского ученого во всей Центральной и Восточной Европе, я слышал: вы, российские евреи, оторваны от иудаизма насильственно, но это насилие - государственный и народный антисемитизм - не даст вам исчезнуть, а мы обречены, через 20-30 лет евреев в Венгрии не останется.

Тридцати лет с тех пор еще не прошло, но без малого двадцать миновало, и сегодня представляется несомненным, что профессор Шайбер ошибался. Еврейская жизнь в Венгрии переживает подлинный Ренессанс, и что особенно важно - обновление идет не по одобренным свыше каналам, через общину, которую государство всегда признавало, а последнее десятилетие умело использовало в своих целях, и не только экономических, но и политических; обновление идет спонтанно, «снизу», через индивидуальные усилия «опомнившихся», для которых еврейство - не рели-

гия, или не только религия, но, в первую очередь, этнос и цивилизация. Конечно, и Вихар и Шайбер преувеличивали степень «слияния» венгров и «тоже венгров», антисемитизм, если не государственный, то массовый, нутряной, благополучно продолжал свое дело, и повсюду, и в жилом квартале, и на работе, прекрасно знали и помнили, кто есть кто. И не только помнили, но, случалось, и напоминали. Однако не антисемитизм, который в последние годы, с переменой режима, начал из подполья вырываться наружу, в виде страшноватых демонстраций на футбольных матчах, к примеру, был решающим толчком к еврейскому возрождению. Ведь инициаторы и носители последнего - не завсегдатаи стадионов, а интеллектуальная элита, которая могла, а может быть и должна была бы чувствовать как Радноти; тем более, что, в отличие от Радноти, она, действительно, не знала утеснений по расовым мотивам. Но тогда - что же?

4.

Как-то в Бостоне мы рассуждали на сакраментальную тему - почему после пятидесятилетнего перерыва власти вдруг разрешили эмиграцию? Одним из собеседников был профессор Гарвардского университета, математик, бывший москвич, вышедший из семьи не просто равнодушной к религии, но прямо атеистической, но еще в Москве сделавшийся ортодоксальнейшим евреем. Он внимательно слушал разные доводы, экономические, политические, социальные и прочие, а потом сказал: все это глупости, в лучшем случае, мелочи; на самом деле все очень просто - это чудо. И он указал пальцем на потолок... Что ж, в конечном счете, можно прибегнуть и к такому объяснению, но хочу предложить, по крайней мере, еще два, менее мистических.

Бруно Беттельхейму, великому психиатру нашего века, принадлежат знаменитые слова: после Шоа еврей не может отказаться от своего еврейства - такой отказ был бы глубочайшей безнравственностью, вызовом Богу и людям. Но тема Шоа была затабуирована в сталинском, да и послесталинском универсуме, не исключая «народно-демократической» Венгрии. Впрочем, и на Западе она долгие годы звучала скорее приглушенно: желание забыть, «вытеснить» муку или вину, хотя и губительно для психики, но вполне естественно. Лишь лет десять назад она стала возвращаться в сознание народов - властно и требовательно. Не осталась в стороне, в зоне молчания и забвения, и Венгрия.

Второе объяснение - универсальные поиски корней, истоков, начавшиеся в западном мире тоже лет десять-пятнадцать назад и захватившие десятки этнических групп в Европе и Америке, от негров в Соединенных Штатах до савояров во Франции. И опять-таки Венгрия оказалась вовлеченной в общеевропейское движение. Вспомнили о своих, особых истоках, о своей почти забытой цивилизации и евреи.

Но каковы бы ни были причины и обстоятельства, приведшие к сегодняшнему положению, само оно вполне однозначно: значительная часть, а может быть и большинство «обреченного» венгерского еврейства вернулось к национальному самосознанию. Именно к национальному, а не к религиозному, и уж во всяком случае, не просто к религиозному.

Мой венгерский друг рассказал: только что, к концу 1991-го, его единственному сыну исполнилось тринадцать, и у мальчика была бар-мицва, по всем правилам, с

серьезной и долгой подготовкой, с чтением и пением, со слезами стариков, уверявших, что в их синагоге после катастрофы такой красоты и благообразия еще не бывало. Вроде бы банально, но суть дела в том, что мой друг, человек уже пожилой, потерявший обоих родителей в Освенциме и выживший чудом, - закоренелый агностик, никогда никаких связей с общиной не поддерживавший и мальчику своему никакого еврейского воспитания, ни религиозного, ни национально-культурного, до одиннадцатилетнего возраста не дававший. Но он считал необходимым дать ребенку сознание «принадлежности», которого его собственное «венгерство» ему самому так в полной мере и не дало, или хотя бы открыть мальчику возможность выбора в будущем. И он все объяснил сыну - в меру способности ребенка понять парадоксальность ситуации, в которой, как мне видится, с поразительной отчетливостью отразилась наша общая судьба сегодня, и я сам чуть было не прослезился, слушая, как сын неверующего стал по настоянию отца ходить в талмуд-тору, учить иврит и молитвы, как продолжает ходить и сейчас, на курс «после бар-мицвы», уже не из сыновнего послушания, а по собственной заинтересованности, хотя, по-видимому, религиозное чувство в нем так и не пробудилось. Примерно такую же растроганность я испытал, когда впервые увидел маленьких израильтян в киббуцном детском саду...

5.

Усилия маскилим (просветителей), стремившихся превратить евреев в «венгров Моисеева Закона» и, казалось, столь успешные уже в конце прошлого века, усилия так называемой «народной власти», в известном смысле продолжившей усилия маскилим, поскольку законом было установлено, что еврейство - не народ, а религия, религия же - сугубо личное дело каждого, - все эти двухсотлетние усилия не принесли тех плодов, которые от них ожидалось. Мы по-прежнему отвечаем определению Валаама (Бил'ама) в стихе 9 главы 23 Четвертой книги Пятикнижия: «народ, живущий особо и к другим народам себя не причисляющий» (именно так следует переводить «ло йитхашав»: традиционные переводы, от Вульгаты до синодального, просто не дают смысла). Не причисляем - и баста, как сказал бы Жаботинский. На современном языке это означает: не ассимилируемся.

Да, не ассимилируемся, но - уходим. Уходили всегда, уходим и сейчас, во множестве, по многим мотивам. Обстоятельная история наших уходов, сколько мне известно, еще не написана, а между тем она была бы, пожалуй, не менее поучительна, чем история наших исходов. Здесь я не стану даже касаться уходов вынужденных, под угрозой смерти, как было в Испании и Португалии 500 лет назад, ни уходов корыстных, ради получения права жительства или доступа в университет, или профессорской кафедры; речь пойдет об уходах обдуманных, осознанных, идейных. Не стану касаться и прошлого, более или менее отдаленного.

«Нелепая точка зрения» Миклоша Радноти представляется мне не только самой разумной, но и самой чистой морально. Если ассимиляция невозможна, то альтернатива неумолима: либо ты остаешься, либо ты уходишь, либо ты еврей, либо ты нееврей. И уходя, будь самим собою иным полностью, не пытайся удержать толику от себя прежнего, не взывай к тем, от кого ты ушел, в надежде или в уверенности (ложных!), будто ты - некий мост между ними и новым твоим качеством, новой

родней, новой семьей... При нынешнем Папе Римском Иоанне-Павле Втором сделал блестящую карьеру Жан-Мари Люстиже, менее чем за десять лет возвысившийся из приходского кюре до кардинала и архиепископа Парижского. Возвышение вполне заслуженное, сколько может судить посторонний, читая кардинала Люстиже, слушая и видя его по телевидению, где он частый гость: это блестящий ум, сочетающийся с харизматической натурой. Но вот что озадачивает и тревожит: Жан-Мари Люстиже родился Аароном Люстигером в семье еврейских выходцев из Польши, принял католичество, вопреки воле родителей, 14 лет от роду, уже во время войны - и обо всем этом охотно и даже настойчиво вспоминает, мало того, считает себя евреем и, по всей очевидности, желает, чтобы и другие считали его за такого. Я не имею никаких оснований сомневаться в искренности и в чистоте намерений кардинала. Я готов даже закрыть глаза на решение Верховного Суда Израиля по делу монаха ордена кармелитов бр. Даниила, урожденного Освальда Руфензейна, гласившее, что на еврея, сознательно отрекшегося от иудаизма и перешедшего в другую религию, Закон о Возвращении не распространяется, иначе говоря, закон Еврейского Государства в сознательном вероотступнике еврея не признает. Тревога возникает тогда, когда задумываешься о стратегии христианства в еврейском вопросе и о роли, отводимой выкрестам в этой стратегии. Конечная цель Церкви, т.е. совокупности всех христианских вероисповеданий, однозначно и неизменно определена двумя стихами из «Послания к Римлянам» Апостола Павла: «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, ... что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников. И так весь Израиль спасется...» (гл. 11, ст. 25-26). Все евреи должны обратиться, войти в Церковь, их «жесткая выя» смягчится, «слепота» спадет с вежд, «неверие» сменится верою. Повторяю, эта стратегическая цель непреложна (как непреложно само Павлово слово), и никакие Ватиканские соборы, никакой интерконфессиональный диалог ничего в ней не меняют. Меняется тактика. Пока Церковь пыталась подтолкнуть «остаток Израиля» к «вратам спасения» силою, выкресты избличали своих бывших единоверцев, доносили на них, клеветали - и так от Петра Альфонси в Кастилии (XII в.) до Якова Брафмана в России (XIX в.). После понтификата Иоанна XXIII Рим от энергичных приемов в борьбе за еврейские души отказывается, но борьба продолжается, она не может остановиться. В этих обстоятельствах словоохотливый выкрест на вершинах католической иерархии оказывается приманкой, соблазном и, в конечном счете, как это ни грустно, замыкающим в том отвратительном для еврея ряду, который открывается Петром Альфонси. О, если бы не эта словоохотливость!..

Еще один обратный против Радноти пример, который, однако, ближе к нам, чем монсеньер Люстиже. Борис Пастернак никогда себя с еврейством не идентифицировал, а в последний период жизни и писательской работы сделался истовым православным. Это его дело и его право, и я радуюсь «Доктору Живаго» не меньше, чем «Детству Люверс», «Второму рождению» или «На ранних поездах», радуюсь даже экзальтированной поэтичности богословских и историософских рассуждений, желающих доказать абсолютные и ни с чем не сравнимые преимущества христианства (Том II, Часть 18, гл. 17). Но тягостно и, скажу откровенно, мерзко читать призывы ушедшего (и автора и его персонажа, Гордона) к тем, кого он оставил: перестаньте существовать, «разойдитесь», вы препятствуете пришествию

Царствия Божия (Том I, Часть 4, гл. 12). И это писалось сразу после Шоа! О, если бы он промолчал!..

И если не такую же, то сходной безнравственностью или, по крайней мере, вопиющей бестактностью видится мне требование, чтобы ушедший не забывал о своем прошлом, принимал его в расчет во всех своих делах и речах. Если ультраконсервативные католики без конца поминают кардиналу Люстиже его происхождение и кричат об «иудаизации» римской церкви, это меня мало тревожит, не трогает впрямую. Но вот только что вышла книга французского политолога Рафаэля Драя «Открытое письмо кардиналу Люстиже». Я разделяю замысел автора, его критику двусмысленной позиции Папы Иоанна-Павла Второго и прямого политиканства Ватикана, но мне и смешно и печально, когда автор настаивает, чтобы его адресат признавал авторитет еврейских истолкований Писания в той же мере, в какой суждения Отцов и Учителей Церкви. И уж совсем смеху подобно, когда он укоряет Хейдеггера и недавно беатифицированную Римом кармелитскую монахиню сестру Марию, урожденную Эдит Штайн, депортированную в лагерь смерти прямо из монастыря, за незнание еврейской религиозной философии и пренебрежение ею в собственных философских трудах.

6.

Чем дальше вглядываюсь я в пример Миклоша Радноти, тем более достойным вариантом ухода он мне представляется. Лет 20 тому назад мне рассказывали в Будапеште, что сразу после войны к вдове Радноти пришли из общины и попросили что-нибудь для мемориального архива Катастрофы. Вдова, не раздумывая и ничего не объясняя, выставила посланцев общины за дверь. Я помню, тогда это меня поразило, шокировало, теперь я думаю, что Фани Радноти была права, - он не принадлежал к нам при жизни, не должен принадлежать и после смерти. «Хотя и верно, что его убили как еврея, но умер он не евреем», - позволяю себе повторить слова Иштвана Ваши. Но еще более поразило меня суждение Владимира Николаевича Топорова в заключительных строках его прекрасной статьи «Спор или дружба?» («AEQUINOX». Сборник памяти о. Александра Меня, Москва, 1991): «Своей жизнью он явил высокий пример русского еврея...» Я имел честь и счастье достаточно близко знать отца Александра и, как и все вокруг него, был очарован и зачарован ни с чем не сравнимой харизматической мощью этого, наверное, великого христианина, может быть, в не столь уже далеком будущем Святого Мученика русского православия. Его миссионерская активность среди этнических евреев, духовно обездоленных и жаждавших веры, не вызвала и поныне не вызывает во мне ни малейшей неприязни; она, эта активность, столь же естественна, сколь обращение жаждущих к ближайшему источнику, способному утолить их жажду. Но назвать православного священника «высоким примером русского еврея» - это (да простит мне резкость высоко чтимый мною с наших общих молодых лет В.Н.Топоров) величайшая бестактность, если не хуже, если не эгоистическая бесчувственность христианина, решительно не совместимая со всем, что сказано в статье.

Тот, кто решил уйти, пусть уходит, доброго ему пути, и примером ему пусть послужит Миклош Радноти. А мы, остающиеся, «непредставимые» евреи без религии, но с Танахом и Талмудом, со всей нашей кровавой и великой историей, со всей нашей многоязыкой и единой культурой, мы можем взять себе в пример израильского киббуцника, не верующего в Бога, но верующего в Его творение и Его избранника - в еврейский народ.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ (Москва)

ЕВРЕЙ В ЦЕРКВИ

Уезжают евреи. Почему, зачем, стоит ли, — не знаю, да и не мое это дело. Куда больше волнует меня судьба тех, кто останется, — а их, кажется, будет совсем немного. Не о «Памяти» речь: угроза реального, масштабного антисемитизма в новой России слишком гипотетична, чтобы говорить о ней всерьез. Игра КГБ на расслоение общества по «пятому пункту», рассчитанная на то, что каждый из противостоящих слоев будет апеллировать к власти и уповать на ее спасительную силу, провалилась; п о к а провалилась — выразимся осторожнее. Вполне фашистские газеты продаются в Москве и Питере свободно, это правда; почему на издателей этих газет не подают в суд, совершенно непонятно; но «вот вышла в свет книжечка, живет же где-то на свете и читатель ее». Пожалуйста, покажите мне этого читателя, объясните, кто читает «памятливые» издания? «Русские национальные банки» финансируют деятельность разнообразных «славянских соборов», для которых даже Ю.В.Бондарев недостаточно патриотичен, — однако разве не просматривается за этим самая примитивная и самая *вненациональная* по сути борьба финансовых кланов? Нет сейчас главного — необходимого и достаточного — условия проведения последовательно антисемитской политики: соответствующего настроения людей. Русских людей. И парадоксально, но факт: чем более Россия сознает себя национально-демократическим государством, тем меньше вероятность появления такого настроения.

Оглядываемся назад.

Как бы ни схлестывались между собою в застойные годы литературные либералы и литературные шовинисты, как бы ни спорили на кухнях о роли еврейства в России, на самом деле никакой роли быть не могло — ибо отсутствовала Россия. Имелась громадная разнородная страна, «факультет ненужных вещей» с инвентаризационным штампом «СССР». Был режим, равно чуждый л ю б о м у национальному и религиозному космосу; режим, который в 30-е годы преследовал «великодержавный шовинизм», в 40-е и 50-е — «безродный космополитизм»; режим, который замешивал в свои грязные дела и русских и евреев, делая всех взаимно виноватыми и взаимно обвиняющими (хотя понятно, что евреи в погонах НКВД имели к еврейству такое же отношение, как русские в тех же погонах — к России, и наоборот). И были — реальные судьбы реальных людей; каждый из них решал *для себя и за себя*, как строить отношения с режимом, в какую щель от него ускользнуть, в каком из «затворов» затвориться. В такой ситуации еврей по крови, не желавший отождествляться с мертвенной государственностью, совершал тройной выбор. Сначала между духовным рабством и духовной свободой; затем между «инвариантами» этой свободы (религиозным, светским и т.д.) и лишь в последнюю очередь — между участием в судьбе собственного народа как вечного исторического целого и участием в судьбе России как чего-то некогда бывшего и потенциально возможного, однако не данного. Выбор его — за редкими исключениями — был с о ц и а л ь н о-метафизическим, а не чисто духовным. И последствия этого выбора были также вполне социальными. Причем в самой сложной и двусмысленной ситуации оказывался еврей православный. Среда националистическая относилась к нему настороженно —

ибо для нее Церковь была и есть лишь атрибут нации; среда собственно церковная тоже поглядывала испытующе: что стоит за его приходом – стремление к Богу или бегство от Кесаря? Пришел ли он, чтобы во всей полноте разделить горечь полуневольного бытия православной Церкви или чтобы найти временное и в принципе заменимое прибежище от нестерпимого холода социума? Среда либеральная морщилась: еще один «выкрест» поддался моде и предпочел истинному свободолюбию косвенную форму рабства... Удивительно ли, что православные евреи образца 60-х и 70-х годов так часто восполняли то ли недостаток «русскости» избытком «православности», то ли недостаток «православности» избытком «русскости»?..

Заглядываем в ближайшее будущее.

Круг двусмысленностей разомкнут. Чтобы обрести свободу, не зачем идти в Церковь. Чтобы стать полноправным (в юридическом смысле) гражданином, совсем необязательно «русифицироваться»: слава Богу, Россия – не Прибалтика, здесь не требуют проходить тест на национальную лояльность. Неужели для истончившегося слоя российского еврейства наступает жизнь без проблем? Ничуть, просто проблемы будут иными. И тяжесть выбора останется тяжестью выбора, хоть и произойдет смена альтернативы. Не между национальным и вненациональным, религиозным и внерелигиозным, иудейским и православным инвариантами свободолюбия, но между одной судьбой и другой судьбой. Можно стать частью обособленного еврейского мира внутри российского космоса – и можно стать частью российского космоса, автономного от еврейского мира. («Автономного» – не значит плохо относящегося и незаинтересованного в счастливом обустройстве чужого народа на своей земле; точно так же – «обособленного» не значит равнодушного к болям и радостям ближайшего соседа). В н у т р и каждого из этих национально-культурных миров «возможны варианты» – религиозный и внерелигиозный, «жесткий» и «мягкий»; но в «пограничное пространство», где можно было бы чувствовать себя о д н о в р е м е н н о и русским и евреем, я не верю¹. Во всяком случае, оно будет закрыто для людей церковных.

И вот, еврею, входящему под своды православного храма, придется осознать, что в самый миг крещения он перестанет быть евреем. Я был бы рад спрятаться от прямого разговора, от его неизбежной жесткости; я был бы счастлив еще раз процитировать слова Апостола о том, что «несть ни едлина, ни иудея», но правда есть правда. До тех пор, пока в России останется хоть один православный приход, выражение «русский православный народ» будет сохранять всю свою мистическую силу. И напротив, даже если миллионы евреев возьмут свой крест, выражение «еврейский православный народ» не утратит сомнительности. Почему так – рассуждать боязно, слишком очевидна тут воля Провидения². С нас хватит и того, что это – так; что быть одновременно русским и православным возможно, а православным и евреем нет, – хотя «возможно» совсем не то же самое, что «обязательно», и, как сказала одна знакомая, «православие – вера вселенская, я по национальности православная». В том-то и дело, что,

¹ То есть ощущающим с в о е й всю полноту русской истории – минувшей, нынешней и грядущей; готовым чувствовать оскомину на зубах от винограда, который ели отцы.

² Православная мистическая традиция – при самом непреклонном отношении к иудаизму «после Христа» – отводит евреям одну из главных (если вообще не главную!) ролей в событиях «конца времен». И «вольный стрелок» христианского воинства В.С.Соловьев, и проведший всю жизнь на либеральном Западе митрополит Сурожский Антоний (Блум), и «собственно российский», отнюдь не либеральный – знал ли он вообще это слово? – черниговский старец Лаврентий (1868–1950) совпадают в убеждении, что спасение мира – в том числе мира православного! – придет от евреев, которые, по словам Лаврентия, в последние дни «не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, а признают Христа и будут царствовать со Христом» (Надежда. 1988. «Посев», № 14).

«крещаясь», еврей вправе будет отказаться от «русскости» и не вправе – от разрыва с судьбой российского еврейства. В свою очередь, и русский православный «слой» должен – вынужден, обречен! – будет понять, что в Церкви нет «более» или «менее» русских ее членов и что если, к примеру, еврей в храме слишком высоко задирает указующий перст, то делает это не потому что еврей, а потому что интеллигент, у него привычка такая.

Что касается до «интеллигентности», то и здесь все не так просто. Отношения Русской Православной Церкви и демократической России (если моему бедному Отечеству суждено стать «нормальной» демократической страной), вопреки всем ожиданиям, окажутся зоной «постоянно отложенного конфликта». Не сможет Православие, не обманывая себя и всех, признать онтологическую ценность «прав человека». У христианина на земле есть только одно абсолютное право – право спастись. Все остальное относительно. Еврею это будет принять особенно трудно, но уже не как еврею, а как интеллигенту, преимущественно в третьем-четвертом поколении. Отцы и матери, дедушки и бабушки, тети и дяди, братья и сестры жили и умирали с мечтой о свободе, и вот теперь свобода обретена, а ты, не отрицая ее по существу, тем не менее, оппонируешь ей? Мало одного разрыва – национального, так еще и разрыв социальный, кому это под силу? Ответ один – никому, но невозможное человеку возможно Богу.

Возвращаемся в настоящее, смотрим окрест себя. Тяжело всем. Тяжело украинцам, не имеющим традиций собственной государственности и во что бы то ни стало желающим их обрести. Тяжело русским, расстающимся с историческим пространством, которое они привыкли считать своим и которое становится чужим – во всех смыслах. Тяжело уезжающим евреям – встраиваться в систему сложившихся отношений, часто на старости лет, часто без особого желания – просто потому, что деваться некуда. Но тяжелее евреям – остающимся. Их мало, а будет еще меньше – зыбкие границы внутри СНГ, день ото дня обретая четкость и жесткость, медленно рассекают национальное тело некогда единого российского еврейства. И почти каждому еврею в России предстоит сделать выбор – не в каком из затворов затвориться, а в каком из растворов раствориться: национальном, социальном, религиозном? Причем раствориться без остатка. Выбор не удастся облегчить – иначе какой это выбор? Но результат его – л ю б о й – нужно будет принять как несомненную данность.

Гедеон РАФАЭЛЬ (Иерусалим)**ШЕСТЬ ДНЕЙ И ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ**

В мае 1967 г. президент Насер неожиданно потребовал, чтобы миротворческие силы Объединенных Наций покинули египетско-израильскую границу и район у входа в Акабский залив. Это требование, за которым последовала концентрация египетских войск на Синае, сопровождавшаяся истерическими призывами уничтожить государство Израиль, предвещало новую арабо-израильскую схватку, третью со времени обретения независимости этой страной в 1948 г.

Ни Израиль, ни Объединенные Нации не были готовы к надвигавшейся буре. Но, как это ясно теперь, и Насер, и его сирийские и иорданские союзники не отдавали себе отчета в том, на какой риск они идут, – столь неодолимо было их желание нанести Израилю смертельный удар.

С самого начала кризиса Объединенные Нации предпринимали всевозможные усилия его урегулировать. Будучи израильским послом при ООН, я получил инструкции из Иерусалима передать в Каир через Генерального секретаря У Тана, что Израиль не питает никаких воинственных намерений и что (вопреки советской дезинформации) никакой концентрации израильских войск вдоль сирийской границы не происходит.

Ответ Насера не заставил себя ждать. Он настаивал на немедленном выводе сил ООН. Совет Безопасности был беспомощен – его парализовала угроза вето со стороны Советского Союза, партнера арабов.

В результате, грозовые облака разразились утром 5 июня страшным огненным ливнем.

Уроки международной летаргии, беспомощности Объединенных Наций и бесполезности международных гарантий оставили в Израиле глубокий след. Такой же, как бесконечно горькое чувство одиночества в час смертельной опасности.

Мы много раз обращались к Генеральному секретарю с призывом не выводить силы ООН. Когда эвакуация уже началась, мы снова обратились с просьбой: оставить хотя бы те соединения, которые обеспечивали свободный проход в Акабский залив. И снова – безрезультатно. Мы предложили, чтобы У Тан отправился с миссией в Каир, Дамаск и Иерусалим. Но по прибытии в Каир он был встречен Насером так, что, обескураженный, возвратился в Нью-Йорк не солоно хлебавши.

Наша делегация при ООН передала премьер-министру Леви Эшколю обращение Генерального секретаря ООН, сделанное в последнюю минуту, – чтобы два правительства, Израиля и Египта, согласились на «успокоительный перерыв»; когда Насер отклонил этот призыв, отказался от него и У Тан.

Израиль защищал свою позицию в главных столицах мира и в Совете Безопасности. Я побывал со специальной миссией в Москве, проинформировал советское правительство о положении Израиля и предупреждал об опасностях, которыми чревата арабская воинственность, подогреваемая извне. Мы просили главные западные державы – Англию, Францию и Соединенные Штаты – помочь сохранить мир. В конце концов, после того, как мучительное ожидание международного вмешательства оказалось напрасным, Израиль был вынужден прибегнуть к акту законной самозащиты. Он должен был разорвать петлю, накинутую ему на шею.

В результате шести дней боев, под контролем Израиля оказалась территория от Суэцкого канала до истоков Иордана и от Голанских высот до Западного берега, оккупированного Иорданией в 1948 г.

Как только дым рассеялся, израильское правительство представило государственному секретарю США Дину Раску мирные предложения для передачи арабским правительствам. Израиль заявил о своей готовности отказаться от территориальных приобретений ради мира. В обмен на установление мира израильское правительство соглашалось отвести свои войска к границам, существовавшим между британской подмандатной Палестиной, Египтом и Сирией. В рамках мирного договора Израиль предлагал провести лишь незначительную корректировку границ, которая диктовалась соображениями безопасности на юге и необходимостью охранять истоки Иордана на севере. Израильский план предлагал провести демилитаризацию некоторых территорий и подтверждал готовность рассмотреть вопрос об особом статусе Иерусалима, обеспечивающем безопасность святых для всех религий мест и свободу доступа к ним. Что касается будущего статуса Западного берега, правительство видело два возможных решения. Одно предполагало соглашение с королем Хуссейном, другое предусматривало союз между Западным берегом и Израилем, основанный на самоуправлении и экономическом сотрудничестве.

Арабская Лига ответила на предложения Израиля тройным «нет». Собравшись в Хартуме в августе 1967 г., она заявила «нет» переговорам, «нет» признанию государства Израиль, «нет» миру с Израилем. Начался долгий политический застой, причем воинственный дух продолжать господствовать в арабо-израильских отношениях. Шесть лет спустя после войны 1967 г. Египет и Сирия снова напали на Израиль; эта война вошла в историю под названием «Войны Судного дня». Она закончилась поражением нападавших. Резолюция Совета Безопасности, предложенная Соединенными Штатами и Советским Союзом, призывала стороны вступить в прямые переговоры о мире «при соответствующем содействии». Потребовалось шесть лет дипломатических баталий, чтобы Израиль и Египет заключили мир под настоятельным нажимом президента Джимми Картера. Это был поворотный пункт в арабо-израильских отношениях. Мирный договор, хотя и отвергнутый «Зелеными братьями» в Египте и палестинцами, изменил психологический климат, политическую и стратегическую расстановку сил в ближневосточном регионе.

Со времени тех шести дней в июне 1967 г. прошло четверть века, и мир изменился неузнаваемо. Русские больше не мутят воду на Ближнем Востоке, их миролюбивые намерения очевидны, но возможности их ограничены. Соединенные Штаты стали ведущей силой в ближневосточных делах. Намерения у них самые лучшие, но результатов пока нет. Саддам Хусейн потерпел серьезное поражение, но остался у власти. Муаммар Каддафи все еще неудержим в своих провокациях и интригах.

Израиль, верный, но не всегда правильно понимаемый союзник Соединенных Штатов, проходит через муки решающей избирательной кампании, в которой его воля к миру не ослабнет, но пути, ведущие к нему, подвергнутся ожесточенной критике.

Непрекращающиеся раздоры на Ближнем Востоке остаются предметом глубоких тревог для международного сообщества, которое полагается главным образом на Америку, но и надеется на большую беспристрастность со стороны окрепших Объединенных Наций.

Предпринимаемые ныне усилия добиться мирного урегулирования арабо-израильского конфликта должны привести к необратимому процессу, исход которого жизненно важен отнюдь не только для Ближнего Востока. Успешное завершение мирных переговоров стало бы одним из наиболее значительных достижений, венчающих наше столетие. ●

ТЕЛЕГРАММА

(Отправлена 18 мая 1948 г. в 01 час. 30 мин.)

ТЕЛЬ АВИВ

МОШЕ ШЕРТОК, МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ИЗРАИЛЬ

Подтверждаю получение Вашей телеграммы от 16 мая, в которой Вы доводите до сведения Правительства СССР о провозглашении на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года создания в Палестине независимого государства Израиль и обращаетесь с просьбой о признании Союзом Советских Социалистических Республик государства Израиль и его временного правительства.

Настоящим сообщая, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик приняло решение об официальном признании государства Израиль и его временного правительства.

Советское Правительство надеется, что создание еврейским народом своего суверенного государства послужит делу укрепления мира и безопасности в Палестине и на Ближнем Востоке и выражает уверенность в успешном развитии дружественных отношений между СССР и государством Израиль.

В. Молотов
Министр Иностранных Дел СССР

ТЕЛЕГРАММА

Из Тель-Авива
24 мая 1948 г.

Перевод с французского

Я имею честь выразить Вам самое глубокое удовлетворение, с которым мое правительство приняло к сведению сообщение об официальном признании государства Израиль правительством СССР, любезно переданное нам в Вашей телеграмме от 18 мая с.г. Правительство государства Израиль полностью разделяет пожелания, столь великодушно выраженные Вами, и еще раз подтверждает свою твердую надежду, основанную на тех событиях, которые привели к созданию нашего правительства, на то, что самые дружественные отношения могут быть установлены между государством Израиль и Советским Союзом. В этих целях мы просим Вас сообразованно сообщить нам, согласны ли Вы на то, чтобы государство Израиль незамедлительно учредило свою Миссию в Москве в составе посланника или поверенного в делах и генерального консула и на то, чтобы одновременно было учреждено в Тель-Авиве Советская миссия того же ранга.

От имени Временного Государственного
Совета Израйля
МОШЕ ШЕРТОК,
Министр Иностранных Дел

Посол Советского Союза в Израиле Александр Бовин
на приеме у президента Израйля Ханна Герцога
Иерусалим, 23 декабря 1991 г.

Норман ПОДГОРЕЦ (Нью-Йорк)

АМЕРИКА - ИЗРАИЛЬ: ТРЕВОЖНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Изменилось ли отношение США к Израилю с приходом к власти администрации Джорджа Буша? Большинство наблюдателей отвечают на этот вопрос положительно, хотя из официальных заявлений Вашингтона следует, что сколько-нибудь значительных изменений здесь не произошло; США, дескать, сохраняют приверженность целям, которые выдвигались предшествующими администрациями в течение многих десятилетий. Недавние события в Персидском заливе, которыми администрация в Вашингтоне не замедлила воспользоваться, чтобы лишний раз подчеркнуть преемственность своей ближневосточной политики, позволили увидеть эти цели в новом свете.

Взять, к примеру, самый болезненный в американо-израильских отношениях вопрос о еврейских поселениях на «административных территориях», как их официально называет Иерусалим, или «оккупированных», согласно вашингтонской терминологии. Администрация Буша уверяет, что последовательно негативное отношение нынешнего президента к строительству этих поселений полностью согласуется с позициями всех его предшественников, начиная с Линдона Джонсона, который был хозяином Белого дома во время Шестидневной войны 1967 года. Администрация Джонсона, как заявляет сегодня официальный Вашингтон, не только принимала активное участие в разработке резолюции № 242 Совета Безопасности ООН, но и сделала эту резолюцию краеугольным камнем ближневосточной политики США. То есть она с самого начала исходила из предположения, что рано или поздно Израиль должен оставить оккупированные территории и вернуться к границам, существовавшим до Шестидневной войны. Разумеется, делалось допущение, что Израиль предпримет меры для обеспечения безопасности своих границ. Так, наличие военизированных израильских поселений вдоль границ (согласно плану Аллона) выглядело в глазах американцев вполне оправданным. Заселение евреями оккупированных территорий, особенно густонаселенных арабами районов, считалось свидетельством того, что Израиль проводит политику ползучей аннексии, и традиционно предавалось анафеме.

Недавно Дин Раск, занимавший пост государственного секретаря в администрации Джонсона, предал гласности содержание своей беседы с Аббой Эбаном, тогдашним министром иностранных дел Израиля, состоявшейся вскоре после Шестидневной войны. По утверждению Раска, Эбан сказал, что несмотря на многочисленные заверения, которые в ходе и сразу после Шестидневной войны Израиль дал американцам относительно отсутствия у него экспансионистских амбиций (заверения, которые американцы в свою очередь переадресовывали арабским лидерам), израильтяне вскоре изменили свои намерения, выставив (по словам Раска) Америку в

качестве государства, «в течение двадцати лет занимавшегося очковтирательством». Трудно судить, сколь точно Раск передал содержание своей беседы с Эбаном (лично мне многое в его версии представляется сомнительным). Но этот эпизод свидетельствует, что даже у столь дружелюбной по отношению к Израюлю администрации Линдона Джонсона любой намек на закрепление Израйля на оккупированных территориях, не говоря уже о попытке утвердить суверенное право на эти территории, вызывал резко негативную реакцию.

Апологеты администрации Буша утверждают, что неприятие Америкой попыток Израйля аннексировать Западный берег и Восточный Иерусалим у Иордании, Синайскую пустыню и сектор Газы у Египта, а также Голанские высоты у Сирии, получило еще более яркое воплощение во времена администрации Ричарда Никсона. Стремясь проводить более «взвешенную» политику в отношении арабо-израильского конфликта, государственный секретарь Никсона Уильям Роджерс выдвинул концепцию «территории в обмен на мир», которой в значительной степени продолжает придерживаться и администрация Джорджа Буша.

Более того, заявляют сторонники Буша, когда в 1976 г. в Белый дом пришел демократ Джимми Картер, стало ясно, что «взвешенность» ближневосточной политики вовсе не является прерогативой одних лишь республиканцев. И государственный секретарь при Картере Сайрус Венс, и помощник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский были последовательными сторонниками возвращения Израйля к границам 1967 г., хотя и допускали некоторые их изменения. Именно при Картере был сделан первый важный шаг на пути к ближневосточному урегулированию, когда в результате переговоров в Кэмп-Дэвиде Израиль вернул Египту Синайскую пустыню. Однако ни Картер, ни его ближайшие помощники не рассматривали кэмп-дэвидские договоренности как окончательное решение всех проблем, и позиция премьер-министра Израйля Менахема Бегина по вопросу еврейских поселений подвергалась ими столь же резкой критике, сколь и аналогичная позиция нынешнего премьера Израйля Ицхака Шамира со стороны администрации Буша.

Наконец, нам напоминают, что даже Рональд Рейган, самый «произраильский» из всех американских президентов, резко возражал против строительства новых еврейских поселений на оккупированных территориях. И действительно, администрация Рейгана, хотя и старалась не употреблять таких резких выражений, как «несовместимость с нормами международного права» или «главное препятствие на пути мирного урегулирования», все же явно давала понять, что развертывание еврейских поселений на оккупированных территориях «не способствует миру в регионе». Более того, известный «План Рейгана» (на самом деле авторство здесь принадлежит государственному секретарю Джорджу Шульцу) во многом перекликается с концепцией «территории в обмен на мир», разработанной предшественником Шульца-Роджерсом. И хотя «План Рейгана» натолкнулся на сопротивление некоторых заинтересованных сторон, в частности Сирии, администрация Буша ссылается на него как на еще один прецедент традиционной политической линии, которую она продолжает. Но как быть с тем беспрецедентным давлением, которое американцы оказывали на Израиль с тем, чтобы заставить его принять участие в мирной конференции по Ближнему Востоку? Как быть с нежеланием администрации Буша гарантировать Израйлю получение кредитов, необходимых для

обеспечения жильем иммигрантов из бывшего СССР? Опять-таки сторонники Буша ссылаются на имевшие место прецеденты.

Так, в самый канун арабо-израильских переговоров в Женеве в 1973 г. Никсон приостановил поставку Израилю истребителей «Фантом» и пригрозил заморозить экономическую помощь Тель Авиву, полагая, что подобное предостережение «заставит израильтян быть более сговорчивыми».

Все сказанное выше - правда, и, тем не менее, было бы глубочайшим заблуждением считать, что ближневосточная политика США при администрации Буша не претерпела существенных изменений.

Прежде всего, в официальной риторике Вашингтона, обращенной к Израилю, зазвучали новые ноты. Тон администрации Буша свидетельствует не только об охлаждении официального Вашингтона к старому партнеру, но и о проявлениях откровенной враждебности. Так, в ходе своей печально известной пресс-конференции 12 сентября 1991 г. президент Буш сказал о себе, как об «одиночке, вынужденном противостоять тысяче лоббистов на Капитолийском холме, пытающихся не допустить замораживания кредитов Израилю сроком на 120 дней». Намекнув таким образом, что в основе нашего союза с Израилем лежат нечистоплотные манипуляции всемогущего еврейского лобби в Конгрессе, «президент-одиночка» добился, чего хотел: предоставление кредитов Израилю было приостановлено. Вслед за этим на президента обрушился поток поздравительных писем, пропитанных столь откровенным антисемитизмом, что Бушу пришлось пожалеть об избранной им тактике.

Впрочем, нет свидетельств тому, что президент пожалел и еще одном, даже более одиозном заявлении, сделанном на той же пресс-конференции:

«Всего лишь несколько месяцев назад одетые в военную форму американцы и американки защитили Израиль от иракских СКАДов. Помимо того, что операция «Буря в пустыне» завершилась разгромом агрессора, она также ознаменовала поражение главного врага израильтян».

Делая это заявление, Джордж Буш прекрасно знал, что израильтяне никогда не просили американцев защищать их страну. Единственное, о чем они действительно просили, это об оружии, с помощью которого они защитили бы сами себя. Никто иной как сам Буш сделал все, чтобы не позволить Израилю самостоятельно противостоять ракетным атакам Ирака.

Израильтяне были готовы вступить в войну по трем причинам. Во-первых, они не желали, чтобы американские солдаты проливали кровь там, где это было положено делать самим израильтянам. Во-вторых, они опасались, что пассивность Израиля в этой войне нанесет ущерб его репутации как страны, не оставляющей без ответа ни один удар по своей территории (эта репутация многие годы являлась весьма эффективным фактором сдерживания). Наконец, израильтяне полагали, и небезосновательно, что израильские летчики, имевшие большой опыт в выполнении подобного рода операций, справились бы с задачей уничтожения иракских СКАДов лучше, чем это сделали американцы и их союзники по антииракской коалиции.

Зная все это, Джордж Буш, тем не менее, настоял на невмешательстве Израиля в конфликт под тем предлогом, что такое вмешательство могло вынудить некоторых арабских союзников выйти из коалиции. При этом Бушу было доподлинно известно, что и Египет, и Саудовская Аравия, и Кувейт, и даже Сирия, самая «антиизра-

ильская» из всех арабских стран-участниц коалиции, неоднократно заявляли, что не выйдут из коалиции, даже если Израиль предпримет ответные действия в отношении Ирака. Что побуждало Буша из всех сил противиться попыткам Израиля самостоятельно защитить себя от агрессора?

Во время войны в заливе некоторых израильских политиков обвиняли в «параноидальной подозрительности» за высказываемое ими опасение, что в нужный момент Буш использует факт участия американцев в защите Израиля как средство давления на Иерусалим. Как выяснилось, правы были «параноики», а не те, кто их критиковал. Особый повод для беспокойства израильтян - неспособность американцев обнаружить большую часть иракских СКАДов (американские бомбы обрушились в основном на муляжи ракетных установок). Поэтому в октябре прошлого года, почувствовав опасность повторения агрессии и все более сомневаясь в надежности стратегического альянса с Америкой, израильтяне предприняли серию разведывательных полетов над территорией Ирака. В ответ на это Ирак обратился с протестом в ООН, а Соединенные Штаты вместо того, чтобы осадить иракских жалобщиков, высказали Израилю «глубокую озабоченность», причем на самом высоком уровне. По словам представителя Белого дома, «разведывательные полеты израильской авиации представляют серьезную угрозу мирному процессу» и, кроме того, являются «совершенно излишними, так как США обеспечивают Израиль всей необходимой разведывательной информацией». Однако учитывая, что Ирак вышел из войны, сохранив значительную часть своих СКАДов, у Израиля есть все основания усомниться, если не в точности разведывательных данных, полученных от США, то уж, по крайней мере, в их исчерпывающем характере.

Вскоре после этого инцидента администрация Буша выразила недовольство в связи с еще одной разведывательной акцией, предпринятой Израилем в отношении северо-корейского судна, которое, по израильским данным, следовало в Сирию, имея на борту ракеты СКАД-С с дальностью полета 600 км. «После того, как ей не удалось уничтожить иракские ракеты, направленные на Израиль», - с горечью отмечал израильский обозреватель, - «Америка предпринимает усилия для обеспечения безопасности сирийских ракет, более мощных и находящихся в непосредственной близости от Израиля».

Привнеся новые акценты в американо-израильские отношения, администрация Буша явно превзошла всех своих предшественников по части озабоченности арабо-израильским конфликтом, причем эта озабоченность подчас становится маниакальной. В момент, когда Саддам Хусейн устроил бойню курдам и шиитам, государственный секретарь Бейкер путешествовал по Ближнему Востоку, делая вид, что ничего особенного там не происходит. Он нанес визиты в Иерусалим, Эр-Рияд, Дамаск, Амман, всячески демонстрируя активную деятельность. Это все равно, как если бы во время большого пожара в Манхеттене пожарники бросили бы все силы на тушение небольшого пожарчика на свалке где-нибудь в Бруклине. Даже такие «побочные» события, как крах коммунистической империи в Советском Союзе, оказались не в состоянии отвлечь Бейкера от ближневосточных дел. Сверхвнимание администрации Буша к Ближнему Востоку совершенно иррационально. Во времена холодной войны считалось, что обострения арабо-израильского конфликта ни в каком случае нельзя допустить, ибо он может перерасти в конфликт с Советским Союзом, а там полшага до мировой войны. Поэтому достижение мира между арабами

и израильянами было непосредственно связано с задачей обеспечения жизненных интересов США. Но теперь, с окончанием холодной войны, ближневосточный конфликт перестал быть факелом, грозящим упасть на пороховую бочку. Однако администрация Буша упорно продолжает рассматривать его как реальную угрозу международной безопасности.

Однако сегодня трудно представить себе, каким образом проблема создания палестинского государства связана с обеспечением национальных интересов США. Официальный Вашингтон считает палестинскую проблему ключевой, ибо в ней - главный источник нестабильности в стратегически важном для США регионе. Однако арабы развязали войну против еврейского государства задолго до того, как существование палестинцев как нации было признано самими арабами. Никто не говорил о необходимости создания независимого палестинского государства все те девятнадцать лет, когда Иордания удерживала контроль над Западным берегом, а Египет - над полосой Газы.

На самом деле причины арабо-израильского конфликта коренятся в категорическом нежелании арабов смириться с существованием суверенного еврейского государства, по крайней мере, в их части света. Вне зависимости от того, где идут границы этого государства, арабы не желают его признавать. Поэтому палестинская проблема никак не является ключевой, если, конечно, Национальный совет Палестины не заявит честно и откровенно, что его цель - создание палестинского государства не только на Западном берегу и в секторе Газы, но на всей территории нынешнего Израиля, то есть открыто не призовет к уничтожению государства Израиль.

Еще меньше оснований утверждать, что в палестинской проблеме сконцентрирован главный источник нестабильности на Ближнем Востоке. Начиная с 1948 г., со времени создания государства Израиль, в регионе имели место девятнадцать крупных вооруженных конфликтов, никоим образом не связанных ни с палестинской проблемой, ни с существованием еврейского государства. Самые крупные конфликты последних лет - война между Ираном и Ираком, вторжение Ирака в Кувейт, операция «Буря в пустыне». Параллельно с этим постоянно происходили и не столь значительные столкновения: нападение Египта на Йемен, агрессия Сирии против Ливана, непрекращающиеся стычки на религиозной почве в самом Ливане.

В контексте этих событий совершенно безосновательны утверждения, будто бы проблема палестинцев - главный источник нестабильности на Ближнем Востоке.

Так или иначе, но идея о стратегическом масштабе палестинской проблемы легла в основу всей ближневосточной политики администрации Буша, которая настаивает, чтобы Израиль поступился оккупированными территориями в обмен на прочный мир. На первый взгляд, такая позиция не содержит ничего нового, поскольку аналогичное требование содержится в известной резолюции № 242 Совета Безопасности ООН. Однако в части, касающейся судьбы Западного берега реки Иордан, возник новый фактор, который не был отражен в данной резолюции. Тогда, как известно, одной из сторон, призванной участвовать в обмене «территории - мир», была Иордания. Однако теперь Иордания отказалась от притязаний на Западный берег, а в роли претендента на эти земли выступают палестинцы, о которых ничего не говорилось в резолюции Совета Безопасности.

Администрация Буша категорически отрицает какие-либо изменения своей позиции по этому вопросу. Формально она выступает против создания палестинского

государства и признает право палестинцев лишь на некую автономию на Западном Берегу и секторе Газы. Создание такой автономии предусматривается кэмп-дэвидскими соглашениями, и на это есть принципиальное согласие Израиля, с той лишь оговоркой, что созданию палестинской автономии должен предшествовать трех-пятилетний переходный период, а также переговоры между Израилем и представителями палестинцев об окончательном статусе этих территорий.

В период кэмп-дэвидского процесса палестинцы с презрением отвергли идею автономии, заявив, что она не дает им ничего, кроме «права собирать собственный мусор». Конечно и речи быть не может, чтобы они пошли на столь унижительную уступку со стороны Израиля. Палестинцы будут твердо отстаивать право на собственную государственность. Однако на данном этапе переговоров они, похоже, сумели извлечь кое-какие уроки из прошлого и теперь соглашаются на автономию в качестве первого шага на пути к созданию собственного государства.

Было бы непростительным самообманом считать игры с палестинским государством лишь попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Палестинцы безусловно попытаются использовать статус автономии для создания собственного государства. Еще большую ошибку совершит тот, кто построит свою стратегию и тактику на предположении, что администрация Буша (если Буш будет переизбран в 1992 г.) в дальнейшем будет противостоять попыткам создать суверенное палестинское государство. Буш не хуже, чем поумневшие палестинцы, понимает, что автономия - лишь промежуточный шаг на пути создания палестинского государства. Единственное, в чем его позиция, видимо, не совпадает с палестинской, это в статусе Иерусалима, ибо президент будет против деления этого города на арабскую и израильскую части и скорее всего выйдет с предложением предоставить Иерусалиму особый статус, подобный статусу Ватикана.

Можно только догадываться о причинах, побудивших Буша и его команду потакать замыслам палестинцев. Однако учитывая, что политическая стабильность всегда была высшей целью политики Буша в любом регионе, а также помня о его взгляде на палестинскую проблему как на главный источник нестабильности на Ближнем Востоке, можно предположить, что в создании независимого палестинского государства Буш видит наилучшую и, может быть, единственную возможность обеспечить мир на Ближнем Востоке. Впрочем, даже эта, на первый взгляд складная, версия политических целей Буша при ближайшем рассмотрении выглядит иррациональной. Ведь палестинское государство не только не может быть гарантом стабильности, но, напротив, станет источником еще большей нестабильности и новых вооруженных конфликтов. Во-первых, как только (и если только) палестинское государство возникнет, оно будет мгновенно «ливанизировано». Начнется яростная борьба за власть между группировкой ООП «Фатх» и мусульманскими фундаменталистами. На каком-то этапе в эту борьбу неизбежно включатся и просирийская группировка, и различные проиорданские и проиракские элементы. Сирия, считающая территории Израиля и Иордании своей южной провинцией, наверняка найдет повод, чтобы вмешаться в ход событий, как это уже не однажды было в Ливане. Израиль, конечно же, воспротивится сирийской экспансии, и война вспыхнет с новой силой и с участием большего числа стран.

Если Израиль проиграет новую войну и будет принужден вернуться к границам 1967 г., он станет намного уязвимее для удара как с моря, так и с Самарийских и

Иудейских высот. Таким образом, возникнет реальная возможность осуществления «вековой мечты» арабов стереть Израиль с лица земли. Если же Израиль одержит в войне победу, то по какой-то чудовищной иронии он вновь овладеет теми территориями, с которых вынужден был уйти в результате «мирного процесса»! Разумеется, возможны и другие сценарии развития событий в регионе, но любой из них, претендующий на реальность, неизбежно включит в себя политический хаос, вспышки терроризма и военные конфликты.

Неудивительно, что большинство израильтян, включая сторонников Партии труда, вполне сознают, как опасно пассивно взирать на создание палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газы.

С другой стороны, большинству израильтян претит мысль подчинять себе другой народ. Они справедливо опасаются, что продолжение оккупации будет оказывать разлагающее влияние на демократические устои и на общественную мораль. Поэтому они заставляют себя верить в автономию как в реальную альтернативу бесконечной оккупации, с одной стороны, и созданию палестинского государства, с другой. Возможно, что и Ицхак Шамир постепенно приходит к убеждению, что палестинская автономия - выход из кризиса, хотя более вероятно, что идея автономии для него лишь повод тянуть время в ожидании, что «либо царь помрет, либо лошадь заговорит», иначе говоря, что какое-нибудь чудо, подобное краху советской империи, случится и на Ближнем Востоке. Но независимо от того, насколько серьезно Шамир относится к палестинской автономии, совершенно очевидно, что ни он, ни кто-либо из его преемников никогда не согласится уступить оккупированные территории палестинскому государству. Правда, непреклонность израильской позиции может быть поколеблена решением США (или угрозой такого решения) «умыть руки», прекратить всякую военную помощь Израилю и предложить еврейскому государству по всем вопросам обращаться в Совет Безопасности ООН. Многим кажется, что подобное развитие событий невозможно. Тем не менее, идея палестинского государства глубоко проникла в умы как американских избирателей, так и «экспертов» по вопросам внешней политики. Разубедить американских лидеров в том, что создание палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа вовсе не приведет к вожделенным миру, стабильности и гармонии, будет весьма затруднительно.

И все же большинство американцев продолжает симпатизировать Израилю, не зная на успехи арабской пропаганды, которая в духе орвелловской антиутопии представляет войну арабов против еврейского государства как войну еврейского государства против арабов. Эти симпатии велики, несмотря на то, что антиизраильские выпады становятся излюбленным занятием журналистов, представляющих все цвета политического спектра. В основе этих симпатий лежит чувство духовной близости, а также общность интересов. И симпатии эти могут проявиться с новой силой, если американский народ поймет, что в случае возникновения палестинского государства и полного ухода Израиля с оккупированных территорий, эта маленькая и многострадальная страна вновь окажется в смертельной опасности. Вряд ли американский народ позволит своему правительству подвергнуть Израиль такой опасности, но для этого необходимо как можно скорее открыть американцам глаза на ту игру, которую затеяла в последнее время администрация Буша, равно как и на безрассудную политику, которую она начала проводить в отношении Израиля. ●

Даниэль ПАЙПС (Нью-Йорк)

ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ – НЕ ВРАГ!

подавляющее большинство американцев, которым небезразлична судьба Израиля, считают, что президент Буш наносит ему ущерб. При этом они ссылаются на целый ряд враждебных акций и заявлений администрации Белого дома – таких, как возмутительное заявление на пресс-конференции 12 сентября прошлого года, грубые выпады против еврейского государства, которые, как утверждают, позволил себе госсекретарь Бейкер, преднамеренная утечка информации о передаче Израилем американского оружия Китаю и поддержка госсекретарем права палестинцев на возвращение. Однако трезвая оценка фактов показывает, что сторонники Израиля неправы.

Начать с того, что и Буш и Бейкер прервали диалог с Организацией освобождения Палестины. Процесс мирного урегулирования, в котором должны были участвовать только Израиль и палестинцы, они расширили, включив в него не менее одиннадцати арабских государств. Дж.Бейкер потратил несколько месяцев на то, чтобы убедить арабов согласиться сесть за стол переговоров на израильских условиях. О принципе «территория в обмен на мир» или же о Иерусалиме нет и речи. Палестинцы, как того и требовали израильтяне, не представлены отдельной делегацией. ООП из процесса мирного урегулирования исключена; палестинцы, живущие за границей, и жители Иерусалима, европейцы и Объединенные Нации никакой реальной роли не получили, да и правительство США может непосредственно вмешиваться в процесс переговоров только в том случае, если об этом попросят обе заинтересованные стороны.

Процесс мирного урегулирования под покровительством Америки исключает вероятность возникновения войны, по крайней мере – в близком будущем. В результате усилий, предпринятых администрацией Буша, – прежде всего, операции «Буря в пустыне», в ходе которой был уничтожен наступательный потенциал Ирака, – угроза войны для Израиля ныне самая незначительная за всю его историю. Далее: Буш достиг того, чего Рейган даже и не пытался добиться, – он убедил Объединенные Нации отменить резолюцию от 1975 г., приравнивающую сионизм к расизму. Администрация Буша сыграла решающую роль в освобождении эфиопских и сирийских евреев. Как бы ни был холоден тон Буша в отношении Израиля, его действия значительно «теплее»!

Да, верно, Америка отказалась гарантировать десяти миллиардный заем на жилищное строительство в Израиле. Но эту проблему, так отравившую американско-израильские отношения, следует рассматривать в исторической перспективе. Американская администрация безоговорочно предоставляет финансовую помощь Израилю в размере трех миллиардов долларов ежегодно – намного больше, чем любой другой стране мира в расчете на душу населения. В прошлом году она поддержала предложение об ассигновании дополнительных 400 миллионов на жилищное строительство и еще 650 миллионов на возмещение ущерба, понесенного во время войны в Персидском заливе. Вашингтон не отказал в гарантии займа, но выдвинул свое условие:

прекратить строительство новых поселений на Западном берегу. Правительство Шамира решило это условие не принимать. Таким образом, это Израиль отклонил американское предложение, а не наоборот.

Если Израиль обойдется без гарантированного Америкой займа, то в долгосрочной перспективе это послужит ему на пользу. Страна нуждается в подъеме собственной экономики, а не в очередной подачке. Зависимость от милостыни мешает развитию хозяйственной деятельности, позволяет политикам откладывать трудные решения. Не получив же искомым гарантий, израильское правительство окажется вынужденным более серьезно отнестись к приватизации: на очереди крупные корпорации (телефонная, химическая, судостроительная).

Гарантировать выживание еврейскому государству всегда было ключевым вопросом американо-израильских отношений; в этой перспективе спор о гарантиях займа представляется второстепенным. Едва ли его можно сравнить с напряженностью в отношениях между двумя странами в прошлом (когда Дуайт Эйзенхауэр заставил Израиль уйти из Синая, когда Джеральд Форд отказался поставить истребители, а Джимми Картер закрывал глаза на нарушения мирного договора со стороны Египта). В общем, в совокупности своей, американо-израильские отношения — это семейные отношения в международной политике.

Американские политики, без устали твердящие о понимании проблем Израиля, быстро приобретают репутацию его друзей. Так, государственный секретарь Джордж Шульц убедительно доказал, что озабочен безопасностью Израиля в долгосрочной перспективе. Однажды, обращаясь к многолюдной аудитории сторонников Израиля, он спросил, может ли ООП стать партнером на переговорах? «Нет!» — загудело в ответ. Тогда Шульц сказал: «Нет, черт побери! Давайте-ка попробуем еще». «Ни в коем случае!», — снова раздалось в ответ. Неудивительно, что Шульц заслужил у сторонников Израиля любовь и уважение.

В противовес этому, Дж.Бейкер никогда не делает пустых заявлений в пользу Израиля. Когда дело касается еврейского государства, он ведет себя либо индифферентно, либо даже враждебно. Но стиль поведения политика не так важен, как его дела. В декабре 1988 г. Джордж Шульц сделал шаг, чрезвычайно болезненный для сторонников Израиля, установив официальные отношения с ООП. Друзья Израиля подняли кампанию протеста, и лояльность бывшего госсекретаря по отношению к Израилю взяла верх. Таким образом, политик, связанный по рукам и ногам обещаниями, не способен ничего добиться. С другой стороны, высокомерный тон по отношению к Израилю со стороны Бейкера и режущие слух осуждения этой страны президентом Бушем создают впечатление, что они ничего не делают в пользу Израиля. Даже тогда, когда они делают для него очень много, прерывая, например, диалог с ООП.

В необычном заявлении об эмоциональных основах американо-израильских отношений Джордж Буш недавно заметил: «Я хочу верить, что мерилом хороших отношений является умение сторон спорить по отдельным вопросам, не подвергая при этом риску фундаментальные основы дружбы. Таковы были наши отношения с Великобританией, такими они должны стать и с Израилем».

Он прав. Настало время закрыть глаза на тон и стиль и взглянуть на факты. Если администрации Буша следует осознать решающую роль эмоций в американо-израильских отношениях, то сторонникам Израиля следует хладнокровно признать положительные дела Буша-Бейкера и то, какую роль они играют на самом деле.

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН (Берлин)

ЛЕТИТ СЕБЕ АЭРОПЛАН

Свободная фантазия по мотивам жизни и творчества Марка Шагала

Ехали в автомобиле и молчали.

– Горький, – наконец сказал Луначарский, – я поведу вас к Горькому. Он сейчас болен, но он нас примет. – Шагал ничего не ответил. – Конечно, – сказал Луначарский, – всякий глубинный поворот связан с перебором, с излишествами. Вспомните историю любого общества. Государство, по мнению Маркса, есть органическое насилие над подчиненными.

– Но можно ли насилием добиться всего? – спросил Шагал. – Не напрасно в Священном писании есть фраза, что хорошо, когда слуга служит не за страх, а за совесть.

– Вот-вот, – сказал Луначарский, – эксплуататорские классы всегда стремились сделать совесть моральным полицейским. Тем более, что именно они объясняют, что такое совесть: трудиться, терпеть, ждать награды за гробом. Выгоды совести заключаются в том, что при ней нет нужды следить за человеком. Совесть это недремлющее полицейское око, которое учит, что существует всевидящий Бог и незримые духи. Но наша новая пролетарская мораль заменяет совесть, которая дана милостью Божьей, революционным долгом. Мы нашли совершенно иной путь, чем тот, который предлагал Достоевский, а вместе с ним и вся буржуазная мораль. Мы отвергаем путь, при котором совесть грызет зубами провинившуюся душу.

– Но каков же ваш путь? – спросил Шагал.

– Путь, при котором судья всякого поступка должен стать не индивидуум, а общество, все общество.

В большой, оклеенной розовыми обоями комнате с лепным потолком, видно бывшей купеческой спальне, Горький лежал на кровати, окруженный секретарями, и харкал попеременно то в плевательницу, то в платок. Шагал сел на предложенное ему мягкое кресло, стараясь не смотреть на безвкусные картины, украшавшие стены.

– Позвольте, многоуважаемый и всегда дорогой мне Алексей Максимович, – говорил Луначарский, – представить вам, собирателю и ценителю новой революционной культуры, этот самородок, которого зовут Марк Шагал.

– Мне уже говорил о нем Исая Добровейн как об очень талантливом скрипаче.

– Нет, я художник, – сказал Шагал.

– Это очень талантливый художник, – сказал Луначарский, – я ещё до революции опубликовал о его картинах статью в киевской газете...

– Да, да, теперь я вспоминаю, – сказал Горький, – вы из декораторов-машинистов.

– Нет, я предпочитаю индивидуальную живопись, – сказал Шагал.

– Я знаю, у каждого живописца есть любимые краски, – сказал Горький. – Какие ваши любимые краски?

- Лиловая и золотая.
- Очень индивидуалистические краски. Краски пессимизма. Я лично предпочитаю красное и голубое.
- Я это понял, – сказал Шагал.
- Откуда? – удивленно спросил Горький.
- По картинам, которые висят у вас на стенах.
- Они вам не нравятся?
- Это не мое искусство.
- А революция вам нравится? – неожиданно спросил Горький.
- Я полагаю, что революция могла бы стать великим делом, если бы она сохранила уважение человека к человеку, – сказал Шагал.
- Мы только что были в тюрьме, – сказал Луначарский, – очевидно из-за этого у Марка Захаровича такой пессимистический тон.
- Вы ездили туда со списком? – спросил Горький.
- Да, Алексей Максимович. Но Дзержинский сократил этот список больше чем на половину. Говоря точнее, на две трети. Выпустили только десять человек.

Горький вздохнул.

– Русская действительность – не то лекарство, которое могло бы излечить молодого человека от пессимизма. И тем не менее надо работать. Надо дело делать.

– Марк Шагал не марксист, – сказал Луначарский, – но он талантливый и порядочный человек. Я хочу послать его в его родной Витебск комиссаром по делам искусств.

– Это хорошая идея, – сказал Горький. – Кстати, у меня есть интересный проект, составленный Луньковым, о создании в каждом крупном городе академии живописи, музея, консерватории, литературного объединения. Милый Анатолий Васильевич, я хотел бы, чтобы вы как можно скорее созвонились с Луньковым и попросили бы его, чтоб он составил подробный проект для Наркомпроса.

– Луньков в тюрьме, – тихо сказал Луначарский. – Дзержинский вычеркнул его из списка.

Горький закашлялся, харкнул в плевательницу, потом в платок.

– Карп Тимофеевич, – сказал он одному из секретарей, – немедленно соедините меня с Дзержинским. – Он положил трубку. – В моменты великих преобразований мы должны быть особенно чужды пессимизму, который навязывают нам силы прошлого... Человек имеет право и обязан защищать свои интересы, ибо нет ничего выше человека, все для человека. Все ради человека... – Зазвонил телефон. Горький взял трубку. – Да, да, Алексей Максимович. Я просил Феликса Эдмундовича. На совещании у товарища Ленина? Надолго? Я насчет товарища Лунькова, – Горький слушал несколько минут, потом повесил трубку. – Луньков пять минут назад расстрелян, – сказал он глухо и, отвернувшись к стене, вытер глаза.

Луначарский вынул карманные часы.

– Они обычно расстреливают перед ужином, – сказал он, – сейчас пять минут восьмого.

– Алексей Максимович утомлен, – сказал секретарь, давая понять, что аудиенция закончена.

– Где ты пропадал? – тревожно спросила Белла. – Я уже думала, тебя арестовали. Я сама чуть не попала сегодня на рынке в облаву, но зато достала морковный чай и пшеничную крупу.

– Я устал, и у меня болит голова, – сказал Марк, – У меня был тяжелый день. Но зато теперь окончательно решено – мы бросаем Петербург и воз-

вращаемся к нам в Витебск. Нарком Луначарский назначил меня туда комиссаром искусств.

– Вместо того, чтобы мирно писать картины, ты становишься комиссаром, – сказала Белла.

– Я не просто становлюсь комиссаром, я еще основатель и директор художественной академии. Я очень рад. Какое счастье.

– Какое безумие, – сказала Белла.

– Товарищи, – торжественно произнес Зуси, – как председатель союза витебских парикмахеров рад объявить, что на нашем профсоюзном собрании, которое проводится без отрыва от производства, в качестве клиентов-соколадчиков присутствуют комиссар по делам искусств товарищ Марк Шагал (аплодисменты) и комиссар ЧК товарищ Соломон Виленский.

В парикмахерской, украшенной флагами и плакатами, сидели клиенты с красными бантами на груди, и парикмахеры с красными бантами брили их, стригли и мыли головы.

– Товарищи, – продолжал Зуси, намыливая щеку Шагалу, – прежде чем перейти к нашим достижениям, хочу по-большевистски сказать о наших недостатках. Правильно ли выполняются постановления о борьбе с эпидемическими заболеваниями среди парикмахеров? Нет, товарищи. За примерами недалеко ходить. Парикмахеры, страдающие кожными заболеваниями, не должны допускаться к работе, а Князевкер Фима, имея сыпь на теле, брил клиента. То же самое можно сказать о Шраеме Лёве.

– Товарищ председатель, – сказал Шраем Лёва, – моя сыпь не заразная, а, как объяснил фельдшер, от большого потребления редьки.

– Прошу не перебивать докладчика, товарищ Шраем Лёва, – сказал Зуси, – лучше обратите внимание, как вы стряхиваете волосы с клиентов. Стряхивание волос с клиента должно производиться осторожно, без образования пыли от костюма. Вот так, как я стряхиваю волосы с костюма товарища Шагала. Товарищ Душкин Иуда, напрасно вы улыбаетесь. На вас мне уже писали жалобы, что во время бритья вы суете свои грязные пальцы клиенту в рот.

– Мыла не выдают, – обиженно сказал Душкин. – Вы, товарищ Локшинзон Зуси, должны лично заботиться о нуждах профсоюза.

– Товарищи, – сказал Зуси, – прекратим ненужные разговоры и, как учат большевики, сделаем правильные выводы своих недостатков. Слово имеет наш уважаемый комиссар по делам искусств товарищ Шагал.

– Товарищи, – сказал Шагал, – сограждане мои. Я счастлив, что накануне празднования первой годовщины Октябрьской революции возвратился в Витебск, свой родной город, чтобы создать здесь Академию искусств. Отныне все малярные и вывесочные работы будут производиться только через нашу Академию искусств. И я тоже всю мою живопись отдам нашей витебской Академии, нашему городу. Пусть мои эскизы перенесут на большие холсты. Пусть маляры, бородатые старцы и юные подмастерья, копируют моих коров и лошадей. Двадцать пятого октября мои пронзительно-яркие животные будут покачиваться над городом, вздуваемые ветром революции под пение Интернационала. (Аплодисменты.) Я уверен, что рабочие своими улыбками покажут: они понимают меня и мое искусство.

– Товарищ Шагал, скажу вам прямо, по-большевистски, – произнес Соломон Виленский, которому парикмахер Князевкер мыл голову, – по этому поводу у нас на заседании губисполкома были серьезные сомнения. Почему, товарищ Шагал, у вас корова зеленая? Почему лошадь летит в небесах? Я сын простого биндюжника, вырос среди лошадей. Все это, товарищ Шагал, буржуазные фантазии. Что это вы себе позволяете? При чем тут Ленин и Маркс? Кстати, о Марксе. Я знаю, что вы прибыли в наш город с важным мандатом, но почему вы до сих пор не выполнили заказ по изготовлению к октябрьским праздникам шести бюстов Маркса для установки на улицах?

– Мы не можем лепить великих людей из цемента. Бюст, который вы установили на вокзальной площади, превратился в бесформенную кучу, пугая лошадей извозчиков, стоянка которых находится напротив.

Зуси засмеялся, найдя слова Шагала забавными, но под ледяным взглядом Виленского замолк.

– За такие слова и такой смех можно понести наказание по всей строгости революционного закона, – сказал Виленский. – Товарищи, несмотря на успехи революции во всем мире, образование советской Баварии, советской Венгрии, советской Латвии, в нашем городе Витебске контрреволюция подняла голову. Русские, белорусские и еврейские контрреволюционеры. Особенно бундовцы и сионисты. Так, дочка еврейского сиониста доктора Литвака, бежавшего в Палестину, Анна Литвак, ведет спортивную гимнастическую секцию. И все это делается на средства, собираемые синагогой. Товарищи, губисполком постановил все средства, собираемые синагогой, конфисковать. Нам, товарищи, срочно нужны средства на нужды революции, и комбеды постановили обложить штрафом все буржуазные элементы.

– А почему вы оштрафовали цирк, который я пригласил для выступления на детских праздниках? – спросил Шагал.

– Цирк оштрафован на десять тысяч, – сказал Виленский, – за то, что своими афишами он заклеил объявление о партийном собрании. Мы будем беспощадно бороться с любым проявлением контрреволюции. Никакой пощады врагу. Скоро у Николаевского собора состоится публичная казнь поручика Закоржицкого, создавшего в лесах контрреволюционный партизанский отряд. Наше профсоюзное собрание в полном составе немедленно должно отправиться на это важное мероприятие. – Виленский решительно пошел к выходу. Парикмахеры и клиенты потянулись за ним.

– Ты не идешь? – тихо спросил Шагала Зуси.

– У меня щека не добрита, – ответил Шагал.

– Я вынужден идти, – сказал Зуси и развел руками.

Шагал молча сидел с намыленной щекой в опустевшей парикмахерской. Было тихо. стучали настенные ходики. «Ку-ку!» – выкрикнула из часов кукушка. Раздался залп.

Звучал Интернационал. Октябрьские колонны демонстрантов шли мимо трибуны. Вожди города приветствовали их. Шагал как комиссар по делам искусств тоже стоял на трибуне, но в задних рядах.

– Да здравствует мировая революция! – кричал в рупор председатель губернского совета Жигарев.

– Ура!!! – хором отвечали из колонн.

В шестии участвовало несколько автомобилей, легковых и грузовых, телеги, запряженные лошадьми, всадники. По площади шли рабочие с молотами, крестьяне с серпами. Профсоюз парикмахеров держал в руках бритвы и помазки. Наконец показались студенты Академии искусств. На грузовике ехали преподаватели и студенты, одетые в разнообразные костюмы и маски, и хором декламировали:

– Дыр, бур шил, ущебур, скум вы со бу эр эл э з...

Председатель губсовета рассмеялся.

– Мне нравятся эти молодые революционные хулиганы, – сказал он, – вспоминается собственная революционная молодость. Баррикады. Дымящиеся лужи алой крови. Огонь браунингов. А кто этот, в костюме авиатора?

– Это Казимир Малевич, – сказал Шагал, – преподаватель нашей Академии.

– Тот, который красил нам трибуну, – сказал Жигарев, – такой истинно революционный красный цвет. Только непонятно, почему он всюду нарисовал аэропланы и рыбы?

– Это супрематизм, – сказал Шагал, – освобождение предметов от их первоначального смысла.

– Вам это нравится?

– Признаться, не очень, – сказал Шагал, – но я хочу, чтоб в моем училище были представлены все художественные направления, поэтому я пригласил Малевича и дал ему квартиру. Я надеюсь, что со временем наша Академия станет широко известна. Но нам не хватает денег. Я много раз обивал пороги исполкома, ходатайствуя о кредитах.

– Что ж, по-вашему, товарищ Шагал, – сказал Жигарев, – мы в первую очередь должны отремонтировать мост или тратить деньги на искусства?

Мимо трибуны шли физкультурники и пели.

– Дерзости – слава! – крикнул в рупор Жигарев. – Да здравствует красный спорт!

– Товарищ Жигарев, – тихо сказал Виленский, – среди красных физкультурников шагают и сионисты из общества «Поалей Цион» во главе с Анной Литвак. Это сионизм, освеженный в советских условиях, покрытый позолотой покорности. Давно надо закрыть все сионистские организации в городе, а заодно и синагогу превратить в Дом атеиста.

Раздались выстрелы. По площади шли красноармейцы и стреляли в воздух. Везли орудия.

– Мировому коммунизму, – крикнул Жигарев, – ура!!!!

– Ура! – Подхватили сотни красноармейских глоток.

Послышался рокот мотора. Низко над демонстрацией летел аэроплан и волочил за собой плакат: «Красный 1919 год».

– Аэроплан, аэроплан! – закричали вокруг.

– Аэроплан, – сказал Зуси, глядя на небо и прикрыв глаза ладонью, как козырьком.

– Аэроплан – это победа над солнцем! – скандировали Малевич и его окружение. – Аэроплан, как Маяковский, летит вне пространства и времени. Когда приход его мятежом оглашая, выйдите радостные. Вам я душу вытащу, растопчу, чтоб большую и окровавленную дам как знамя.

Повсюду были слышны крики приветствий и звуки оркестров. От мощных воздушных струй гнулись деревья, кое у кого слетели с головы шапки, лошади становились на дыбы. Вдруг выбежал седой старик с развевающейся бородой, с безумными глазами и поднял руки к небу, что-то крича. Это был Захария Шагал. Милиционер пытался увести его, но он, отталкивая милиционера, продолжал кричать.

– Люди, опомнитесь! – кричал Шагал Захария. – Ведь Бог тоже может испугаться!

– Пойдем домой, отец, – сказал Марк, подбегая.

Захария обнял Марка и заплакал. Слезы текли по его белой бороде.

– Что ты плачешь, отец? – спросил Марк.

– Я скоро умру, мне это не страшно, – сказал Захария, – но ты еще долго будешь жить с идолами. Мне тебя жалко...

В переполненном зале Академии искусств на сцене расположились участники предстоящего диспута между Шагалом и Малевичем. В центре – председатель, слева – Малевич, несмотря на свой радикализм в строгой пиджачной паре при галстукке, справа – Шагал в косоворотке и кожаной куртке. За спиной каждого из участников располагался небольшой хор для поддержки основных идей. У Малевича в хоре преобладали женщины. На стенах были развешаны образцы живописи обоих дуэлянтов. Акварели Шагала и геометрически выстроенные фигуры Малевича.

– Начинаем театрализованный диспут на тему «Формы и краски» между товарищами Шагалом и Малевичем. Дуэлянтов ко мне. Орел или решка?

– Орел, – сказал Малевич.

– Ваше начало, Казимир Малевич, – сказал председатель.

Малевич и Шагал разошлись по местам и стали впереди хоров.

– Моя основная идея, – сказал Малевич, – самостоятельная жизнь красок и форм. Супрематизм – освобождение живописи от предметов и, в конце концов, от красок.

Хор, в котором преобладали женские голоса, подхватил:

– Освободим живопись от предметов и красок!

Раздались бурные аплодисменты почти всего зала.

– Моя основная идея, – сказал Шагал, – писать инстинктивно – так, как поют птицы. Супрематизм Малевича – не живопись, а геометрия, все продумано головой и писано циркулем, а не создано живой рукой и сердцем.

– Супрематизм – не живопись, а геометрия! – подхватил хор Шагала. В зале раздались нестройные хлопки.

– Для живописца недостаточно быть умелым и ловким ремесленником, – сказал Шагал, – надо любить холст, на котором пишешь. У Ренуара по этому поводу есть замечательное высказывание о Веласкесе. Это восхищает в Веласкесе. Его картины дышат радостью, которую художник ощущал, работая над ними. Этой радости недоставало Ван Гогу. Ван Гог очень хороший живописец. Но его холст не обласкан влюбленной кистью.

– Какая еще влюбленная кисть! – крикнула из зала девушка в кожанке.

– Долой птичью живопись! – крикнул взлохмаченный юноша. – Нас не удовлетворяют картины, писанные киселем и молоком. Мы живем в революционное, бурное, но разумное время. Мы живем в познаваемом мире, а не в мире придуманных сказок Шагала.

– Да, сказка – это неправильность, – сказал Шагал, – но эта неправильность противостоит однообразию, которое несут в себе правильности кубизма и супрематизма. Супрематизм стремится ввести в искусство науку, но искусство отличается от науки именно неправильностью.

– Что вы понимаете под неправильностью, – выкрикнул кто-то из зала, – неумение?!

– Нет, я имею в виду именно неправильность, – сказал Шагал. – Например, весь дух готики в неправильности. Возьмите готическую колоннаду, главный мотив которой – капустный лист. Вы не найдете ни одного листа, который был бы похож на другие. В этой непохожести – особая природная гармония. Как бы вы ни колдовали линейкой и циркулем в своем супрематизме, вам не достичь такой гармонии, вам не избежать однообразия.

– Однообразие – это хорошо, – сказал Малевич. – Новая архитектура в будущем примет вид строгой супрематической симметрии. Все архитектурные ансамбли будут строго связаны с формой и краской. Супрематизм – это вариации и пропорции цветных форм.

– Супрематизм – вариации и пропорции цветных форм в архитектуре, скульптуре, живописи! (Бурные аплодисменты.)

– Для меня живопись это капустный лист, а не квадрат, – сказал Шагал, – но капустный лист свободной окраски, голубой, лиловой, синей.

– Голубым капустным листом можно отравиться, – выкрикнула дама, – здоровый человек таким листом лишь расстроит себе желудок! (Смех в зале.)

– Случайно ли, что у товарища Малевича на картинах летают аэропланы, – сказал лохматый студент, – а у товарища Шагала – ангелы, коровы и влюбленные мешане?

– Вам, товарищ Шагал, наверно, нравится стишок «По небу полуночи ангел летел и тихую песню он пел»?

– Нравится, – сказал Шагал.

– А нам, молодежи, нравятся футуристы. «По небу полуночи ангел летел» – это стихи, построенные на ла-ла-ла, ти-ти-ти. (Смех.)

– Безголосая сливочная тянучка, литературщина, как и в ваших сказочных картинах, Шагал, – сказал Лохматый.

– В одной строчке Крученных больше национального, чем во всем Пушкине! – выкрикнули из зала.

– В геометрии товарища Малевича больше национального, чем в сказках Шагала! – выкрикнула дама.

– Товарищ Шагал упрекает меня и супрематизм в том, что я ввожу в живопись геометрию, – сказал Малевич. – Да, в супрематизме предметы разделяются на геометрические формы, режутся на геометрические формы, на динамические конструкции, из которых они состоят. Природа не умеет совершать то, что умеет совершать естественная наука. Задача живописи, задача искусства – не отражение жизни, а познание жизни. Жизнь нельзя познать, не разрезав на части, как человека нельзя познать, не анатомируя его. Вот почему важным атрибутом моих картин является пила – символ разрыва предмета на отдельные куски. Так живопись уходит от предмета.

– Живопись уходит от предмета, живопись уходит от предмета! – подхватил хор. (Бурные аплодисменты.)

День уже померк. В зале было накурено. Малевич расстегнул рубашку, галстук у него сбился. Шагал снял кожаную куртку, говорил охрипшим голосом.

– Я никогда не уходил и не уйду от предмета, – говорил Шагал. – Вы, товарищ Малевич, хотите освободить живопись от предметов, а я освободил предметы от тяжести.

– Не только от предметов, но и от красок, – сказал Малевич. – Задача живописи – преодоление. Как аэроплан преодолевает закон всемирного тяготения, так современная живопись преодолевает классическую перспективу Ренессанса, которая со времен Уччелло и Джотто влечет ее к земле. Мою картину «Авиатор» я считаю программной. Авиатор поднимается в воздух, преодолевая прошлое, навстречу черному затмению солнца, навстречу черному квадрату. Земные законы больше не касаются его, и потому портрет «Джоконды», построенный по земным законам, перечеркнут.

– Портрет «Джоконды» перечеркнут! – скандировал хор Малевича. (Аплодисменты.)

– Я начинал как импрессионист, – сказал Малевич, – чтоб прийти к футуризму и, наконец, к супрематизму. В импрессионизме и кубизме цвет еще служил предметам. Супрематизм дает краске и форме самостоятельную жизнь. Отсюда черный квадрат. Предмета нет, живет краска.

– Предмета нет, живет краска, предмета нет, живет краска! – подхватил хор.

– Одна только черная краска сама по себе жить не может, – сказал Шагал, – импрессионисты вообще отказались от черной краски, которую они не считали цветом.

– Черная – не цвет?! – воскликнул Малевич. – Даже Ренуар превозносил черную краску. Самая красивая краска – это черная, особенно изготовленная на женой слоновой кости. Я пробовал заменить черную краску смесью красной с синим кобальтом, но из этого ничего не вышло.

– Преодолевая краску и предмет в живописи, вы в конце концов преодолете саму живопись, – сказал Шагал. – Следующим шагом после вашего черного квадрата должен быть чистый лист бумаги.

– Это была бы гениальная картина, – сказал Малевич, – к сожалению, я этого еще не достиг, но я стремлюсь к этому. В отличие от вас, товарищ Шагал, я никогда не слушал отцов живописи – ни Ренуара, ни Рембрандта, ни Веласкеса, ни других, хоть знаю их достаточно хорошо. Вы, Шагал, идете по ступеням, а я – сам ступень. (Бурные аплодисменты.)

– Долой Шагала! – слышались крики из зала. – Да здравствуют Малевич, Крученных, Маяковский!

Шагал трясущимися руками собирал бумаги в портфель.

– Ура! Bravo Малевич! – кричали из зала.

Председательствующий зазвонил в колокольчик.

– Прошу внимания присутствующих! – говорил председатель. – Завтра в пролетарском клубе концерт балалаечного оркестра еврейских коммунистов в пользу профсоюза обработчиков кожи. В антракте американская лотерея. Будут разыграны галоши и продукты продовольствия.

– Вот благодарность людей, – мрачно говорил Шагал, идя по улице рядом с Беллой. – Я выбиваюсь из сил, добывая необходимые для училища, пышно именуемого Академией, пособия, деньги, краски, я обиваю пороги, чтоб освободить студентов от военной службы. И что я слышу в ответ – долой Шагала!

– Я говорила тебе, что это плохо кончится, – сказала Белла. – Ты художник, тебе надо писать картины, зачем тебе нужна была эта глупая Академия?

– Ты, как всегда, права, – печально сказал Шагал. – Когда я научусь слушаться тебя? Но все-таки мне хотелось собрать молодых людей и приобщить их к искусству.

– Ты собрал вокруг себя полукультурных учеников и хотел в двадцать четыре часа превратить их в гениев. Вот тебе и результат.

– Нет, замысел был хороший, – сказал Шагал, – но меня погубила моя доброта. Стоило лишь кому-нибудь высказать желание преподавать в моем училище, как я сразу же его приглашал. Даже Малевича, хоть я знаю, что он меня ненавидит.

Подходя к дому, Шагал увидел Зуси и еще какого-то человека в извозчикьем плаще.

– Я тебя давно жду, – сказал Зуси, – а это – Моисей Грубман, председатель профсоюза извозчиков.

– Нам, извозчикам, товарищ Шагал, – сказал Грубман, – очень нравится, как вы рисуете лошадей. Конечно, есть некоторые несознательные. Один мне говорит: лошадь зеленой не бывает. Дурак так рисовать может. А я ему отвечаю: хороший человек всегда немного дурак.

Шагал засмеялся.

– Это правда, – сказал он.

– Мы присутствовали на вашем собрании, – сказал Зуси, – и считаем его буржуазной вылазкой. От имени наших профсоюзов мы хотим написать об этом в горком.

– Не надо, Зуси, – улыбнулся Шагал, – я сам разберусь.

– Но ведь хочется как-то тебе помочь, что-то для тебя сделать, – сказал Зуси.

– Подари мне свои новые стихи, – сказал Шагал.

– Откуда ты знаешь, что я пишу стихи?

– Я читал в «Витебском листке».

– Да, действительно, я напечатал свои стихи про парикмахера. Но теперь я написал стихи про аэроплан, они тоже скоро будут напечатаны. Вот послушай: «Летит себе аэроплан, он завоевывает воздух»...

– Замечательные стихи, – сказал Шагал, – спасибо тебе, Зуси.

Взял листок со стихами. – И вам спасибо, товарищ Грубман.

– Как фамилия того, кто про вас сегодня нехорошо говорил? – спросил Грубман.

– Малевич.

– Хотите, мы, извозчики, его побьем?

– Нет, спасибо, – улыбнулся Шагал, – но я обязательно сделаю доклад о законах живописи в профсоюзе извозчиков. Мне кажется, я найду там более достойную аудиторию, чем в Академии искусств.

– Правда, замечательные стихи, – сказал Шагал, когда сели ужинать. – «Летит себе аэроплан, он завоевывает воздух. А я имею маленький план – ух! – подняться немного на воздух».

– По-моему, idiotские стихи, – сказала Белла.

– Ты ничего не понимаешь, – сердито сказал Шагал, – это Маяковский и Крученых пишут idiotские стихи. А в Зусиных стихах про аэроплан – искренний порыв темной безграмотной души к поэзии, к свободе. Истинная свобода возможна только в воздухе, в полете. Свобода от давящих на нас законов бытия. Это мне так понятно, я сам так начинал. Ты этого не понимаешь, потому что выросла в буржуазной семье.

– Нам с тобой, Марк, еще не хватает классово́й борьбы внутри нашей семьи, – сказала Белла. – Тем более, что я уже давно не дочь богачей. Пролетарская власть конфисковала у нас даже ложки. Моих родителей несколько раз арестовывали, вымогая деньги. Ты так ничем и не помог им. Ведь ты комиссар.

– Я комиссар по делам искусств, а искусство им не нужно. Поэтому я ничем не могу помочь и незачем меня упрекать, – он отодвинул тарелку с недоеденной кашей и подошел к мольберту. – Давно не брал в руки кисть, – сказал он, – отчего так темно?

– Я сейчас еще зажгу свечи, – торопливо сказала Белла и начала расставлять вокруг мольберта свечи.

– Теперь очень ярко, – раздраженно сказал Шагал, – ты хочешь меня ослепить? – Он задул свечи. – Пойду пройду, голова болит.

Шагал одел поверх куртки солдатскую шинель, подпоясался ремнем и вышел.

Эль Лисицкий,
«Белорусские фантазии»
1919–1922

Эдуард ШУЛЬМАН (Москва)

ДНЕВНИК, РАПОРТ, СТИХОТВОРЕНИЕ

*Нерушимая свобода частной жизни
и радость общения с умными людьми
отвечали всем его желаниям.*

Шиллер, «Духовидец»

15 октября 1827 года.

Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в двенадцать часов утра, застал я проезжающего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Меж тем я обедал.

При расплате недостало пяти рублей. Я поставил на них, и карта за картой, проиграл тысячу шестьсот. Расплатился довольно сердито, взял займы и уехал, очень недоволен собою.

На следующей станции нашел Шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать первые строчки – вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем.

– Вероятно, поляки? – сказал я хозяйке.

– Да, – ответила она, – их нынче отвозят с допросов.

Я вышел взглянуть.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черной бородкою, в фризовой шинели, и с виду – настоящий жид. За коего и был мною принят. И неразлучные понятия «жида» и «шпиона» произвели во мне обыкновенное действие, – поворотился спиною, воображая себе, что был он затребован в Петербург для доносов и объяснений.

Однако же тот, кого принял я за жида, взглянул на меня с живостью. Я невольно обратился к нему. Мы оба пристально смотрим – и я узнаю Кюхельбекера.

Кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством – я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнаю, что везут их из Шлиссельбурга.

Но куда же?

* * *

Господину дежурному генералу Главного Штаба
фельдъегеря Подгорного

Р а п о р т

Отправлен я был сего месяца двенадцатого числа в город Динабург с государственными преступниками. И на пути, на станции Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева некто господин Пушкин. Начал поцелуями, а после с ним разговаривал.

Дабы помешать оному, повелел я отвезть арестанта за полверсты, а сам остался для прописания подорожной и заплаты прогонов. Но господин Пушкин просил меня взять для Кюхельбекера денег... кричал, и угрожая мне, говорит:

— По прибытии в Санкт-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распротиться с другом, так и дать ему на дорогу денег. Сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу.

О себе господин Пушкин с угрозой объявил, что сам был посажен в крепость, а потом выпущен. Почему я еще более препятствовал иметь им сношения.

А преступник Кюхельбекер сказал мне:

— Это тот Пушкин, который сочиняет.

* * *

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
и в мрачных пропастях земли!

* * *

Все приведенные выше отрывки заимствованы у классика (смотри Пушкин, Собр. соч. в 10 тт., т. III, стр. 35 и т. VIII, стр. 20–21, 497–98) и сопоставлены в данной последовательности Н.Я.Эйдельманом (смотри Эйдельман, «Прекрасен наш союз», М., 1979).

Действуя свойственным нам способом, мы печатаем документы подряд, не разрезая фразами-связками, но вторгаемся в текст непосредственно, переписывая его (в том числе и классический) на свой лад (н а к о й л я д?!).

Кроме того, в книге Эйдельмана убраны из дневника классика, полагаю, для общей стройности, упоминание о нации (на три буквы), ее внешних признаках и неразлучных понятиях.

Генрик БРОДЕР (Тюбинген)

ПРОФЕССИЯ - ГОЛОКАУСТ

Чем дальше уходит от нас Третий рейх, тем больше создает он... рабочих мест. Если в свое время «тысячелетний» помог сотням тысяч безработных найти работу, будь то на строительстве автобанов, в службе безопасности, в спортивных организациях или в «Союзе немецких девушек», то ныне преодоление той эпохи ведется в сходных масштабах.

Третий рейх похож сегодня на неисчерпаемую каменоломню, где добывают громадные глыбы, которые затем профессионально дробят на малые плиты, а уж потом продают в розницу. Отрасль эта столь же многообразна, как и предлагаемая ею продукция. Она занимает теперь исследователей и историков, издателей и журналистов, художников и кинематографистов, документалистов и эссеистов, политологов и педагогов, дидактиков и диалектиков. Причем каждому из «производственных отделов» сопутствует целый обоз критиков, определяющих, что именно эти производители (или, вернее, воспроизводители) сделали неверно, какие ошибки необходимо исправить и т.д. Речь, безусловно, идет о над-конфессиональных, вне-национальных и междисциплинарных проектах, начало которым было положено в Освенциме, а завершение видится в бесконечности.

В Лос-Анджелесе мне довелось повстречаться с группой молодых людей, именующей себя Acts of reconciliation (Акт примирения). В эту группу входили немцы из Германии и немецкие евреи, проживающие в Калифорнии. Они регулярно встречались, чтобы разыгрывать сцены из жизни концентрационных лагерей, причем одни из них играли роль жертв, другие - палачей. Затем они менялись ролями: жестокие эсэсовцы превращались в запуганных, отчаявшихся евреев, а те, которые только что изображали перед рампой евреев, становились садистами-немцами. Участники представления забавлялись вовсю. По окончании действия все вместе отправлялись ужинать.

Третий рейх безусловно представляет собой материал, который буквально требует драматургического воплощения. Мания величия и комизм, свирепость и сентиментальность, жестокая власть и мещанская затхлость - все это, взятое вместе, обладает неотразимой притягательностью. Не случайно лучшим отображением этой фантазмагии стали два фильма, созданные еще в период существования Рейха: «Диктатор» Чарли Чаплина и «Жизнь и небытие» Эрнста Любича. Трудно вообразить более точные документальные ленты, нежели обе эти комедии.

После войны выжившие старались преодолеть пережитое, передавая свой опыт новым поколениям. Такие авторы, как Х.Адлер, Эуген Коен и Иозеф Вульф, опубликовали первые документальные материалы о нацистской системе, о жизни и смерти в лагерях. Однако вплоть до шестидесятых годов ни читатели, ни издатели не проявляли сколько-нибудь заметного интереса к публикациям такого рода. Для тех, кто сосредоточил внимание на судьбах выживших людей, ситуация стала более благоприятной спустя двадцать лет. Фильм, снятый Франсом ван дер Мойленом и мной на материале Иозефа Вульфа, собирал много зрителей и получил лучшую критику, чем все книги Вульфа вместе взятые. Его авторская неудача легла в основу нашего успеха. Ну а телевизионный сериал «Голокауст» потряс до глубины души больше людей, нежели все аутентичные воспоминания, уже опубликованные к тому времени в печати.

Если свидетелям нацистских преступлений приходилось бороться за внимание и понимание общественности, то работы последующего десятилетия, опирающиеся на рассказы этих самых свидетелей, вызывали к себе огромный интерес. В этом, конечно, можно усмотреть большую несправедливость; но надо помнить, что настоятельная необходимость зафиксировать рассказы очевидцев возникла тогда, когда время было уже на исходе: те, кто выжил, - старели, болели и уходили из жизни. Документальные фильмы, впрочем, были не менее ценны, их авторы преимущественно оставались в тени, предоставляя слово непосредственным свидетелям. Это относится, в частности, к Эбергарду Фехнеру и его фильму о процессе Майданека. Само собой разумеется, что наряду с удачными работами появлялось и немало слабых. Ведь каждая община считала себя призванной публиковать «сборники памяти» - «Евреи в...», «Евреи из...», «Гибель еврейской общины во время...». Местные летописцы тщились восстановить каждую могильную плиту, и только там, где дело касалось «ариизированных» еврейских предприятий, историческая достоверность утрачивалась.

После того, как вторая фаза «освоения минувшего» завершилась, когда не осталось почти ничего не задокументированного, ибо уже выставлены на обозрение последние детские рисунки, разысканы последние фотографии и опубликованы все стихи, написанные в гетто, изучение Голокауста вступает в новую стадию; историзм уступил место академизму и ритуалу. Сменив документалистов, этой неисчерпаемой темой занялись теоретики, в который раз доказывая, что катастрофы вчерашних дней поставляют обширный материал для грядущих докторских диссертаций.

В ряде университетов США введена специальная дисциплина - «Holocaust Studies». В то время как иные студенты специализируются на истории древней Спарты или гражданской войны в Америке, другие столь же серьезно изучают проблему массового истребления людей в Европе. «Holocaust Studies» пока еще являются факультативным предметом, но недалеко то время, когда он будет возведен в ранг основной дисциплины. Вскоре появятся и первые ученые-голокаустологи, сокращенно - Dr.Hol. Одновременно по всей стране, во всех ее университетах перманентно проводятся конференции по Голокаусту, на которых рассматриваются, дискутируются и научно обосновываются всевозможные аспекты этой темы, например: «Значение Голокауста и памяти о нем для американских евреев» или

«Немецкая позиция по отношению к евреям и своему прошлому - Голокауст как исторический симбиоз и память».

Мы привели здесь всего лишь две темы большой конференции, которая проходила нынешней зимой в три приема - в Вашингтоне, Берлине и Иерусалиме. Подобно гарлемским баскетбольным шоу-командам, гастролирующим по миру, «голокаустеры» отправляются в поездки по странам и континентам, организуя там конференции. Встречи эти отнюдь не носят драматический характер. Их участники не испытывают шока, не теряют сознания под тяжестью своих воспоминаний, как это происходит со свидетелями во время концлагерных процессов. Подобные мероприятия скорее можно уподобить конгрессам медиков, где дамы и господа после дневных заседаний, посвященных проблеме раковых заболеваний, собираются за бутылочкой вина, беседуя о Боге и о жизни. И не следует по этому поводу делать пренебрежительную гримасу.

Коль скоро изучение Голокауста приобрело статус академической дисциплины, о массовом уничтожении людей можно беседовать столь же холодно и деловито, как о значении «черных дыр» в космосе. Жить значит умирать, а наука есть дискуссия.

До недавнего времени в Федеративной Республике Германии царила идиллическая картина: одни из года в год проводили «Неделю братства» и произносили речи о необходимости противостоять возрождению нацизма (в ответ раздавались призывы: «Иностранцев - вон!»), другие обсуждали «ложную» проблему уничтожения якобы шести миллионов евреев и пытались установить, сколько же их на самом деле погибло по причине собственной нерасторопности.

С обычным запозданием, как и беспроволочный телефон, мини-компьютеры и пицца с уменьшенным содержанием холестерина, из США на немецкий рынок торжественно поступили и Holocaust Studies. Совсем недавно во Франкфурте на Майне состоялись международные слушания по поводу планируемого создания «Учебно-документационного центра Голокауста». Язык не поворачивается произнести это название: «Учебный центр Голокауста!» Что собираются изучать и чему учить в этом Центре? Голокауст? Как следует его корректно осуществлять? Или как его избежать?

Все это столь невероятно, что не воспринимается на слух. Соответственно вздорны и темы, обсуждавшиеся в рамках международных слушаний: «О рациональности и иррациональности уничтожения народа», «К вопросу о разделении функций преступников», «Память и самосознание выживших». Все это не что иное, как размышления о размышлениях, академические экзерсисы над пропастью, на дне которой покоятся миллионы трупов. Названия докладов не менее претенциозны, чем амбициозность докладчиков. И чем эфемернее предмет, тем больше энергии прилагается для его обоснования. Город Франкфурт опубликовал результаты научной экспертизы на ста пятидесяти страницах: доказывается необходимость создания такого учебного центра. Одновременно в прессе появилось сообщение, гласящее о том, что «Голокауст следует серьезно воспринимать не только в качестве политической и моральной исповеди, но и как главнейший источник исторического сознания; он должен занять центральное место в продолжительной дискуссии».

Если кому-то это покажется недостаточно конкретным, он сможет развеять свои сомнения с помощью следующего тезиса: «...В качестве открытого научного учреж-

дения франкфуртский Центр призван составлять и формулировать материалы для самых различных социальных групп в виде проектов междисциплинарного характера. Речь идет не только об историческом изложении фактов этого бюрократически-организованного, индустриализированного геноцида, но также и о повседневных и всеобъемлющих масштабах этих чудовищных преступлений; все это должно быть тематизировано - вне политической аранжировки и морализирующих обвинений». Итак, академическое обсуждение проблемы Голокауста вышло, наконец, на новую плоскость междисциплинарных проектов, общечеловеческих масштабов, морализирующих обвинений... Все это - явный парад бюрократически-организованных, провоцирующих определений. Открытым остается вопрос о том, какие именно идеи должны быть предложены самым различным социальным группам. Возможно, что ответ кроется в самом наименовании создаваемого учреждения.

Город Франкфурт предлагает своим ангажированным жителям различные формы времяпрепровождения: одни из них могут на собственный страх и риск бегать трусцой по газонам позади старого оперного театра, другие - слушать в вечернем университете курс истории культуры, а третьи, проявляющие обостренный интерес к общественным проблемам, - изучать в «Голокауст-Центре» гитлеровский «Mein Kampf», распределяя между собой роли и читая его вслух, или же складывать из деталей конструктора «Лего» модели концентрационных лагерей.

Ведь гласила же надпись над воротами Бухенвальда: «КАЖДОМУ - СВОЕ».

ГОВОРИТ

МОСКВА

И ПОКАЗЫВАЕТ

«Радио Москва», 19:00, 2.12.91

Декабрь 1991 г.

Администрация Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге ввела чрезвычайный пропускной режим с целью избежать проникновения туда членов иудейской общины хасидов.

Представители данной общины потребовали на минувшей неделе от администрации Эрмитажа санкционировать проведение во Дворце 1 декабря богослужения по случаю еврейского праздника.

Хасиды заявили, что Зимний Дворец представляет собой еврейское мемориальное место, так как его посещал в начале века духовный вождь хасидов ШНЕЕРСОН.

Однако администрация дворца отклонила просьбу как абсолютно аморальную и необоснованную.

Между тем в воскресенье хасиды сослужили молебен в Петропавловской крепости, где некогда содержался под стражей ШНЕЕРСОН.

Лео фон ДАУ (Гейдельберг)

ТАЛЕС ДЛЯ ШПИОНА

Телефонный звонок в берлинском офисе рабби Вайнмана раздался ровно через десять минут после захода солнца. Уставший от субботней службы рав поднял трубку. Звонили из Москвы. Человек на другом конце провода представился: Маркус Вольф. Так начались «отношения» между двумя людьми, один из которых считается наиболее успешным руководителем шпионской службы в послевоенное время, а другой – ортодоксальный раввин, которому ведомы тайны и премудрости совсем иной реальности. «Отношения» эти продолжались и тогда, когда экс-шпион оказался в тюрьме города Карлсруэ, причем, пользуясь правом духовного лица, рав Вайнман несколько раз посетил своего «подопечного».

О чем же вели беседы эти два столь разных человека?

Рав Вайнман чрезвычайно сдержан, когда речь заходит о Вольфе. Он не вдается в детали своих разговоров с отставным супершпионом, но решительно отрицает, будто бы тот – кающийся грешник, решивший с помощью ортодоксального рабби вернуться к вере отцов. «Мы беседуем о фундаментальных положениях иудаизма, о еврейской этике, но мне самому не ясно, пытается ли он нащупать дорогу к нашей религии или им руководит простое любопытство».

И действительно, для чего бы это еще энергичному 68-летнему мастеру шпионажа, оставившему пост главы восточногерманской разведки лишь в 1987 г. и теперь лихорадочно пытающемуся уйти от ответственности, вести долгие беседы «об основах иудаизма»? Да и с кем? Не с каким-нибудь видным интеллектуалом или влиятельным раввином-теологом, а с малоизвестным ортодоксальным рабби, возглавлявшим маленькую общину в Восточном Берлине?

Свет на эту странную дружбу проливает личность самого раввина Вайнмана. 52-летний уроженец Тель Авива, Цви Вайнман никогда не занимал пост духовного руководителя какой-либо общины. По должности он – чиновник, что-то вроде адвоката по бракоразводным процессам при религиозном суде в Иерусалиме. По своим взглядам он правее «Агудат Исрозль»¹; он отвергает сионизм, не участвует в выборах, но служит в армии в качестве резервиста. Для людей своего круга он – «человек светский», общается с нерелигиозными евреями и даже вовсе с неевреями. Владеет несколькими языками, в том числе и немецким, которому научился у своей матери, уроженки Гамбурга.

Наверное, благодаря этим обстоятельствам и состоялось его знакомство с госпожой Иреной Рунге, преподавательницей Еврейского университета в Восточном Берлине, возглавлявшей в то время маленькую еврейскую общину столицы ГДР. Путешествуя в 1987 г. по Израилю, фрау Рунге обратилась к рабби Вайнману с просьбой разъяснить ей кое-какие постулаты иудаизма с точки зрения ортодоксального теолога. По всей видимости, рав Вайнман произвел на доктора Рунге столь сильное впечатление, что она тут же предложила ему принять на себя обязанности раввина в ее общине. «Я согласил-

¹ Ортодоксальное религиозное течение и одновременно политическая партия относительно умеренного толка. – Ред.

ся при условии, что получу официальное приглашение и право представлять общину перед властями», – рассказывал позднее рав Вайнман. Однако став раввином в восточноберлинской общине, он вовсе не отказался от прежней должности в иерусалимском суде. В Берлине он бывает раз в месяц, ведет там субботнюю службу, выступает с лекциями, беседует с членами общины. Иногда даже читает лекции в Берлинском университете, хотя сам он, кроме ешивы, нигде не учился. Время от времени его приглашают выступить по телевидению, где он уже завоевал определенную популярность, главным образом, умением обходить острые углы.

И вот этого-то незаметного, но знающего все ходы-выходы в Израиле и потенциально влиятельного в Германии человека все та же фрау Рунге решила свести с Маркусом Вольфом. Она почему-то была уверена, что «разведчик и раввин будут интересны друг другу».

Но прежде чем «пойти на контакт» с супершпионом, рав Вайнман решил убедиться, что «руки Вольфа не обагрены еврейской кровью»: ведь в свое время муссировались слухи, будто бы ведомство Вольфа помогало палестинским террористам организовать «операцию» на олимпиаде в Мюнхене. «Я также хотел убедиться, что Вольф не причастен к убийству какого-нибудь израильского агента», – заявил рав Вайнман журналистам.

В конце концов рав Вайнман убедился, что Маркус Вольф чист. На вопрос, выяснял ли он это у израильской службы безопасности, раввин ответил: «Я проверял везде, где можно получить информацию. Я ни разу не слышал, чтобы Вольф проявлял личную жестокость. Меня заверили, что все, что он делал, не выходило за рамки обязанностей шефа разведки. А ведь быть шпионом – не грех и не преступление!»

Уклончивость не случайна. Еще до того, как между шпионом и раввином начался «роман», из информированных израильских источников просочились сведения, что Маркус Вольф наводит справки относительно того, не предоставит ли ему Израиль в случае чего политическое убежище. Ответ из Иерусалима Вольфа разочаровал. Но начав разыгрывать израильскую карту, он решил идти до конца. Вольф знал не только то, что религиозному еврею в субботу можно звонить лишь после захода солнца, но и то, что в Израиль в свое время бежал легендарный американский гангстер Меир Ланский, что в течение многих лет израильские власти отказываются выдать французскому правосудию крупного французского мошенника Флягго-Шарона. Но более всего Вольфа, по-видимому, вдохновил пример семейства Меннинг из США.

Вот уже более 10 лет супруги Меннинг, приверженцы рабби Кахане, обвиненные в Калифорнии в убийстве, укрываются в Израиле, несмотря на настойчивые просьбы американских властей выдать их в руки американского правосудия. При этом именно ортодоксальные круги, поднимая шумные, истерические кампании, выкручивают руки израильским властям, требуя ни в коем случае не «выдавать еврея на растерзание гоям».

Маркус Вольф знал, что делать и на кого ставить. После провала августовского путча он, в отличие от своего бывшего патрона Эрика Хонеккера, быстро сообразил, что оставаться в Москве больше нельзя. Он принял правильное решение – возвратиться в Германию. Он хорошо знал страну, против которой боролся всю жизнь, и понимал, что вероятность получить здесь по заслугам очень мала. Но все же не равна нулю. Так что на крайний случай нужно было отработать запасной вариант – израильский. Ну, а если официальный Иерусалим заупрямится, тут можно прибегнуть к помощи людей в черных лапсердаках.

Итак, отставной шеф восточногерманской разведслужбы отдавал себе отчет в том, чего он добивается. Но отдают ли себе отчет в том, что делают, те, кто готовы накинуть талес на плечи супершпиона? ●

Лев ШЕСТОВ

ПИСЬМА МИХАИЛУ ГЕРШЕНЗОНУ

*Подготовка текста и вступительная статья Веры Проскуриной
(Москва).*

В 1988 году в альманахе «Минувшее» были опубликованы письма Михаила Осиповича Гершензона (1869-1925) его другу, Льву Исааковичу Шестову (Шварцману) (1866-1938).^{*} Письма же Шестова Гершензону до сих пор не были изданы. Нынешняя публикация не столько восполняет этот историко-литературный пробел, сколько заполняет некий психологический вакуум, окружающий личность Шестова.

«Беспочвенник» Лев Шестов, создатель «отрицательной» философии, говорящей «нет» всем догмам и «очевидностям», большую часть жизни провел за границей. Сначала - по причине сугубо личной: иудей, сын богатого киевского купца, он женился (1897 г.) на православной студентке-«медичке» Анне Елеазаровне Березовской и чтоб скрыть этот брак долгие годы жил с семьей в Швейцарии. Затем, уже в 1920-е годы, Шестов обосновался в Париже и уже никогда не помышлял о возвращении в большевистскую Россию. Облик писателя-философа Льва Шестова рельефно проступает в письмах, где перемешаны «житейские волнения» и ироническое «философствование», деятельное жизнестроительство и хладнокровный взгляд мудреца, видящего, как «уже вступил во власть рок».

Письма Гершензону не были одной лишь данью дружеским чувствам. Находясь в эмиграции и почти не получая вестей от близких ему по старому кругу общения писателей, Шестов особо дорожит этой перепиской. Гершензон становится для него символом прежней культурной традиции, которую он сам пытается адаптировать к новым условиям послевоенной Европы. Однако «адаптировать» никогда не значило для Шестова пойти на компромисс. Если «можно рукопись продать», то «до продажи вдохновенья еще не дошло»: «Как ни трудно, я еще на уступки не пошел и пишу

^{*} Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову (1920-1925). Публ. А.д'Амелиа и В.Аллой. - «Минувшее», т.6. Париж, 1988, с.237-312.

по-старому, как писал прежде». Современность - и русская, и европейская - представляется ему одной из малопривлекательных «очевидностей», которую нужно преодолеть, а не мириться с ней. Невысказанный упрек и Гершензону, и оставшимся друзьям подспудно проходит через всю череду шестовских посланий, выплескиваясь на поверхность лишь в финале. Гершензон становится поневоле как бы символом этого «примирения», он отождествляется с самой смирившейся под новой властью Россией, преломляя в своей судьбе ее грехи: «Ты говоришь, что мне нужно быть в России, что я нужен России. Я этого не вижу. Вот и ты, и Белый в России, и там вам нечего делать. И если бы я там был, и мне нечего было бы делать - разве только улицы подметать или бумаги переписывать. А здесь я все-таки, как могу, свое дело делаю, и если в самом деле мое дело нужно России, - то все, что я делаю, - к ее услугам. Но пока не видно, чтобы это ей нужно было - по крайней мере, той России, которая решает, что можно и что нельзя людям читать».

Личность адресата писем Шестова - Гершензона - хорошо известна в литературных кругах Москвы и Петербурга начала XX века. Историк-классик, автор серии работ по истории русской интеллигенции, инициатор и организатор сборника «Вехи», знаток русского быта и издатель Чаадаева и Киреевского, Гершензон в 1910-ые годы был одной из «ключевых» фигур культурной жизни своего времени. Личное знакомство его с Шестовым состоялось в начале февраля 1909 года. В письме к брату, А.О.Гершензону, М.О.Гершензон сообщал (11 февраля 1909 года): «На прошлой неделе познакомился с Шестовым-Шварцманом. Он не только замечательный мыслитель, но обаятельный, простой человек».* Эти годы совпали для обоих с периодом активного вхождения в русскую литературно-общественную жизнь: знакомство протекало на фоне бурного «веховского» периода Гершензона и крупного перелома в сторону творческого успеха в деятельности Шестова. 1 марта 1910 г. М.Гершензон писал в своих письмах-дневниках, адресованных А.Гершензону: «На этой неделе два раза видели мы Льва Шестова (Шварцмана): он пришел к нам с Булгаковым и просидел вечер, а потом мы с ним были на жур-фикс у Бердяевых. Мы оба влюбились в него: так тонко умен и остроумен и так симпатичен во всем, как редко встретишь; не говорю уже о его глубокой философии. Он пошел в гору: как раз на этих днях «Шиповник» купил у него право издать собрание его сочинений и все, что он еще напишет, - на 5 лет».** Однако в первые годы завязавшейся дружбы встречи мимолетны - во время наездов Шестова в Москву. В своих письмах к брату Гершензон упоминает о каждой встрече с Шестовым как о событии. Так, 4 февраля 1912 года он пишет: «Вчера вечером для Шестова я назвал гостей. ...Шестов удивительно симпатичен, прост, остроумен, прелестно рассказывает. Он все живет в Швейцарии с Ловцкими»***

В начале октября 1914 года Шестов с семьей поселился в Москве и сразу окупился в напряженную атмосферу: на страницах периодики разгоралась борьба мн-

* Отдел рукописей ГБЛ, ф.746, к.20, № 10, л.13.

** Гершензон М.О. Письма к брату. М., 1927, с.174. Уточнено по автографу: ОР ГБЛ, ф.746, к.20, № 13, л.9-9 об.

*** ОР ГБЛ, ф.746, к.20, № 17, л.11 об.

ний по поводу отношения к войне с Германией. 7 февраля 1915 г. Гершензон писал брату: «Не я один: вижу, так же томится Шестов, да и другие. Война поглотила все мысли и желания. Ходят друг к другу без дела, сидят подолгу, хотя о войне редко говорится. Шумят только кое-кто из славянофильствующих философов, напр[имер] Эрн, затеяли газетную полемику вульгарного тона и тем оживляют себе существование». В кругу друзей, поделенных на «оптимистов» (В.Иванов, С.Булгаков, В.Эрн) и «пессимистов», угадывающих в современных событиях будущую катастрофу, Гершензон и Шестов принадлежали к последним.

Осенью 1917 года Шестов и Гершензон еще теснее сблизились, что совпало с некоторым отдалением Льва Исааковича от Н.А.Бердяева, который, по словам Шестова, «утонул в политике». Бердяев, активно сотрудничавший в шовинистическом «Народоправстве» и исповедовавший в тот период консервативно-аристократическую «философию неравенства», упрекал своих друзей в сочувствии левым силам (см. неопубликованное письмо Бердяева к Гершензону от конца сентября 1917 г. - ОР ГБЛ, ф.746, к.28, № 31, л.37). Специфика этого отчуждения состояла в привнесении национал-патриотических элементов в спор о судьбе России в тревожные месяцы осени 1917 г. Характерен полный разрыв Гершензона с Бердяевым в сентябре 1917 г., характерен и комментарий, данный А.Н.Толстым полемике с Гершензоном в одной частной беседе: «Все дело в том, что этому умнику на Россию наплевать! Нерусский человек. Что ему достоинство России, национальная честь». Гершензон тесно сблизается с Шестовым именно в эти месяцы. Так, 13 января 1918 г. он пишет А.О.Гершензону: «У нас бывают чаще всего Л.Шестов и А.Белый, еще Петрушевский и др. С Бердяевым я из-за политики так разошелся, что не видимся, он совсем стал черносотенником».

Вероятно последней встречей Шестова с Гершензоном в России была встреча в день принятия священства С.Н.Булгакова (11/24 июня 1918 г.), на котором оба присутствовали.⁺ Вскоре Шестов уезжает в Киев. Письма его киевского периода, как и большинство писем тех лет, - это почти сплошная летопись выживания. Третьим сентября 1919 г. датировано последнее послание Шестова к Гершензону из Киева. В середине октября 1919 г. Шестовы покинули Киев, а в начале 1920 г. через Константинополь выбрались в Европу - в Женеву, затем в Париж.

Наконец, после сумятицы женевских писем, уже в парижский период жизни Шестова, начинает завязываться главный узел переписки - обсуждение появившихся в начале 1920-х годов книг Гершензона. Первая - знаменитая «Переписка из двух углов», написанная В.Ивановым и М.Гершензоном летом 1920 г. и изданная в 1921 г. Для Шестова здесь не было ничего принципиально нового - «голоса» друзей напомнили былые споры в московских переулках, и Шестову «приятно» было их вновь услышать. Позже, в статье «О Вечной Книге» Шестов подтвердит неизменность своих претензий к той части книги, которую написал Иванов: она будет ос-

* ОР ГБЛ, ф.746, к.20, № 25, л.14.

** Герцык Евгения. Воспоминания. Париж, 1973, с.161-162.

*** Крандиевская-Толстая Н. Воспоминания. Л., 1977, с.131.

**** ОР ГБЛ, ф.746, к.21, № 1, л.1.

+ ОР ГБЛ, ф.746, к.21, № 1, л.35.

мыслена в статье Шестова - «Вячеслав Великолепный» (1916 г.). Шестов недоволен «невьявленностью» голоса Гершензона, ему нужна большая определенность, так как по сути позиция Гершензона в «Переписке...», его «безумный» и «некультурный» порыв импонировали Шестову. Это было, по словам Шестова, «предчувственным ясновидящего», «ведь первый человек был свободен от разумных критериев, без благословения которых мы не смели принять Бога».

«Ключ веры» - книга Гершензона о Боге Ветхого Завета - была отвергнута Шестовым, упрекнувшим автора в «эллинизации» Библии (письмо от 29 июля 1922 г.). Гершензон попытался оправдаться (в письме к Шестову от 7 августа 1922 г.): «Что «Ключ веры» не по тебе - это я знал заранее, разумеется, - но меня удивляет, в чем ты тут нашел «современную мысль»? Нет, я не мирю религию с современным миро-созерцанием (меня от него тошнит), а наперекор ему говорю: религия - не особенная жизнь духа, а сама его ежедневная жизнь, подлинная техника или методология ежедневной, практической, плотской жизни». ** Все эти объяснения не могли переубедить Шестова. Он целомудренно отворачивался от «прикладных» попыток «говорить о Боге», ибо это была бы профанация тайны, Откровения. «Научить нас жить в неизвестности» - вот задача философии, по Шестову. *** Он, конечно же, не мог принять попытку Гершензона «показать» человеку «средства» «благополучной жизни» с Богом. Шестову представлялось, что Гершензон «учит», обрушивая на читателя весь бессмысленный багаж современной науки. В этом неприятии «Ключа веры», как и «Гольфстрема», усилившего разногласия, проступали контуры будущей большой книги Шестова «Афины и Иерусалим» с ее дихотомией эллинского, рационалистического, и библейского, иррационального начал. Именно потому и привлекла Шестова книга Гершензона «Мудрость Пушкина», что в ней, «беседуя», а не «споря», Гершензону удалось воспарить над современностью, показав, как «в его (Пушкина - В.П.) знакомом, европейском лице проступают пыльные морщины Агасфера, из глаз смотрит тяжелая мудрость тысячелетий...»****

Все детали спора Гершензона и Шестова восстановить невозможно: их последняя встреча - в Берлине летом 1923 г. - не могла ничего прояснить. Гершензон вернулся в Россию в августе 1923 г. Он уже почти ничего не писал, он замкнулся в своей семье. Его неожиданная смерть 19 февраля 1925 г. потрясла и оставшихся в России друзей, и уехавших, высланных... Статья о Гершензоне, которую Шестов готовил к печати, превратилась в некролог «О Вечной Книге. Памяти М.О.Гершензона».⁺

* * *

Письма Л.И.Шестова к М.О.Гершензону печатаются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им.В.И.Ленина (ныне - Российская государственная библиотека), ф.746, к.44, № 13. Из сорока пи-

* Шестов Лев, Умозрение и Откровение. Париж, 1964, с.20.

** «Минувшее», т.6, с.265.

*** Шестов Лев. Апофеоз беспочвенности. СПб., 1905, с.30.

**** Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. М., 1919, с.13.

+ «Современные записки», 1925, № 24.

сем для настоящей публикации отобраны тринадцать, представляющие наибольший интерес. Письма печатаются по новой орфографии с сохранением некоторых индивидуальных особенностей написания (напр., Шпетт и т.п.). Пунктуация автора по возможности воспроизводится.

письмо первое

Ново-Конюш[енная] № 14, кв.3 6.8.1917 Москва
Дорогой Михаил Осипович!

За час до отъезда моего из Захарьина принесли мне твое письмо. Очень удивился - был уверен, что ты либо уже в Москве, либо скоро будешь. Но, по-видимому, ты еще и не собираешься в Москву - раз пишешь письмо. Напиши, когда думаешь приехать.

Приехал я сюда третьего дня. Из знакомых - нет никого почти. Видел Бердяева и Шпетта. Бердяева только несколько минут. Он теперь утонул в политике. С утра до вечера на заседаниях. Настроен - крайне непримиримо по отношению ко всем левым. Все теперь настроены непримиримо - и что из этой непримиримости выйдет, угадать трудно. Кто-нибудь силой заставит примириться - не иначе. И хорошо еще, если этот кто-нибудь будет с головой!

Шпетт переехал на Долгоруковскую, в дом Гучкова. Теперь выйдет, будто мы в двух разных городах живем: поехать на Долгоруковскую большое предприятие! Трамваи ходят теперь уже только до 10 ч. вечера и полдня только в половинном составе! Нелегко поехать... В Москве жарко, но я все-таки рад, что вернулся. У А.Е. отпуск кончился, ей нужно было вернуться, а я с ней. Трудно жить в деревне, хотя там и очень хорошо. Правда, если б меня спросили, что мне нужно в Москве, я бы не умел ответить. Ни во что не вмешиваюсь и даже уже не так реагирую на события. Вижу ясно, что тут уже вступил во власть рок и все люди, даже такие, которые себя считают и которых другие считают вершителями судеб - вроде Рибо или Ллойд Джорджа, - только марионетки в руках истории. Кто-то, вероятно, знает, зачем все происходит, или кто-то знает, что «все - благо» и что человек заслуживает своих бедствий. А если некто не знает, - ну, - тогда никто не знает...

Собирался написать тебе много - но что-то, как видишь, пишется плохо. О событиях говорить нельзя и не стоит: газеты и так без умолку трещат по целым дням. А философствовать - скучно. Я и то собственно осрамился: написал летом чисто философскую статью о Гуссерле. Ведь, по нынешним временам, это стыдно. Я, правда, написал и брошюру, но кто-то ее забраковал. А ты написал свою брошюру? Или пишешь?

Всего доброго. Привет Марье Борисовне. Повести ее еще не читал. Нет у меня «Р[усской] Мысли». Возьму, как буду у Бердяевых, и тогда прочту. Анна Елеазаровна просит тебе и Марье Борисовне очень кланяться.

Шварцман.

P.S. Передай тоже от нас привет Аделаиде Казимировне и Дмитрию Евгеньевичу. И Евгении Казимировне, если она в Судаке.

письмо второе

2 авг. н.с. 18. Киев.

Дорогой Михаил Осипович!

Не было до сих пор okazji написать, т.е. отправить письмо - и только теперь узнал, что едет Б.А. Правда, уже и почта идет - но я еще в нее не верю: лучше, если удастся с Б.А. отправить. - Доехали мы благополучно до Киева. Мои отправились дней через 10 в Крым и живут там по соседству с Булгаковыми. Письма оттуда приходят плохо - но приходят. Одно получил с okказией, другое - по почте. Устроились они там недурно и, по нынешним временам, не дорого: проживают меньше, чем в Москве. Место же чудесно. Получил я тоже письмо и от Серг[ея] Ник[олаевича], который после 6 дней мытарств, все же наконец добрался до своих. Сам же я остался в Киеве и провожу время главным образом в лечении разных болезней, открывшихся у меня. Лечение, кажется, идет успешно. Сверх того, достал здесь Гегеля, читаю его и все размышляю о том, кого обманула философия: его или меня или нас обоих. Кажется, обоих: но меня хуже. Он, по крайней мере, хотел быть обманутым и своей цели добился. Вот все о себе. О Киеве тебе расскажет лучше Б.А. Я его не видел - он все время был в отъезде, а теперь, когда приехал, должно быть, был очень занят. Может, я с ним еще по телефону поговорю.

Что-то у вас творится? Вчера я на минутку видел приехавшую из Москвы Щепкину-Куперник. Сегодня опять увижу - и тогда она расскажет подробнее. Плохо, по-видимому, у вас. Но все-таки хочется вернуться. Не знаю только, удастся ли. Сегодня у нас в газетах писали, что эвакуируют лишнее население из Москвы и никого туда не пускают. Правда ли это? - А как вы поживаете? Все ли у вас здоровы? Непременно поподробнее о себе и своих напиши.

Как материальные дела? Газеты закрыты, с заработком трудно, вероятно. А что с Евгением Германовичем? Знаешь ли ты что-нибудь о нем? Серг[ей] Никол[аевич] писал мне, что он выехал на дачу. А другие знакомые? Что Вяч[еслав] Ив[анов]? Берд[яев]? Здесь я встретил Марию с мужем. Их разгромили и уже собирались расстрелять, но какой-то солдат сжалился над ней - такие-то дела! Пожалуйста, напиши и пришли с Б.А.: он, верно, скоро вернется. Жму крепко твою руку. Привет Марье Борисовне и детям.

Шварцман.

P.S. Книги твои Д.Г. получил и был очень тронут.

письмо третье

23.11.1919 8 марта н.с.

Дорогой Михаил Осипович!

Совершенно неожиданно для меня пришло 26/II н.с. твое письмо от 20/II по почте. Рад был получить весть от тебя, но содержание письма очень удручило меня.

Тогда же отправил тебе по почте заказное письмо, но едва ли оно дошло: по крайней мере, чиновник, принимавший его, сказал, что мало надежды.

Мне было досадно, что ты ни о ком из знакомых и друзей ничего не сообщил: как раз письмо дошло, и так мало сведений о близких. Не знаешь даже, живы ли они. Если другой раз будешь писать, не пожалей еще нескольких строк. - Теперь о делах. Денег для Е.Г. не могу достать. У самого денег нет, а все, у кого были, либо разъехались, либо, если остались, то деньгами не могут пользоваться, т.к. банки прекратили выдачу. Я думаю, что в Москве, где эта сторона более налажена, легче достать деньги, нежели в Киеве. Ужасно жаль Е.Г., но сделать ничего нельзя. И посылки почта не принимает. Теперь, с оказией, может немножко пошлю, если возьмут. Но только немного. На счет квартиры - сам понимаешь, ничего определенного сказать не могу. Сейчас идут реквизиции и уплотнения - а что будет в апреле, угадать трудно. Я, однако, все-таки думаю, что если вы приедете, то без крова не останетесь. С продовольствием сейчас еще, сравнительно с Москвой, дело обстоит благополучно. Но дороговизна ужасная и растет с непонятной быстротой. Хлеб уже 5 р. за фунт и все в таком роде. А что в апреле будет - опять трудно угадать. Может быть, вскрыется Днепр, прекратится распутица, и подвоз улучшится. Но, может, и не улучшится. Вот все, что могу тебе рассказать. Про нас ничего особенного сообщить не могу. Живем пока мы на Трехсвятительской, 24 - маленькой коммуной. Нас четверо, 6 человек Скрябиных - Татьяна Федоровна, трое детей, ее мать и няня, 2 молодых человека. У нас тут и Скрябинское общество работает. Вчера у нас реквизировали две комнаты, - кончится ли на этом, не знаю. У А.Е. забрали ее кабинет, и она принимает в передней. Я читаю в народном университете «введение в философию». Работы пропасть - я ведь не привык говорить, приходится писать все лекции. Слушатели, кажется, довольны, аплодируют. Таня учится в университете, Наташа - в гимназии. Кажется, все рассказал. Очень прошу тебя, если будешь писать, сообщи о Густ[аве] Густ[авовиче], Евг[ении] Герм[ановиче], Серг[ее] Ник[олаевиче], Ник[олае] Ал[ександровиче], Вяч[еславе] Иван[ове] - и, если увидишь их, всем передай привет от меня. Видишь ли ты Алекс[андра] Ел[газаровича] и Аннушку? Им поклонись, если они в Москве, и о них тоже напиши.

Обнимаю тебя. Привет шлет жена и наши Марье Борисовне и детям.

Шварцман.

P.S. Татьяна Федоровна тоже хочет написать тебе несколько слов.

2 P.S. Отчего ты пишешь не на мое имя, а на имя Д.Г.? Пиши прямо мне.

письмо четвертое

8 (21) VI. Киев

Дорогой Михаил Осипович!

Черняк привез мне твое письмо, из которого я убедился, что, по-видимому, несколько твоих писем до меня не дошло. Очень жаль. Надеюсь, что с Татьяной Федоровной я получу более обстоятельное письмо. Что до твоих вопросов, то ответить

на них очень трудно. Будет ли зимой топливо? Абсолютно неизвестно. Вернее всего, что не будет и придется всем мерзнуть, как мерзли в Москве. Есть ли на Украине антисемитское настроение? Судя по газетам нашим, очевидно, есть. В каждом почти номере газеты сообщается об ужасающих погромах. В Киеве, конечно, погромов не было, п[отому] ч[то] здесь всегда достаточно войска, чтоб подавить всякого рода беспорядки. Но, нужно думать, что антиеврейские настроения и здесь бы вылились в самый зверский погром, если бы не были сдерживаемы извне. Тут еврейское население очень тревожно настроено. Хотят даже устроить погромный комитет для борьбы посредством слова с погромной пропагандой. Меня привлекли тоже к этому делу. По поручению комитета я написал даже воззвание. Так что, в общем, я не знаю, где лучше оставаться - в Москве или на Украине. Еврею, кажется, лучше в Москве, если есть возможность питаться. Но о последнем судить не могу. Говорят, что у вас все-таки какие-то пайки выдаются и жить можно. А другие говорят, что нельзя. Б.А. тебе все подробнее расскажет. - О себе и своих что сказать? Понемногу устраиваемся. К следующему семестру у меня уже будет 4 часа, кажется, в народн[ом] унив[ерситете] и 2 в Унив[ерситете] Вл[адимира] (я подал заявление - по просьбе студ[ентов] - и, если меня изберут, буду иметь 2 часа), тогда жалованье будет 2400. Наташа уже месяц в огороднической коммуне: ее там кормят и обещают дать осенью продукты. Таня, сдав экзамены, войдет туда же. Кажется, и А.Е. получит место. Если все так устроится и если зимой будет топливо, как-нибудь, может, просуществуем. Вот если бы книгу продать! Здесь со мной ведут переговоры, но ничего не выходит. На всякий случай, прошу тебя, похлопочи в Москве: у тебя ведь есть все оттиски. Книга состоит из предисловия (еще не напечатанного), к[ото]рое я пришлю, если понадобится - в нем 2 печ[атных] листа - и 3-х частей. 1-я - Potestas clavium - то, что под этим же названием было в Р[усской] М[ысли] и то, что в «Ветви» напечатано. 2-я - Самоочевидные истины - то, что у Шпета было нап[ечатано] и то, что в «Скифах» (Музыка и призраки). 3-я часть под названием Эрос и Идеи (Вяч[еслав] Велик[олепный] и Memento mori). Всего 12-14 листов. Если бы купили и заплатили, как полагается по нашему времени, было бы на зиму на дрова. Вторая просьба: если возможно, запиши меня в профессиональный Союз писателей и пришли мне охранную грамоту (в Москве такие выдают) для меня и семьи - охрану для имущества, библиотеки и, кстати, квартиры. Это избавило бы от лишних хлопот. В общем, и так меня до сих пор не тронули, но покушений было пропасть и хлопот и тревог тоже пропасть. А грамота - может избавить. Вот и все о себе и моих делах. Письмо твое к брату переслал. Случайно, недавно мне передавали, что он жив и здоров. Привет Марье Борисовне, Вяч[еславу] Ив[анову], Ник[олаю] Ал[ександровичу] и его дамам. Пишу редко, п[отому] ч[то] не пишется. Теперь Б.А. обо всем тебе расскажет - даже о моем профессорстве: он был на моей вступительной лекции. Обнимаю тебя.

Шварцман.

Посылаю 7 ф. сахару - 4 для тебя, три для Надежды Сергеевны Бутовой. Ты ей протелефонируй, либо передай вместе с письмом через Лидию Алексеевну.

письмо пятое

24/IV 20

Женева

Дорогой Михаил Осипович!

Есть окказия написать тебе, и, если ты постараешься, то через Лидию Алексеевну можно будет и тебе мне прислать письмо. Больше всего из-за того, чтобы получить от тебя известие, и хочется, чтоб это письмо дошло до тебя. Про нас что сказать? Живем здесь третий месяц. Я у сестры, в Женеве. Нат[аша] и Таня в Гренобле, учатся. А.Е. едет на днях в Италию держать экзамен, чтоб получить право практики. В общем жить здесь тяжело, мучительно трудно. Всю жизнь приходится так строить, чтоб дешевле прожить и чего-н [ибудь] заработать. На старости - это не весело. Но кому весело! Как же у вас? Как вы живете? Напиши как можно обстоятельнее о себе, о Марье Борис[овне], о Вяч[еславе] Ив[анове], Густ[аве] Густ[авовиче], Ник[олае] Ал[ександровиче], всем передай привет и скажи, что я всегда о них вспоминаю. Из русских за границей я встретил Ал.Толстого. Он в Париже, как-то существует, живет в отличной квартире, одевается прилично и т.д. У него есть журнал «Гряд[ущая] Россия»: может, он их кормит. В нем Henri, который был в Москве и кот[орого] я не знаю, участвует. В Париже же и Сем[ен] Вл[адимирович] Лурье, тоже как-то устроился. Ис[аак] Ос[ипович] Левин - в Берлине, бьется изо дня в день. В Константинополе застрял сын Слонимского (Коля); если будет случай, сообщи об этом Венгеровым. Из Конст[антинополя] он, наверное, выберется в Париж.

Больше ни о ком из живущих здесь русских я ничего не знаю. Здесь (тоже в Женеве) и виолончелист Иос[иф] Пресс. Об этом тоже, если будет случай, сообщи Зин[аиде] или Изаб[елле] Аф[анасьевне] Венгеровой. Он вчера здесь выступал в концерте, и ему очень трудно. Читал в здешних газетах, что Мережковские в Варшаве и будут там как-то устроены.

О том, что в России происходит, мы не имеем никакого представления. Здешние газеты печатают, что придется, большей частью непроверенные сведения. То пишут, что в Одессе украинцы, то, что мир с Польшей, то война - и с Польшей, и с Японией. Правда ли, неизвестно. Я просил Лидию Алексеевну прислать мне мои последние статьи 1) Potestas clavium - оба оттиска 2) Самоочевидные истины 3) Музыка и призраки 4) Афоризмы, напеч[атанные] в «Ветви» 5) Memento mori и 6) Вяч[еслав] Велик[олепный]. Я, если получу их, смогу здесь издать как книгу и заработать тысячу-другую франков, которые очень нужны. Если она не достанет, - помоги ей найти: очень нужно.

Еще раз привет Марье Борисовне, Ник[олаю] Алекс[андровичу], В[ячеславу] Ив[анову], Густ[аву] Густ[авовичу] и всем, с кем когда-то встречались, и еще раз просьба написать со всей возможной обстоятельностью о себе, своих и общих друзьях.

Шварцман.

Может быть, знаешь ч[то]-л[ибо] о Ремизове, Ив[анове] - Разумн[ике], Лунд-берге?

[Приписка А.Е.Березовской-Шестовой] Мой сердечный привет Марье Борисовне, Вам, детям. Всего хорошего.

письмо шестое

Арбат, Никольский пер., № 13

М.О.Гершензону.

Дорогой Михаил Осипович!

Наконец, есть у меня okazия отправить тебе письмо. Твое письмо, отправленное по почте, я получил, и шло оно всего три недели. Но здесь, хотя письма из России приходят, письма в Россию на почте не принимаются. Очень тебе благодарен за письмо и за то, что ты, хотя и в кратких словах, сообщил обо всех близких. Кроме твоего письма, никто из тех, кому я писал, не откликнулся или, может быть, их письма не дошли. Прошу тебя, пиши и передай всем, кому я писал, чтоб писали. Знаю, что у вас очень трудная жизнь, и, верно, вам не до писания писем. Но все же, если возможно, пиши и проси других писать. Не забудь тоже сообщить, что знаешь о Надежде Сергеевне. И о себе возможно подробнее напиши - обо всей своей семье, о Марье Борисовне, о детях. Потом о близких - о Ник[олае] Ал[ександровиче], о Вяч[еславе], Густ[аве] Густ[авовиче], Татьяне Федоровне, Александре Елеазаровиче, Аннушке (А.Е. очень ее вспоминает). Всем кланяйся и передай самые сердечные приветы от меня. И от моих, хотя их здесь нет: обстоятельства так складываются, что приходится пока врозь жить: я - в Женеве, А.Е. - в Париже, дети в Гренобле.

Очень мало могу прибавить к тому, что писал раньше. Стараюсь работать: изучаю Плотина, Бергсона, Гуссерля. Единственная возможность существовать - это погрузиться в работу. Как дальше сложится жизнь, что будет - угадать, конечно, нельзя. Теперь и о завтрашнем дне загадывать нельзя.

Судя по газетам, теперь из России уезжает много народа, ибо отъезд облегчен. Не знаю, правда ли это. Но, если будет случай, пришли мне с кем-нибудь сборник «Ветвь» и «Самоочевидные истины». У меня этих статей нет, а они мне очень нужны. Кажется, дочери Баха собираются ехать. Может, с ними пришьешь.

Обнимаю тебя. И еще раз прошу: пиши и всех проси писать. Письма, отправленные по почте из Москвы, даже из Тамбова, хорошо доходят. И передай привет всем, о которых я писал. Чем больше сведений о близких, тем легче на душе. Еще раз обнимаю.

Шварцман.

письмо седьмое

28/ХІІ.21

Дорогой Михаил Осипович!

Ты совсем забыл меня, не отвечаешь на письма! Отчего? Правда, до меня сведения о тебе доходят. Даже дошла книжечка твоя - переписка с В.Ивановым. И как

приятно было услышать ваши голоса. Но хотелось бы знать подробность о вашей жизни. Непременно напиши. У меня все по-старому. Работаю много, зарабатываю очень скромно, но мы привыкли скромно жить и существуем, собственно, как следует: не терпим ни холода, ни голода. Конечно, было бы лучше, если бы можно было меньше работать: но ведь ты на этот счет был всегда особого мнения. Вот и у меня вышло по-твоему. - На днях объявилась возможность посылать посылки в Россию. Я и послал тебе одну посылку. В ней 50 ф[унтов] белой муки, 10 фунтов сахару, 25 фунт[ов] рису, 20 кружек молока, 3 фунта чаю и 10 ф[унтов] сала. Я попрошу тебя из этого дать Аннушке 1 ф[унт] чаю, 2 ф[унта] сахару, 5 ф[унтов] - муки и 3 ф[унта] рису, а остальное разделить на 2 части: половину возьми себе, а половину Алекс[андру] Елеазаровичу. При первой возможности пошлю еще одну посылку. Главное, не забудь известить о получении. Пиши мне в Париж: Paris. XV, Rue Sarasate. Поклонись от меня А[лександр] Ел[еазарович] и детям Алекс[андра] Ел[еазаровича]. Скажи, что не грех было бы и ему написать сестре. И Аннушке поклонись. Всем знакомым, кого увидишь, тоже низко кланяться, и обо всех напиши, по возможности подробней. О заграничной жизни - что написать? Я был в Германии. Немцам очень трудно, особенно низшим и средним классам. Жизнь там для иностранцев баснословно дешевая, а для местных жителей неслыханно дорогая. Но работают немцы много, очень много, во всех областях. Порядок у них восстановлен. Поезда, почта, телеграф, трамвай и т.д. - все в исправности. И товаров - всяких хоть отбавляй. Книг выходит множество. Во Франции рабочему и крестьянину живется много лучше, чем в Германии. Он и сыт, и одет, и обут. Но настроение в Германии ужасно подавленное, да и во Франции не слишком веселое. Все чувствуют, что напряжение войны еще продолжается. Как долго все это протянется, трудно сказать. Все конференции, свидания дипломатов и т.п. - Привет от меня и от всех наших Марье Борисовне. Обнимаю тебя. Непременно пиши и извести, дошла ли посылка. Говорят, что организ[ация] Гувера, через которую идут посылки, отлично работает - очень быстро и аккуратно. Но все же хотелось бы знать, что посылка дошла.

Шварцман.

письмо восьмое

18/111.22

Paris, XV, 7. Rue Sarasate
Дорогой Михаил Осипович!

Получил твое заказное письмо от 26/II с извещением, что посылка дошла, и очень, очень порадовался и письму, и извещению. Только ты напрасно сердиться на меня за краткость моего письма. Ведь не оттого я краток, что мне не хочется побеседовать с тобой и все рассказать о себе и своих. Но когда не знаешь, дойдет ли письмо и т.п. - тогда не пишется. Теперь обстоятельства изменились, почта ходит исправнее, и я охотно напишу тебе обо всем и во всех подробностях. Но сперва о делах. Сейчас по получении твоего письма тебе отправлена была посылка (целая) Ара: верно, значит, ты ее в конце апреля получишь. Завтра тебе будут посланы еще

две посылки сразу и затем будет ежемесячно посылаться одна посылка: я буду следить за этим. Пока возможны только продовольственные посылки. Но есть надежды, что окажется возможным посылать и вещевые, и, конечно, я сделаю все возможное, чтоб и вещи тебе посылали. Хорошо было бы, если бы ты написал мне, что тебе нужнее всего, и, главное, размеры, особенно размеры ботинок и калош. Хотя уверенности еще нет, что можно будет посылать вещи, но надежда есть. Второе - издание твоих сочинений за границей. Когда я был в Берлине (только в Германии можно издавать русские книги - в других странах слишком высокая валюта, и сбыт напечатанных во Франции, скажем, книг - совершенно невозможен), я сам вел переговоры об издании твоей переписки и даже согласился, не спрашивая тебя и Вячеслава, дать за вас разрешения. Мне обещали, но ничего не сделали. Теперь на днях в Берлин едет Ландау. Мих [аил] Осипович и я говорили с ним, и он обещал сделать все возможное. А возможно, по-видимому, издать не только переписку, но и твои прежние работы: о Пушкине, Чаадаеве, Гриб [оедовскую] Москву и т.д. Но нужно было бы, чтоб тут у тебя было доверенное лицо, которое могло бы за тебя решать все вопросы. Пришли мне на отдельном листочке такие полномочия, и я уже постараюсь через Ландау найти тебе издателя. За переписку очень много ты не получишь. Дадут самое большее пять, шесть тысяч марок, т.е. по 3000 марок на брата, а это теперь составит 120 фр [анцузских] франков, т.е. одну посылку. Может быть, Ландау выработает для тебя лучшие условия, но я продал в Берлине две своих книги (Т [олстой] и Дост [оевский] и Н [ицше] - по-немецки) и пока получил только 4000 марок, а затем 10% с продажной цены. У Ландау больше связей в издательском мире, и он, пожалуй, добьется для тебя много лучших условий, но все-таки одна переписка не много принесет, а если выпустить «Грибоед [овскую] Москву» или «Ист [орические] Зап [иски]» - выйдет много больше. Так вот я жду от тебя указаний, а пока дальше предварительных переговоров не пойду. Посылки же будут идти пока в кредит. Первую посылает Мих [аил] Ос [ипович], а остальные Общество поддержания еврейских ученых и писателей. Кажется, все о делах. Прежде, чем рассказать о себе, еще одно: может быть ты прислал бы мне какую-нибудь свою новую работу или часть новой работы, так в лист, полтора или два. Я бы мог пристроить ее в каком-нибудь новом французском периодическом издании, на русском языке, в которых я печатаюсь. Это очень выгодно было бы, т [ак] к [ак] платят за лист 320 фр [анцузских] франков: целых три посылки, т.е. на русские деньги, наверное, чуть ли не 100 миллионов (говорят, что посылка Ара стоит 30 миллионов в Москве). Теперь, кажется, - все. Впрочем, еще одно - пиши о себе и об остальных наших товарищах побольше. Где Сергей Николаевич, где Ник [олай] Александрович, Вячеслав? Что Густ [ав] Густавович? Кто из них очень нуждается и что все делают? Напиши подробно, и если можно, пусть и они напишут. Может быть, я и им смогу быть чем-нибудь полезен: я сделаю, конечно, все, что будет можно - необходимо только знать точный адрес каждого. Я уже скоро год как живу с семьей в Париже. Прежде жили все врозь, теперь, наконец, вместе. Таня (она не вышла замуж) и Наташа учатся, А.Е. работы не нашла, т [ак] к [ак] здесь практиковать без франц [узского] диплома нельзя. Ей приходится нести на своих плечах все хозяйство - прислугу держать мы не можем. К сожалению, она много болеет, и ей приходится очень тяжело. Я ей тоже помогаю, научился и комнаты убирать, и сапоги чистить, и белье стирать, и посуду мыть, но все же у нее очень много тяжелой работы.

Живем, конечно, крайне скромно, но голода и холода не терпим. С материальными нашими трудностями можно было бы примириться. Самое плохое - это то, что вечно нужно думать о франках, т[ак] к[ак] интеллигентный труд здесь оплачивается плохо. Богатства во Франции колоссальные, товаров всевозможных видимо-невидимо, не знают, куда девать их. И живут здесь все те, на труд которых есть спрос, очень хорошо. Рабочие едят лучше, чем мы в довоенное время. И работают очень сравнительно немного: 8 часовой день соблюдается строго. В деревнях - еще лучше в этом смысле: такое обилие всего, что диву даешься. И коммерсанты процветают, и промышленники. Но нашему брату приходится плохо. Еще русские периодические издания платят сносно, а французские - гроши. И за лекции, курсы и т.п. платят гроши. Поэтому приходится очень много работать. Я читаю и публичные лекции, и курсы - древнюю философию, русскую философию. Напечатал целый ряд работ: «Откровения смерти», «De profundis», «О корнях вещей», «Преодоление самоочевидностей» - в русских журналах. И во французском переводе часть (сокращенную «Преодоление самоочевидностей») и еще кое-что, но платят либо гроши, либо ничего. И за две книжки, переведенные на английский, ничего не заплатили. За древнюю философию я получаю 25 фр[анков], за двухчасовую лекцию, за русскую (при Сорбонне) 4000 фр[анков] в год и т.д. Теперь у меня есть надежда, что дела поправятся. Моя статья «Преодоление самоочевидностей» (о Достоевском) имела неожиданно очень большой успех. Даже Andre Zide назвал ее remarquable, а газеты шедевром и т.п. И теперь уже «Mercure de France» заказал Б.Ф.Шлецеру (он и переводит меня) статью обо мне, и уже одно французское издательство предложило мне издать мою книгу. Может, мои шансы поднимутся, и начнут мне лучше платить. Все же пока хотя я только и делаю, что продаю рукописи, до продажи вдохновенья еще не дошло. Как ни трудно, я еще на уступки не пошел и пишу по-своему, как писал прежде. Только времени на работу остается мало, к тому же и глаза у меня стали плохие: все болят. Видишь, я все тебе рассказал - и, думаю, ты уже не будешь на меня больше сердиться и упрекать меня в недостатке дружеских чувств. Нет, ты для меня остался, чем был, и я никогда не забываю тебя, и все наши тоже сохранили о тебе самое лучшее воспоминание. - История с Евг[ением] Гер[мановичем] - не такая тяжелая. Я даже и не сердился на него, на свете все бывает. Хуже вышло со «Скифами», которые начали с того, что предложили мне выпустить все мои сочинения на всех языках, а кончили тем, что, ничего не выпустив, потребовали от меня, чтоб я признал за ними исключительное право на все мои сочинения и не вступал ни в какие договоры с другими издательствами, не испросив их разрешения. Евг[ений] Гер[манович] - тут не при чем. Конечно, у меня сохранилось его же письмо, из которого ясно, что они никакого такого права не имели. - Надеюсь, что это все образуется, и «Ск[ифы]» откажутся от своих несообразных претензий. - Дать статью о себе я не могу: выйдет Бог знает что. Могу только предложить какую-нибудь из новых своих статей, если это Б. подойдет.

Ал.Толст[ого] нет в Париже, он - в Берлине. Я его видел там, видел и Ремизова, и Белого. И Р[емизов], и Б[елый] мечтают о возвращении в Россию, но поедут ли, не могу сказать, да и сами они едва ли могут сказать с уверенностью. Им здесь тяжело: Ремизову особенно. Он без России жить не может, возит с собой коробочку с русской землей. Ну, а я ведь полжизни за границей прожил. И теперь тут много интересного - и в литературе, и в философии, и в науке. Работают с огромным напря-

жением. Один Эйнштейн чего стоит: ведь это, как говорят, целый десяток Ньютонов! Книг выходит много, очень значительных - и мне так обидно, что некогда читать их, что на добывание франков уходит все время. Все же я, наконец, удосужился - изучил Бергсона: замечательный философ! И в Германии идет колоссальная духовная работа, несмотря на исключительные трудности материального существования. С русскими я мало вижусь: некогда. Но знаю, что все работают. Слышал, что Мережковский пишет большое сочинение о Египте, Бунин - рассказы (его перевели на франц[узский] язык - и французы очень его оценили), Толстой - романы и повести и т.д. На этот раз - довольно: в другой раз еще напишу, особенно, если и ты не покупишься и обо всех напишешь. Всем передай, что есть возможности оказать им материальную поддержку - но что нужно иметь их письма и адреса. Я уже нашел подходящую почту и, как получу их письма, так, верно, можно будет предпринять многое и многое сделать. Обнимаю тебя. Привет и тебе, и Марье Борисовне от меня и всех нас.

Шварцман.

P.S. От Алек[сандра] Ел[еазаровича] Бер[езовского] - не получаем совсем писем. Все ли у него благополучно? Если знаешь о нем - напиши. А что у Бахов? Что Лидия Алекс[еевна]? Они не пишут.

Вяч[еславу] передай, что Грегер перевел на немецкий его сонеты, и они появляться в венском издательстве с моим предисловием.

Из Парижа письма в Россию не отправляются, поэтому посылаю через Висбаден, но ты пиши прямо в Париж, т[ак] к[ак] до нас хоть французы доставляют.

письмо девятое

20/IV-22

Paris, XV, 7, Rue Sarasate
Дорогой Михаил Осипович!

Не знаю, дошло ли до тебя мое последнее письмо - в котором я самым подробным образом рассказал тебе и о себе, и о твоих делах. Боюсь, что не дошло - иначе ты бы уже мне на него ответил. Пишу, на всякий случай, еще раз. Письмо будет послано из Берлина - оттуда письма вернее доходят.

Я, по твоему указанию, начал хлопотать об издании твоих сочинений по-русски в Берлине. Занялся этим делом, по просьбе Мих[аила] Осиповича, находящийся сейчас в Берлине М.А.Ландау-Алданов.* Результаты, как ты можешь убедиться из прилагаемого при сем письма Алданова, очень хорошие. Если переиздадут все твои книги, ты можешь иметь, пожалуй, до 200 000 марок, т.е. около 8 000 фр[анков], на которые можно иметь чуть ли не 80 посылок. Главное, издательства хотят иметь договоры. Не знаю, удобнее ли тебе лично с ними списываться или ты предпочтешь

* Издавать русские книги можно - из-за валюты - только в Германии.

дать мне общие указания и доверенность на подписание договоров. Подумай и, соответственно тому, какое примешь решение, либо напиши мне доверенность, либо обратись к какому-нибудь из указанных в письме Алд[анова] издательств. Само собою, можешь мной располагать, как найдешь нужным: я сделаю все, от меня зависящее. - Пока тебе выслали уже две посылки. Надеюсь, что скоро еще вышлют: я наблюдаю за этим и буду напоминать, где надо. О себе второй раз не хочется слишком подробно писать. Авось, все-таки мое предыдущее письмо дошло. Живу так себе: ни голода, ни холода терпеть не приходится. По мерке русской - значит, даже очень хорошо обставлен материально. Живу очень уединенно, мало с кем вижусь. Главным образом, с Б.Ф.Шлецером. Мы очень с ним сошлись: он переводит меня на французский язык и уже одну (новую) мою статью, в сокращенном виде (о Достоевском) напечатал в «Nouvelle revue française». Теперь он печатает в русском журнале большую статью о твоей переписке с Вячеславом, особенно восторженно он относится к твоим письмам. Когда она выйдет в свет (недели через 2), он пошлет тебе оттиск. Ваша переписка очень его заинтересовала. И действительно, она очень интересна. Шлецеру кажется иначе, но по-моему, все-таки Вячеславу удалось себя выявить больше, чем тебя. Я объясняю себе это тем, что начало сделал В[ячеслав] и тебе поневоле приходится говорить в его тональности. Это отрицательная сторона такой литературной формы. Я думаю, что если бы ты не в ответных письмах, а самостоятельно развивал свои мысли, ты бы больше сказал и в действительности выразился. Мне, верно, тоже придется высказаться по поводу этой книжечки - только в связи с В[ячеславом], а не с тобой. Я обещал одному венскому издателю, выпускающему в прелестном переводе W.Groeger'a сонеты В[ячеслав]а, дать предисловие о В[ячеслав]е. Конечно, нельзя будет миновать этой переписки. Но, по ходу этой статьи, нельзя будет говорить о тебе - и я об этом очень жалею. - Вообще выступать с лекциями, докладами и статьями приходится часто, чаще, чем бы хотелось. Нужно добывать средства. И всяких хлопот с издателями, переводчиками, университетом и т.п. очень много. Это - главная отрицательная сторона здешней нашей жизни. Но и в России не лучше в этом смысле, а, пожалуй, хуже. Сегодня видел письмо Чуковского - и еще другие письма видел: все отдают последние силы на добывание денег. Грустно это, и трудно, при таких условиях, сберечь духовную свою свободу. Завидуешь иностранным ученым и писателям, которые уже почти забыли о пертурбациях, внесенных в жизнь войной, и продолжают свои начатые работы. Недавно в Париж приезжал Эйнштейн: какое это было торжество! Все ученые общества - университеты, академии (кроме бессмертных) и т.д. - на перерыв свидетельствовали ему свое почтение и удивление, совсем забыли, что он *boche* и враг. И во всех областях кипит напряженная работа. Художники, музыканты, ученые, философы - все работают. Конечно, Эйнштейн один, Эйнштейны рождаются раз в несколько сот лет, но подготовительная работа идет во всех областях наук и искусств. Крепка старая Европа - даже такая страшная и безумная война не могла развалить ее. И любопытен для нас тот интерес, который Европа проявляет к русскому духовному творчеству. Достоевский занимает все умы. О нем пишутся статьи, читаются лекции. Выходит полное собрание сочинений Чехова - и по вышедшим томам, можно судить, что успех будет колоссальный. И современными писателями живо интересуются. Всех сколько-нибудь значительных переводят, всем предлагают сотрудничество в лучших журналах. Если бы литературный труд опла-

чивался сколько-нибудь сносно, писатели могли бы безбедно существовать. Но платят плохо, а когда - и ничего не платят: наживаются все издатели. Почему это так выходит - не пойму. Умственный труд плохо оплачивается, платят хорошо только рабочим, коммерсантам и техникам. Эти живут припеваючи, так как, несмотря на дороговизну и высокие налоги, товаров всякого рода видимо-невидимо: все магазины завалены. Не в товарах недостаток, а в рынках. И были бы рынки, без всякого напряжения произвели бы хоть в десять раз больше товаров. На производство война не оказала никакого влияния.

Белицкому я написал и послал ему две статьи для сборника (около 3-х печатных листов) - обе, по темам более или менее соответствующим задачам. Одна - «О корнях вещей», другая - «De profundis (Тысяча и одна ночь)». Обе, увы, правда были напечатаны в заграничном русском журнале, но в Россию не попали, конечно. Если они ему подойдут - хорошо. Если не подойдут - придется отказаться: писать нарочно для него - не могу. У меня так много работы, и я так медленно пишу, что к маю изготовить три печатных листа - никак не могу. Да и не вышло бы, если б *ad hoc* писал, ничего нужного.

О Тане и Наташе писал: они учатся в Сорбонне. А.Е. болеет и возится с хозяйством: готовит, убирает и т.п. Ей хуже, чем всем, приходится. Как Марья Борисовна? И ей, верно, очень трудно. А дети как? Уже, верно, большие выросли! Кланяйся от меня и А.Е. детям и М[арье] Б[орисовне]. Напиши обо всех знакомых. Хорошо бы, если бы они свои адреса прислали - можно было бы и для них (Булг[аков], Шпёт, Бердяев и др.) посылки выхлопотать. Обнимаю тебя.

Шварцман.

P.S. В прошлом письме я просил тебя написать, что знаешь о Вячеславе, Шпете, Бердяеве, Булгакове. Если кому из них трудно, пусть напишет мне. Могут даже одно общее письмо написать. С таким письмом или письмами и точными адресами я могу в разных обществах добыть для них посылки.

письмо десятое

10/VI.22

Paris, XV, 7. Rue Sarasate.

Дорогой Михаил Осипович!

Оба твои письма получил. Очень радовался, что ты не забыл меня и с тем же дружеским чувством ко мне относишься, с каким и я к тебе. Как бы хотелось повидаться и поговорить. И - кто знает? - может и придется. У меня есть надежда, что тебе удастся выехать, как требуют твои врачи, в Германию полечиться. Осенью или в конце лета и я собираюсь туда же лечиться (там дешевле - во Франции не по средствам), авось, Бог даст, встретимся. То-то будет радость! И у меня к тебе те же чувства, что были. Хоть ты и сердись, и покричишь иногда - но это ничего. Даже приятно подумать, что ты опять будешь кричать на меня, отчего я о Достоевском, Спинозе и Плотине, а не о дворниках думаю, а я тебе опять буду напоминать свой ответ на вопрос Нитше: Kann ein Esel tragisch sein. Чем больше живу, тем больше убеждаюсь в том, что пред лицом судьбы высокие звания стираются, и на послед-

нем суде Лютер говорит за дворника и дворник за Лютера. - Но я зафилософствовался - а нужно о делах говорить. Я именно потому не сразу и ответил тебе, что хотел выяснить твои дела, а это не так просто. С берлинскими издателями я не вступил ни в какие сношения, т[ак] к[ак] твое второе письмо пришло очень скоро после первого, да к тому же Цейтлин, через которого шли сношения с Ландау, вдруг замолчал и даже не откликнулся на присланное ему твое письмо. Но я затеял другое. Если издавать твои сочинения спешно, то издатели, конечно, сильно прижмут тебя. Знаю по своему опыту. Издатели, чувствуя, что мне деньги нужны, делают и делали мне всяческие неприятности. И потому я решил вступить в переговоры с рядом лиц и учреждений о том, чтоб тебе выдана была ссуда под издания авансом - приблизительно пять-шесть тысяч французских франков (на эти деньги в Германии можно прожить зиму). Переговоры идут, и, надеюсь, я кой чего добьюсь. Хотел не писать тебе, пока не получу окончательного ответа. Но т[ак] к[ак] придется еще недельку, а может, и десять дней ждать, то решил пока отправить тебе это предварительное письмо. Как только переговоры окончатся, я тебе, конечно, сейчас напишу. Но и теперь у меня такое впечатление, что можно рассчитывать на положительный результат. Если и не все, то часть денег я теперь же достану, а остальные после. Следовательно, если не все обманывают, ты можешь готовиться уже к отъезду. Деньги же вернешь потом, когда получишь за свои книги: торопить тебя не будут. Правда, все, что я пишу, основывается пока только на полученных мною обещаниях. Я знаю, что к обещаниям нужно сдержанно относиться. Но, кажется, что все-таки на этот раз не обманут.

Книги твои мне Л[идия] Ал[ексеевна] переслала. Очень благодарю тебя за них. Как я ни занят, но все же прочел их и нахожу их необычайно интересными. Часть книги о Пушкине я уже знал, остальное все необычайно ценно. А Тургенев - для меня совсем нов, и я ужасно рад, что ты о нем так написал. Его у нас разучились читать и понимать. Об этих книгах будут статьи в двух русских изданиях, и если только Шлецер не утонет в очередных работах, и во французском журнале. Необходимо, чтоб о них знали. В лице Шлецера ты имеешь очень тонкого и строгого ценителя (он здесь занял большое положение в лит[ературных] и музыкальных франц[узских] кругах) - и он будет, если только, повторяю, не съест его всякая спешная текущая работа, твоим проводником по Франции. О твоей переписке он написал большую статью, но, как мне кажется, в твоих книгах, где ты беседуешь с Пушкиным и Тургеневым, тебя больше, чем в переписке, где ты споришь с В[ячеславом] Ив[ановым]. Очень жду «Ключа веры» и «Гольфстрема». Если бы ты мог прислать главы из этих книг, их можно было бы напечатать в журнале, и это принесло бы тебе по 320 фр[анцузских] франков за лист. Можно было бы 3, 4 листа напечатать - это 1000-1200 фр[анков]: все-таки порядочная сумма. Досадно, что ты не прислал ничего с Лид[ией] Ал[ексеевной]: давно бы уже я сдал их и получил деньги.

Вещи посылать отсюда невозможно. А посылки тебе посланы. Я только не разберу, сколько ты получил и какие. Очень важно знать это. Помимо того, что можно сообразоваться в дальнейшем, еще тоже важно проверять, т[ак] к[ак] это вдохновляет покровителя: доходят, значит, не пропадают.

У нас тут ничего нового. Сегодня, слава Богу, читаю последнюю лекцию. Ты напрасно думаешь, что лекции мне легко даются и что у меня «дар слова». Все по за-

пискам читаю - да и аудитория тут не такая, чтоб можно было с кафедры говорить! Теперь пишу статью о Спинозе - чертовски трудно! Да и вообще трудно о таких вещах писать. Не хватает легучести в языке. А тут еще нужно объяснить читателю. Читатель понимать хочет, а у меня все время в душе слова Паскаля: *qu'on ne nous reproche pas le manque de clarte, parce que nous en faisons notre progression.* Но законодатель мысли не Паскаль, а Декарт. Требуется *claire et distincte...* Хотя французы мою статью о Дост[оевском] все же приняли - а уж там ничего и похожего на *claire et distincte* не было. - Ну, опять зафилософствовался - а, насколько я знаю, в письмах философствовать считается просто неприличным...

Всего доброго. Обнимаю тебя. Все наши шлют тебе и Марье Борисовне сердечный привет. А как я буду рад Марью Борисовну увидеть.

Шварцман.

письмо одиннадцатое

29/VII,22

Wiesbaden.

Gartenstrasse, 20

Дорогой Михаил Осипович!

Наконец получил - уже в Висбадене - твои письма. Слава Богу, что все у тебя благополучно. Надеюсь, что ты скоро выедешь. Очень хорошо, что ты не подписал условий с книгоиздательством. Марка опять падает, и теперь 2000 м[арок] за лист - низкая цена. Когда будешь в Берлине, вероятно, разработаешь лучшие условия.

Куда тебе ехать - еще сказать не могу. Лучше всего было бы в Blasien, в Schwarzwald, там очень хорошо - не знаю только, какие там цены. Буду наводить справки и, пока ты доберешься до Берлина, я уже, вероятно, все узнаю. Во всяком случае - торопись уже с выездом, т[ак] к[ак] лето кончается - сейчас август, а в сентябре в Москве холодно.

«Ключ веры» получил и залпом его прочел. Написан он очень хорошо - увлекает. Но по существу, твое истолкование Библии для меня совершенно неприемлемо. Ты эллинизируешь Библию, миришь ее с нашим мироощущением, а я предпочитаю ссорить ее с современностью. Конечно, сейчас в письме не напишешь всего, тем более, что я не совсем здоров и трудно писать мне. Это отложил на после. Может, еще и свидеться придется в Берлине, если только ты не очень задержишься в Москве. Мне туда нужно по своим делам, наверное, к концу августа я туда приеду.

Отчего ты мне о моих не написал?

Напиши, если еще будешь писать. И еще раз повторю просьбу о книгах. Если только возможно, привези Трубецкого о Вл.Соловьеве и что возможно о русской философии (словари, новинки 60-х годов). Этим ты меня избавишь от очень тяжелой работы.

В Берлине увидишь, верно, многих - Андрея Белого, Ремизова и др. Я о них мало знаю и ничего интересного тебе о них сообщить не могу.

Итак - выезжай поскорей. Денежные дела устроятся - не беспокойся об этом. И сведения о том, куда тебе ехать, я тебе добуду.

Обнимаю тебя. Привет Марье Борисовне.

Шварцман.

письмо двенадцатое

19/VIII.22

Wiesbaden

Gartenstrasse, 20

Дорогой Михаил Осипович!

Спешу ответить на полученное мною сегодня письмо твое. Относительно денег - тебе нечего беспокоиться. У меня на руках уже есть полученные для тебя, под издание твоих книг, деньги, которые я держу во франц[узских] франках и не меняю ввиду непрочности курса марки - 1500 франц[узских] франков (тысяча пятьсот). Их ты сможешь получить немедленно по приезде в Берлин. Столько же (и тоже во фр[анцузской] валюте) мне обещано, и такими фирмами, в слове которых нельзя сомневаться. Затем, я надеюсь, что, когда ты сюда приедешь, тебе удастся еще получить три тысячи франков. Этих денег, по-моему, тебе хватит на зиму. - В St. Blasien я написал знакомому и получил ответ, что там много хороших пансионеров, но комнаты трудно достать, нужно вперед заказывать, рекомендует - pension Cordts. Цены меняются в зависимости от курса марки, которая падает не по дням, а по часам. Правильнее всего, если кто-нибудь один поедет вперед - одному всегда можно найти пристанище. А когда условишься и найдешь комнаты, телеграфируешь, - и остальные приедут. Вообще, зимой в St. Blasien очень хорошо - не знаю только, как насчет отопления. И то думаю, что там лучше, чем где-либо, т[ак] к[ак] у них свой лес и везти его теперь дорого.

В Висбадене я пробуду дней десять-пятнадцать, а потом поеду в Берлин, где рассчитываю прожить недели три в надежде, кажется, тщетной, - устроить свои дела. Так что, нужно думать, мы там встретимся, если только твои хлопоты не затянутся слишком. Дольше 25 сентября мне едва ли можно будет оставаться в Берлине. Отчего я в Висбадене и какие болезни лечу? По-видимому, общую болезнь нашу - старость и скудость средств. За год отвратительной работы и жизни из-за франков - устанешь, нужно восстановить силы и отдохнуть.

Кроме Трубецкого о Соловьеве не могу определенно назвать книг, что мне нужны: все, что относится к истории русской философии, - о Хомякове, Киреевском, 60-х годах и т.д. Говорят, Шпет выпустил Историю Русской филос[офии] - правда это? Радлов есть у меня. Но, если это трудно, обойдется и так. Протелефонируй Густ[аву] Густ[авовичу] - отчего он не отвечает на мое письмо и отчего не высылает того номера своего журнала, где была статья о «бл[аженном] Августине».

---

* сейчас - 140 000 немецких марок

Кажется, обо всем «деловом» написал. О книгах твоих - при свидании, материя очень сложная. Я уже и «Гольфстр[ем]» получил и прочел. Приблизительно то же впечатление, что и от «Ключа веры». Наше разновидение в «Гольфстреме» для меня еще больше подчеркнулось. Но ведь так и быть должно: у каждого свои глаза и каждый видит по-своему. Даже один и тот же человек сегодня одно видит, а завтра другое. Спорить против этого бесполезно - да и никогда никто никого переспорить и не мог. Стало быть: да будет так, или, по-старому, аминь. Пока обнимаю тебя и жду с нетерпением свидания, и, надеюсь, что судьба будет милостива - не помешает. Привет Марье Борисовне. Спасибо за вести об А[лександр]е Е[леазарович]е. Письма от него мы не получили ни одного за все время.

Шварцман.

Пиши в Висбаден, Gartenstr[asse] 20: мать там живет постоянно, и письмо не пропадет.

В Берлине всегда найдешь меня в пансионе, где Ловцкие живут.

письмо тринадцатое

[начало письма не сохранилось]

[весна 1924 г.]

...заметно, хотя франк, действительно, очень упал. В конце концов вздоржает. Но если мой нем[ецкий] издатель исправно будет выпускать книги мои и будет платить, то, может быть, у меня будут заработки в золотых марках, и это облегчит меня.

Ты говоришь, что мне нужно быть в России, что я нужен России. Я этого не вижу. Вот и ты, и Белый в России, и там вам нечего делать. И, если бы я там был, и мне нечего было бы делать - разве только улицы подметать или бумаги переписывать. А здесь я все-таки, как могу, свое дело делаю и, если в самом деле мое дело нужно России, - то все, что я делаю, - к ее услугам. Но пока не видно, чтобы это ей нужно было - по крайней мере, той России, которая решает, что можно и что нельзя людям читать. Здесь же я вижу, что французы, действительно, интересуются всем, что интересует меня. «Паскаль» уже разошелся, и первая книга хорошо идет.

Как ты устроен? Что делаешь? Твои письма оставляют такое впечатление, что ты живешь очень уединенно и мало с людьми общаешься. Отчего это? Ведь прежде к тебе ходили люди - и сверстники твои, и молодежь. Отчего теперь все изменилось? И только это у тебя или и у других? Интересуются твоими штудиями и новыми работами! Непременно напиши.

Лундберг ни слова из России еще не написал мне. И вообще из России мало пишут. Получил ты деньги для В.Гр? Мне сказали, что ей посылали.

Обнимаю тебя. Всего вам доброго. Привет от нас всех Марье Борисовне и детям.

Шварцман.

КТО БЫЛ АДЪЮТАНТОМ Л.ТРОЦКОГО

Во втором номере «Еврейского журнала» за 1991 г. были помещены очень интересные воспоминания А.З.Штейнберга. Штейнберг, в частности, пишет, что, по мнению собравшихся в 1919 г. в Петрограде еврейских ученых, сын историка Юлия Гессена был адъютантом у Л.Троцкого, вступившего во временное командование войсками Красной Армии, оборонявшими Петроград от наступающих войск Юденича.

По возрасту для такой роли мог подходить лишь старший сын Юлия Гессена – Даниил, 1897 года рождения, который в 1916–1917 гг. служил в царской армии, а с конца 1917 г. до середины 1919 г. – в Красной. Но Даниил не мог быть адъютантом у Л.Троцкого, так как последний был в Петрограде, видимо, при первом наступлении Юденича в мае–августе 1919 г., а Д.Гессен был в то время на украинском фронте. Во время второй попытки Юденича взять Петроград в октябре–ноябре 1919 г. Д.Гессен был уже заместителем начальника политуправления Балтийского флота (не военного). В последующие годы он был корреспондентом «Красной газеты» в Ленинграде.

Он был арестован по обвинению в троцкизме в 1930 г. На допросах вся его недолгая жизнь «на воле» просвечивалась самым тщательным образом с помощью многочисленных свидетелей, клеветавших на него по собственной воле или по принуждению. В конце концов Д.Гессена присудили к пяти годам лагерей, которые он провел на Соловках. На допросах выяснилось, что с Л.Троцким Д.Гессен познакомился в Сухуми летом 1925 г. и практически больше не встречался. Вне сомнения, сведения о его адъютантстве у Л.Троцкого привели бы к ужесточению приговора.

Дальнейшая судьба Д.Гессена весьма плачевна: новый арест 23 июня 1941 г., бесконечные допросы и пытки, о которых весьма красноречиво свидетельствует его тюремная фотография, и расстрел в Челябинске в 1943 г.

В действительности адъютантом у Л.Троцкого был (или им считался) племянник Юлия Гессена – Сергей Михайлович, 1898 г. рождения. Имея от роду всего 21 год, он в 1919 г. был начальником политотдела 7-й армии в Петрограде и в силу занимаемой должности постоянно находился вблизи командующего фронтом. С.Гессен, активный зицновевец, был арестован в 1935 г. и приговорен к шести годам тюремного заключения. Более полугода он находился в одной камере с Г.Зиновьевым в Верхнеуральском политизоляторе. В 1936 г. началось новое следствие. Однако С.Гессен не давал почти год никаких дополнительных показаний. И тогда он был переведен в Минск. В результате новых допросов возникло дело в 300 страниц. В нем фигурируют десятки людей, обвиняемых в шпионаже, диверсиях и терроре. Создается впечатление, что С.Гессен оклеветал многих, хотя это и не спасло его самого от расстрела.

В 1935 г. был арестован и выслан из Ленинграда в Казахстан отец С.Гессена, Михаил Исидорович. Этот уже немолодой и большой человек через два года умер, не перенеся моральных и физических страданий.

Валерий Гессен
(Санкт-Петербург)

НАШИ ПРИШЛИ!

Еще Остап Бендер сетовал, что пророку Самуилу задают одни и те же вопросы: почему в продаже нет масла и – не еврей ли вы? Вопросы эти в нашем Отечестве и сегодня актуальности не утратили. Скорее даже наоборот. Здесь же, в Германии, первый вопрос – о масле – как-то отпал, а вот второй, как ни странно, остался. И кто его задает? Свой же брат – эмигрант!

Усредним: кто же он, наш герой, задающий сакраментальный вопрос? Как правило, это образованный (простите, имеющий высшее образование), деятельный человек. Он приехал сюда, в Германию, в прошлом году как турист и остался здесь на «постоянное жительство». Или в этом году приехал, но уже официально, в качестве еврейского эмигранта в объединенную Германию. Теперь, вместе с сотоварищами по судьбе, живет в гостинице–общежитии. Посещает курсы немецкого языка. Надеется выбить социальную квартиру. Мечтает, чтобы кто-нибудь взял его на работу. Понятные проблемы и заботы. Так зачем же ему еще и эта – еврей ли вы?

Собственно говоря, а кто он сам? Лет двадцать назад имел хождение анекдот:

Вопрос. Знаете, как теперь бороться с пьянством?

Ответ: За первое попадание в вытрезвитель – мелкий штраф, за второе – крупный, а на третий раз – здесь необходимо было сделать паузу – в графу «национальность» вписут «еврей».

Так вот и у нашего героя сознательная жизнь началась с этого наказания. Точнее, он уже от рождения был виноват. И в том, что в продаже нет масла, и во всем остальном. Да, да, он – еврей. Но он не религиозен. В синагоге за всю жизнь побывал дважды (когда можно было уже не опасаться, что вызовут в партком). Разницу между Ветхим и Новым заветами представляет смутно, об иврите знает, что это – справа налево и, кажется, снизу вверх. С удовольствием ест свинину, особенно теперь – немецкую. Субботу решительно не соблюдает, а вот к Израилю относится положительно. Конечно, в прежние времена, когда всюду обличали сионистских агрессоров... Но теперь-то он правду знает!

Так почему не поехал в Израиль? Во-первых, когда вокруг одни евреи – это, знаете ли... А потом, там ведь сразу по прибытии в аэропорт делают это самое, ну как его... Нет уж, увольте, мы люди цивилизованные!

И все же наш герой – еврей не только по записи в паспорте. Он и сам порой не прочь подчеркнуть свою принадлежность к народу Божьему. Как-то привыкшая к неразговорчивым и дисциплинированным переселенцам прошлых лет – «русским немцам» – преподаватель немецкого языка удивилась: в ее новой группе все говорили наперебой, поминутно ссорились, одаривали друг друга колкими эпитетами, а учителю и рта не давали раскрыть.

– Что происходит, из каких вы мест?

– Ничего особенного, мы все – евреи...

В ходе последовавшей беседы выяснилось, что учительница-немка о еврействе знает много больше, чем все ее ученики-евреи вместе взятые. Но это не вина, а беда нашего героя. Так что надо бы ему наверстать упущенное, да времени нет, занят очень. Чем? Заботится о чистоте рядов.

Вот он сокрушенно вздыхает: «Посмотрите, что делается! По коридору бегают русские дети...» Не дай Бог, если кто-то раньше устроит свой быт. Он тут же берет в руки перо и строчит жалобу: «Караул, несправедливость – квартиру получила не чисто еврейская семья!»

Собрату-иммигранту, у которого жена украинка, он непременно напомним: «В немецких концлагерях служили исключительно украинцы...» Вообще разговоры о латышах, украинцах и литовцах-фашистах облегчают его душу, развеивают сомнения: правильно он поступил, убежав от погромщиков и перебравшись в уютную и благородную Германию. А если что не так, во всем виноваты те самые украинцы, с которыми он дружил с детства в Киеве или Днепрпетровске. Вот он и наставляет «нечистого»: «Вы должны знать свое место в еврейской компании, вы к нам не примазывайтесь...»

Яков Ланда (Ганновер)

«ПЕВЕЦ МИША РАЙЦИН»

Под таким названием в издательстве «Эрмитаж» (США) вышла книга о выдающемся певце Мише Райцине (1930–1990). Уроженец еврейского местечка на Украине, Миша Райцин прошел трудный путь, прежде чем добился признания в СССР. Эмигрировав в 1977 г. в Израиль, он стал одной из звезд мировой оперной сцены.

Автор биографического эссе – друг Райцина, известный скрипач, солист Metropolitan Opera Артур Штильман.

Представители журнала

В Москве:

Александр Липков. Москва 109180, Большая Полянка 30, кв. 153

В Тель Авиве:

Nataly Laskin, rh. Gilad 4, Givat Savion, 55900 Israel.

В Женеве:

Shimon Markish. 3, rue Bovy-Lysberg, Geneve CH-1012, Swiss.

В Мюнхене:

Eitan Finkelstein. Elektrastr. 13, 8000 München 81, Germany.

В Вильнюсе:

Grigory Kanovich. Mildos 39–25, Vilnius 230040, Lithuania.

В Бостоне:

Tatiana Yankelevich. 54 Maplewood Ave., Newton, MA 02159. USA.